

“КОМАНДИРОВКА В СОЧИ”

Дольмен. Книга первая

МАМАЕВ САЙФУЛЛА

Сайфулла Мамаев

"Командировка в Сочи"

Дольмен. Книга первая.

<https://litres.ru/73746157>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла "Дольмен". Инженер-конструктор Матвей Мальков отправляется в командировку на плато Ягеля. Задача проста: восстановить работу радиолокационного комплекса. Заказчик - Международная Организация Астероидной Защиты. Для Матвея это шанс выйти на уровень, о котором он раньше мог только мечтать.

Но когда на плато начинают пропадать люди, а техника фиксирует сигналы, не поддающиеся объяснению, становится ясно: проблема не в сбоях, а в людях. Люди разбудили то, что спало под землёй веками.

Чтобы выжить, Матвею придётся понять, что именно они натворили. И в этом ему помогут его радары.

Жёсткий технотриллер, где ошибка в одном сигнале способна разбудить древнюю угрозу - и запустить цепь событий, которую уже невозможно остановить.

Содержание

Глава 1.	6
***	10
***	13
Глава 2.	16
***	22
***	27
Глава 3.	34
***	38
***	44
Глава 4.	54
***	61
***	75
Глава 5.	80
***	85
***	88
Глава 6.	91
***	94
***	106
Глава 7.	111
***	117
***	125
***	134
Глава 8.	141

***	145
***	154
Глава 9.	162
***	170
***	175
***	183
Глава 10.	189
***	199
***	210
***	219
Глава 11.	224
***	228
***	234
***	240
Глава 12.	251
***	256
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Сайфулла Мамаев
"Командировка в Сочи"
Дольмен. Книга первая.

Моей любимой внучке Алине посвящается

Глава 1.

Москва.

Воздух пах прошедшим дождём и паром раскалённого асфальта.

Матвей Мальков, двадцатипятилетний ведущий инженер московского филиала АО «Заслон», легко перепрыгнул через лужу у входа и взбежал по знакомым ступеням родного предприятия. Неожиданный вызов к заместителю директора филиала — Захару Викторовичу Медведеву — настаивал. В такие кабинеты просто так не вызывают. Либо провал, либо прорыв.

— Матвей Сергеевич, у нас пожар! — с порога заявил взъерошенный Медведев с расстёгнутым воротом. — На ваш «Вирус» в Винерске готовится рекламация! Нужно ехать, разбираться. А из отдела сопровождения никого нет — кто в командировке на Алтае, кто на Сахалине. Так что лететь придётся вам.

«Вирус» — гражданская версия многофункционального радиолокационного комплекса «Заслон». Матвею поручили сделать экспортный вариант, но он, как обычно, не смог остаться в рамках технического задания. В итоге вместо упрощённой модели получился безкинематический радар с цилиндрической цифровой решёткой. Но главное, чем гордился Мальков — в «Вирус» удалось внедрить классифика-

тор целей с искусственным интеллектом. Матвей же его и обучил.

— В Винерске? Этого не может быть, — в голове Матвея всплыли фрагменты прошедших испытаний изделия. — Винерская станция — это седьмой релиз «Вируса». Я его лично проверял и готовил. Пуско-наладка там — только кнопку нажать. В чём конкретно претензия?

— В том-то и дело, что заказчик толком сформулировать её не может, — скривился Медведев, разводя руками. — Звонил какой-то странный тип, матерился, говорил что-то про «клякозябры» на экране, которые «ползают». Отчёт системы документирования они прислали, но файлы оказались нечитаемыми. Пьяный, наверное. Но дело не в нём, — он эксплуатант. Пешка. А вот заказчик тяжеловес — Международная Организация Астероидной Защиты, МОАЗ.

Матвей мысленно присвистнул.

Вот это уже серьёзно. Получается, его «Вирус» достался этой конторе? А мне ни слова не сказали! Вот темнилы, умеют же в «Заслоне» хранить секреты.

— МОАЗ может стать нашим стратегическим клиентом, — Медведев поднял вверх указательный палец. — Такой шанс выпадает раз в жизни! Этот заказ наш лифт. Потому к нему особое внимание. Летите завтра же. Представители заказчика уже в пути, постарайтесь опередить их. Ваша задача — не только починить «Вирус», но и показать его моазовцам во всей красе. Заинтересовать, очаровать. Если они закупят

для своих объектов наши станции — это будет прорыв государственного масштаба. И для вас лично, — начальник посмотрел на Матвея. — Премия, командировки за рубеж, карьерный рост... И новые заказы! Стимул видите?

— Вижу, — сухо кивнул Матвей. — Но способ презентации выбран так себе — ковыряться в неисправном оборудовании при заказчике.

— Надеюсь, успеешь всё починить до их приезда, — Медведев перешёл на «ты», подчёркивая доверительность и важность момента. — Действуй. Бери любой комплект для замены, все необходимые платы. Подумай, что ещё может понадобиться... Мысли об источнике этих «клякозябры» появились?

Мальков на секунду задумался. В глазах мелькнуло понимание.

— Имеются. И они обнадёживающие. Раз прозвучали слова «ползают клякозябры», значит, приёмопередающие модули живы и работают — динамика на экране. Это главное. Самое вероятное — проблема в дешифрации. В обработке сигнала. Это решаемо. В ЗИПе есть всё необходимое, если что, поменяю на месте. С задачей справлюсь.

— Вот и отлично. Удачи. Кстати, как с билетами? Летний сезон — в Сочи всё может быть забито под завязку. Если что берите любые, мы всё компенсируем.

— Через отца возьму, — улыбнулся Матвей, мысленно уже представляя не только прохладную воду Чёрного моря,

но и предстоящую битву с капризной электроникой. — У них всегда есть служебная броня.

Москва.

В спортивном зале висел стойкий дух пота и дезодорантов. Кондиционированный воздух нёс прохладу, но разгорячённые тела бойцов её не замечали. Жужжали тренажёры, звенело железо утяжелителей. На двух канвасах шли спарринги, а чуть дальше занимались ударники.

— Левой, правой, левой, тае-тад! — Серия жёстких ударов завершилась пушечным хлопком ступни по ростовой груше.

— Всё, Матвей, на сегодня хватит! — Властный голос отца, Сергея Матвеевича, остановил его на середине очередной, уже заученной до автоматизма комбинации. — Ты же не хочешь прилететь в Сочи выжатым, как лимон.

Высокий, с военной выправкой, он смотрел на сына с одобрением. Они были поразительно похожи — рост, широкая кость, решительные подбородки. Разница — в проседи и сетке морщин у старшего.

— Ладно! — обрадованный неожиданной поблажкой, Матвей в высоком прыжке всадил в грушу колено, а затем взорвался финальной серией с запрещённым в любительском спорте сок-ти — рассекающим ударом локтя. В закрытом зале Центра реабилитации ветеранов, созданного частной военной компанией «Эльбрус», таких ограничений не

существовало. Здесь царил простой принцип: всё, что эффективно выводит из строя противника, должно быть отточено до рефлекса.

Доступ в зал Матвею организовали родители. Их прошлое всё ещё под грифом, но сейчас оба работали инструкторами в ЧВК «Эльбрус».

Сергей Матвеевич учил молодых рукопашному бою. Анна Дмитриевна тренировала пловцов. Оба были убеждены: идеальное оружие — собственное тело. Этому с детства учили и сына.

— Считаешь, повезло? — спросил отец, когда Матвей стал стягивать потные бинты. — С этой поездкой.

— Сам не знаю. С одной стороны — Сочи, море, солнце. С другой... — он усмехнулся, снимая перчатки. — Да нет, чё там, реально повезло! Это во мне лень шевелится, пытается саботировать рабочий порыв.

— А почему Винерск? — переспросил старший Мальков. — Кто так наукоград называет? Своих имён, что ли, не нашлось?

— Город строили на деньги международных фондов. Как наукоград для кибернетиков. Космос, большие данные и всё такое. Вот и назвали в честь Роберта Винера, отца-основателя кибернетики. Для солидности.

— Международные фонды... — Сергей Матвеевич поморщился, будто почувствовал неприятный запах. — Знаю я эти фонды... И скажу прямо — не нравится мне твоя поездка в

этот паучатник. Может, не поедешь? Скажешь, что заболел.

— Комбат-батяня, батяня-комбат! — пропел Матвей строчку из полюбившейся песни группы «Любе», пытаюсь сбить нарастающую отцовскую тревогу. — Батя, ну ты сам представь — целую неделю отдыхать от твоих истязаний! Вернусь килограмм на пять тяжелее, отъевшийся и счастливый.

— Сколько наешь, столько и сбросишь, — не повёлся на шутку отец. И безжалостно пообещал: — Через пот. Принцип прежний — плюс час к тренировке, пока в норму не войдёшь. Так что решай — оно того стоит?

— А если я, наоборот, худану? — Матвей не сдавался, его настроение оставалось заоблачным. В мыслях он уже был на сочинском пляже. — Тогда тренировки в минус уйдут? Кстати, я у вас сегодня остаюсь. От Ленинского до Внуково — рукой подать.

— Отлично. Значит, вечер в семейном кругу, — отец смягчился и похлопал сына по мокрому плечу. — Беги в душ, забирай маму из бассейна, а я тут добыю своих страдальцев. Встречаемся на парковке.

Самолёт приземлился в Адлере на рассвете, когда южное солнце ещё не успело раскалить воздух. Для местных это была лишь утренняя разминка, лёгкая, ещё не утомляющая жара. Для приезжих из более северных широт — недвусмысленное предвестие дневного пекла.

В Краснодарском крае Матвей Мальков был впервые. В Крыму бывал, в Турции и на Бали тоже, а вот в Сочи — нет. Как-то не складывалось. Теперь, благодаря Медведеву, он наконец-то закроет и этот пробел.

Матвей специально выбрал рейс так, чтобы прилететь в четверг утром. Сегодня, а может и в пятницу он отработает на объекте, зато выходные без вариантов — море, солнце, вечерние набережные, громкая музыка и красивые женщины.

Выходя из прохладного салона, он сделал первый вдох сочинского воздуха — и невольно улыбнулся. Вместо привычного московского коктейля из выхлопов и бетона — плотный, почти осязаемый бриз, густо замешанный на ароматах магнолий, лавра и йодистой горечи водорослей. Пьянящий набор, напрочь отшибающий желание вспоминать о вчерашних совещаниях, пробках и стеклобетоне небоскрёбов Сити.

Мысль о работе, которая ещё вчера казалась рутинной вылазкой, на глазах обрастала соблазнительными перспектива-

ми. Может, и вправду повезло, что МОАЗ купил «Вирус» и развернул его здесь, в этом райском уголке, а он этого не понимал? Пусть сам объект в горах, но что для москвича пара часов езды по живописной трассе? Порой в московской пробке и дольше простаиваешь.

Значит, МОАЗ? Если честно, непонятная организация. Есть же НАСА с его мощными радарам — зачем понадобилась ещё одна структура с пафосным названием «Кольцо Нибелунгов»?

Впрочем, если это послужит развитию астрономии, то почему нет? Ведь это астрономия — мать всех наук, а не математика, как принято это считать. Сначала люди смотрели на небо, пытались не заблудиться в море и вовремя посеять зерно, учились по звёздам понимать, когда вернётся весна и когда ждать разлива рек. Уже потом под эту нужду пришлось изобретать углы, дуги, таблицы, уравнения. Не будь потребности считать фазы Луны и пути светил, не было бы и такого толчка в развитии математики. Расчёт календарей, орбит, сезонов — это в первую очередь астрономия, а математика — её инструмент.

Матвей искренне так считал и имел на это право. Он ещё в школу не ходил, когда увлёкся астрономией. Звёздами, рассказами о далёких планетах и фильмами на космическую тему. Замучил родителей регулярными походами в планетарий и уже во втором классе обычной московской школы объяснял одноклассникам и запутавшейся учительнице принцип

лунного затмения.

Может, поэтому к НАСА он относился с искренним уважением. Не за флаг на Луне и не за красивые картинки, а за скучные каталоги и базы данных: километровые таблицы с номерами и орбитами потенциально опасных астероидов. И зачем тогда МОАЗ?

Глава 2.

На привокзальной площади его ждали.

Среди пёстрой толпы выделялся один мужик: выцветшие камуфляжные шорты, мятая майка-алкоголичка, потрёпанные сандалии с обрезанными задниками. В руках — картонка с надписью от руки: «ЗАСЛОН».

— Вы из МОАЗ? Меня встречаете? — уточнил Матвей, подходя.

— Да оттуда, — встрепенулся мужик, разворачиваясь. Лицо — загорелое до цвета старой бронзы. Нос картошкой, глубокие залысины, бровей почти не видно, глаза-щёлочки, пухлые, обветренные губы. — А вы Мальцев?

— Мальков.

— А, ну наконец-то! Я Илья Костиков. А проще — Костик. Ваш водитель на всё время командировки.

— Матвей.

— Как скажете. Ждём багаж или это всё? — Костик кивнул на его кожаную сумку через плечо.

— Это всё.

— Тогда прошу в автобус, — Костик махнул рукой в сторону притулившегося в тени старенького ПАЗика. — Других машин нет. Даже таксисты к нам отказываются ездить, дорога... да считай нет её.

Матвей вскинул брови.

Нет дороги? Куда же он попал? Там, что вообще нет цивилизации?

— Садитесь, где душа пожелает, — бросил Костик, подходя к бежевому ПАЗику с блёклыми белыми полосами. — Вы единственный пассажир.

Из распахнутых дверей на Матвея хлынул густой, спёртый жар — салон был раскалён южным солнцем так, что, казалось, в нём можно плавить свинец. Зайдёшь — и ожог получишь.

— Ничего, сейчас тронемся — станет легче! — Костик захлопнул дверь. — Машина старая, кондей тут и не ночевал. Обещали новые, но ждут, пока иностранцы с площадкой определятся. Вдруг не подойдёт и придётся всё в другое место тащить. А пока — вот этот реликт. Что есть, то есть.

— Настоящая парная, — констатировал Матвей, плюхаясь на первое сиденье у двери. — Сяду поближе к вам.

— Пока стоял — нагрелся, а как поедем, чуть остынет, — водитель продолжил оправдывать технику. — Но ненадолго: выедем на гравийку, там не разгонишься. Да и время неудачное — в самое пекло попадём.

Миновав Адлер, они довольно быстро доехали до развилки у Хосты. Там, по словам Костика, нужно было подождать «иностранцев».

— Иностранцы? — уточнил Матвей. — Из МОАЗ? Это наши заказчики.

— Да хрен их разберёт, МОАЗ или не МОАЗ. Сказали:

будет КАМАЗ камуфляжный и белый внедорожник. А вон, смотрите, похоже, они.

К обочине плавно подкатили два автомобиля. Впереди — белый «Дискавери» с хищным профилем. На капоте красовалась незнакомая эмблема: две стилизованные раскрытые ладони. Следом — громадный трёхосный КАМАЗ в пёстром камуфляже, с теми же ладонями на бортах.

Из внедорожника высунулся мужчина в бейсболке с той же эмблемой. Грубые черты, мясистый нос, тонкие поджатые губы. Говорил с резким акцентом:

— Хай! Ви из экспе... Ви с плато Янгел?

— И вам не хворать, — кивнул Костик, даже не вылезая из кабины. — Как раз вас и ждём.

— Не ната ждат, ната ехат! — мозовец отрывисто махнул ладонью: сначала на Костика, потом на дорогу. — Ты ехат! Форвард! Мы после вас!

— Поехали, так поехали, — Костик закрыл окно. Выжимая сцепление и, повернувшись к Матвею, хмыкнул: — Интересно, в каком он у них звании ходит?

— Кто?

— Да этот, что рукой машет, — Костик повторил тот же жест. — У меня на военных глаз намётан: до перестройки возил. Этот — не ниже майора. А то и подполковник.

— А по-ихнему, у мозовцев?

— По-ихнему — всё равно майор. И правильно: в наши места сейчас лучше военных посылать. Штатские тут... раз-

бегают. Не хотят здесь оставаться.

— Почему? Здесь? Почти в тропиках? Не поверю. Платят, что ли мало?

— Не в деньгах дело. Мирняку здесь... попросту неуютно, — Костик бросил взгляд в зеркало. Моазовцы сидели у них на хвосте. — Дороги убиты ещё с совковых времён. Денег выделили — разворовали. На отсыпку гравием хватило, на асфальт — нет. А теперь амеры деньги дали, мэр опять обещал привести в порядок... Только болтать — не мешки ворочать. Вот и трясёмся по колдобинам.

— Я слышал, новую дорогу построили. Даже по федеральным каналам хвастались.

— В Винерск — да. Там целый город с нуля выстроили. Всё летает, ездит, роботы по улицам шныряют. Туда гостей возят, показывают, какие мы молодцы. А на наше плато? Кому оно, кроме вас да вот их, было нужно? Все забыли. Только теперь, когда ваш космический объект решили строить, вспомнили. Мэр клятвенно обещал асфальт дотянуть, но... — Костик махнул рукой. — Пропал наш винерский мэр. Испарился.

— Сбежал? С казной?

— Не думаю. Тут другое. Тут что-то неладное стало твориться, — голос Костика стал глухим. — Недавно из кемпинга «Подсолнух» трое детей пропали. Школьников. Родители спать легли, а утром — пусто. Искали всем лагерем, с собаками. Ни следов, ничего. Как сквозь землю провали-

лись.

Матвей пожал плечами, стараясь не вслушиваться в болтовню водителя. У них это профессиональное — болтать, чтобы не уснуть за рулём. Тема не важна, главное — процесс.

— По статистике, в России каждый год без вести пропадает двадцать тысяч человек. И что? У нас в Москве тоже бабушки уходят из дома и не возвращаются. Объявления на каждом столбе.

— Это другое! — Костик покачал головой, в голосе впервые прорвалось раздражение. — У нас таких потеряшек — тьма! На вокзале пост поставили, патрули круглосуточно ездят... А всё равно — весь край заполонили. Но это совсем отможенные, этих никто и не считает.

Матвей усмехнулся. Весело у них тут, на курорте.

— Что, действительно так много?

— Толпы. Они — как перекаати-поле. Сегодня здесь, завтра — в Краснодаре. Мент знакомый рассказывал: среди них — и профессора, и доктора наук, и артисты бывшие. Целая туча вырожденцев!

— А мэр так и не нашёлся?

— Не-а, — Костик тяжело вздохнул. — Боюсь, мы его уже никогда не увидим.

— Бандиты наехали?

— Да при чём тут бандиты! — Костик с силой хлопнул по рулю. — Эпическая сила! Люди пропадают! Средь бела дня!

— Странно, в интернете об этом — ни слуху ни духу.

Ни официальных репортажей, ни блогерских воплей. Сейчас любая ерунда за пять минут по всем сетям разбежится, а тут люди пропадают, а в сети тишина.

— Вот именно, что тишина. А кому кричать-то? И для чего? — Костик злорадно хмыкнул. — Туристов пугать? Себе же вредить. У нас летний сезон — весь год кормит. Зимой денег в городе нет.

— А что, есть что замалчивать?

— Думаешь, нет? Вот три дня назад абхазы такое чудище нашли... Волной на отмель вынесло. Двуногое, но не человек. За два метра ростом, пасть как у акулы, ласты вместо рук и ног. Но с когтями. И что? Кто-нибудь слышал об этом? А через час — ни тела, ни... абхазов. Как тебе такое? Будто ничего и не было!

«И мёртвые с косами стоят», — хотел пошутить Матвей, но сдержался. Вместо этого спросил с напускным безразличием:

— Может, и вашего мэра эти чудища съели?

Костик резко обернулся. В его щёлочках-глазах читалась не злоба, а усталая, накопленная горечь.

— Не веришь? Не верь. Только если ночью услышишь, как лес разом замолкнет, не выходи. Даже в туалет. Просто сиди и жди до утра.

Молчал Костик достаточно долго, почти всю дорогу. Но к концу пути не выдержал и обернулся:

— Не укачало?

— Да нет. Но зубы ещё клацают, — честно признался Матвей.

С того момента, как они свернули на грунтовку, его так трясло и подбрасывало на сиденье, что казалось — ещё немного, и голова оторвётся.

— Ничего, считай, приехали. Вот сейчас поднимемся — и мы дома! — пообещал Костик, с хрустом втыкая пониженную передачу.

— Много вас там обитает? — поинтересовался Матвей.
— Лагерь большой?

— Да не. Вначале, как узнали, что на Ведьминой горе есть работа, много желающих набежало. А потом, когда выяснилось, что пока янкеры не приедут и не покажут, где что делать, никого брать не будут, все разбежались. Теперь на низком старте ждут. А пока только бригадир да три охранника. Ну и я, водилой работаю.

— Ведьмина гора? — удивился Мальков. — Это вы так плато Янгеля называете?

— Да. Ведьмина или Лысая, — Костик переключил передачу. — Плато Янгеля — неправильное название. Местные

её плато Ягеля всегда звали. Может, слышал, травка такая на севере растёт — ягель.

— Слышал, конечно. Кто про север не читал? Эту травку олени любят. И не трава это, а мох, лишайник. Говорят, полезная штука, витаминов в нём много, потому олени её и хрумкают.

— Вот-вот! У нас она только на плато и растёт, оттого и название такое — плато Ягеля. Это ещё при царе так называли. И да, травка эта очень полезная, да мало её совсем осталось. А ваши, приезжие, плато на свой лад перековеркали.

И неожиданно:

— А сейчас в правое окно не смотри. С непривычки оно того... внушает.

Не задумываясь, Матвей повернул голову.

Пустота. Справа не было ничего. Ни дороги. Ни земли.

Где-то внизу — река. Очень далеко. Под колёсами воздух!

Пальцы сами вцепились в поручень. Лёгкие забыли выдохнуть.

Двигатель взревел. Костик задёргался, переключая передачу. Автобус судорожно вздрогнул и небо рвануло вверх!

Миг свободного падения, а затем удар всей массой автобуса о грунтовку.

— Извини, немного переборщил со скоростью! — Прокричал Костик. но в его маленьких хитрых глазках раскаяния не проглядывалось. — Зато ты увидел какая там пропасть! И, кстати, мы уже дома.

Матвей, наконец, выдохнул.

Автобус уже катил по зелёному ковру плато.

Твою мать... Круче любых американских горок!

Матвей посмотрел на вставшие дыбом волосы на руке.

Охренеть, как меня адреналином накрыло!

— Здесь у нас шлагбаум будет, — Костик, будто ни в чём не бывало, показал рукой на два врытых в землю столбика.

— Будку сделаем, КПП организуем. Охрана будет. Всё как положено. А сейчас у нас, скажем прямо, проходной двор, но скоро всё будет иначе.

— А что, много ходят?

— Бывает. Местные считают эту гору особенной. Будто она старше всех окрестных. Почему — не знаю, — пояснил Костик. — Может, оттого что лысая, а вокруг — лес. Или грунт другой. Но разница — вот она, смотри!

Матвей огляделся — и затаил дыхание.

Лазурное небо.

Зелёные... нет, разноцветно-зелёные горы, кольцом окружающие плато.

Чистота воздуха такая, что скалы на противоположной стороне ущелья казались висящими прямо над головой. А сам воздух... после московского смога и сочинского влажного зноя — был вкусным. Именно что вкусным! Хоть закрой вай в банки и вези в Москву продавать.

— Красотища! — вырвалось у него. — Хочется надышаться впрок.

— Да уж, внушает, — кивнул Костик. — Только жарко. Ни тени, ни укрытия. Машины раскаляются — хоть яичницу на них жарь. Единственное спасение — речка. Ребята запруду сделали. Только сидеть там более пары минут нельзя, а то... — он многозначительно скосил глаза на пах, — бубенцы от холода в горошину превратятся.

Матвей усмехнулся. Но взгляд его уже оценивал локацию как инженер.

Позиция — почти идеальна.

Минимальный уклон — брось мяч, не покатится.

Нет мешающих объектов в ближней зоне — для «Вируса» это критично.

Горы на горизонте? Для ПВО — проблема. Для космического наблюдения — нет.

А если поставить антенну на высокой ферме — вообще без вопросов.

Он заметил торчащий на северо-восточном краю плато утёс метра в пять высотой. Будто пень от гигантского дерева.

Надо будет забраться. Наверняка оттуда вид ещё круче.

Костик тем временем продолжал:

— С севера — обрыв метров двадцать. Или больше. С юга — больше, все тридцать с хвостиком. А вот с северо-запада и юго-востока — идут такие же плоские участки. Каскадом. Со стороны кажется, можно на машине съехать. Только дураков нет, никто не пробовал.

Мальков продолжал любоваться. Молча. Говорить не хо-

телось — не хватало слов.

Разрушал идиллию лагерь строителей, размещённый чуть южнее центра плато. Дороги к нему не было — только приямая колёсами ПАЗика колея.

Палатки стояли вразброс: пара серо-зелёных десятиместных армейских, три синих четырёхместных и одна двухместная — красная.

Перед ними — стол из струганых, но некрашенных досок, две лавки, чуть поодаль — обложенный большими камнями очаг с тлеющим поленом.

«Вирус» обнаружился у юго-западного края плато — модернизированная «Газель» с радиопрозрачным обтекателем над невысокой цилиндрической антенной решёткой. Остальное оборудование — в салоне.

На севере, у обрыва, — строительная техника: бульдозеры, экскаватор, КАМАЗы-самосвалы и топливозаправщик.

Рядом — кучи стройматериалов: колючая проволока, бетонные столбики и арматура. Ещё дальше — горка из запасных шин для колёсной техники.

А в двадцати метрах от лагеря, у края плато, — кривая будка нужника из неструганой вагонки.

Но в целом место было шикарным. Не так уж и «стрёмно», как бубнил Костик.

Даже деревья тут водились — чахлые, похожие на бонсай, но живые. А на севере и вовсе темнел намёк на рощу.

— Прибыли! — обернулся к Матвею Костик с будничным видом и, увидев остановившихся американцев, ловко выскользнул из кабины. — Можно выходить, конечная.

Мальков, ещё не вполне пришедший в себя после адреналинового серпантина, молча кивнул.

И вдохнул, а затем ещё раз. Глубоко и с наслаждением. Запах высокогорья, трав, свежести... Это был, как удар под дых — прозрачный воздух и оглушительная тишина, нарушаемая только стрекотом кузнечиков.

— Михалыч, встречай гостей! — бодро закричал Костик, направляясь к палаткам. — Всех привёз — и наших, и янкерсов!

Михалычем оказался крупный, седой мужчина лет пятидесяти. На нём были лишь длинные тёмно-синие шорты и выцветшая бандана, прикрывающая давно не стриженные волосы. На ногах — такие же, как у Костика, сандалии с обрезанными задниками, только ещё более потрёпанные. В центре круглого живота, прямо над резинкой шорт, выпирал купол пупочной грыжи размером с куриное яйцо.

— Владимир Михайлович Смекалов, — представился он, с силой пожимая руку Матвею. — Начальник всего этого...

Безобразия, — чуть не вырвалось у Малькова, но он сдержался — к ним уже подходили моазовцы, и в их присутствии

хотелось держаться солиднее. Иностранцев оказалось трое: двое вышли из «Дискавери», а третий легко спрыгнул с подножки КАМАЗа.

— Джон Карпентер! — шагнул вперёд уже знакомый Матвею пассажир внедорожника. — Старший инспектор МОАЗ. Мы... обследовать грунт. Там, где радар. А это мои камрады... коллеги, — палец моазовца показал на водителя КАМАЗа, — Джеймс Бертон энд... — палец переместился к третьему, — Шон Кейси. Я плохой русский. Шон — лучше.

Закончив речь, Карпентер шумно выдохнул и посмотрел на товарищей.

Шон оказался высоким, худощавым блондином с удивительно бледным, в красноватых пятнах, лицом. Матвею показалось, что Кейси — альбинос, но глаза у него были водянисто-голубые, а не красные. Хотя в век контактных линз на цвет глаз можно было не ориентироваться.

Третий моазовец, Бертон, производил впечатление крепкого, не молодого, но отлично сохранившегося бойца. Среднего роста, темноволосый, широкоплечий, с мощной грудной клеткой. Взгляд — быстрый, жёсткий, движения — стремительные. Ни у него, ни у Карпентера не было ни сединки, что заставило Матвея заподозрить их в регулярном подкрашивании волос.

Смекалов, явно взволнованный важностью момента, суетливо огляделся и сделал пару шагов навстречу гостям.

— Да, я предупреждён, — мелко и часто закивал он. —

Мне говорили. Я вчера... нет, сегодня... Да, точно, сегодня я...

— Позавчера, Михалыч! — подсказал Костик. — Позавчера мы ездили в Сочи, оттуда ты и звонил.

— Ну да, точно, вчера мне руководство о вас сообщило! О вашем приезде. А вообще, мы вас давно ждём, — Смекалов махнул рукой в сторону палаток. — Здесь нас пока пятеро. Было больше, но люди в ожидании вас, точнее, в ожидании разметки... Короче, как вы определите место строительства, сразу начнём. А пока — только охрана и я. Я здесь и как начальник, и как оператор вот того радиолокатора, — Михалыч показал на «Газель». — «Вирус» называется! Вещь, скажу я вам, в нашем деле важнейшая! Он нам всё заменял — и сигнализацию, и охрану, и... даже погоду показывал! Но вот сломался, зараза! А до того работал! Теперь как без рук. Без глаз, точнее.

Михалыч озабоченно посмотрел на радар, чем окончательно насторожил Малькова.

— Сделаем, — пообещал Матвей. — Сегодня же заработает.

— Точно? — бригадир недоверчиво покосился на скромную сумку Матвея. — Инструмента-то у вас маловато... Смотрите, не подведите! Нам без вашего «Вируса» совсем тяжко!

— Не переживайте, всё сделаем, — твёрдо пообещал Мальков. — К вечеру будет работать.

— Это хорошо! Очень хорошо! О, а вот и остальные на подходе! — Смекалов показал на троих полуодетых мужчин, появившихся с северной стороны плато. — Рыбу, наверное, наловили, сейчас зажарим!

— Окей, — кивнул Карпентер. — Там есть риве... река?

— Что? — не понял Смекалов.

— Он спрашивает, есть ли там река, — перевёл Матвей.

— Ещё какая! — вместо бригадира отозвался Костик. — Горная, мощная! В прошлом году троих туристов унесла, так их так и не нашли!

— И этих тоже не нашли? — удивлённо хмыкнул Мальков, поворачиваясь к водителю. — Что-то у вас с поиском совсем плохо!

— А сам сходи, посмотри, — сверкнул глазами Костик. — Только выше щиколотки в воду не заходи, не советую. Посмотрю, как оттуда пулей вылетать будешь! Достоинство от холода так подскочит, что вместо галстука носить будешь, пока не отогрешься!

— Обязательно попробую, — пообещал Матвей, уже жалея, что задел болезненную тему. — Люблю холодную воду, она бодрит.

— Тогда смотри, вон там, — отходчивый Костик уже без злобы показал на северо-запад, — утёс небольшой, видишь?

— Пень, — не удержался Мальков.

— Что? Какой пень?

— Утёс, говорю, похож на пень.

— Да? А что, точно подметил, похож, — Костик с новым уважением посмотрел на москвича. — Этот твой «Пень» — самое высокое место на плато. Прямо возле него тропа вниз начинается. Если искупаться хочешь, там спускайся, мы там запруду соорудили. Течение тише и вода немного прогревается. Но, знаешь, лучше один не ходи, в первый раз — с кем-нибудь из наших.

Заслоновец кивнул.

Может, и впрямь вечером окунуться? Когда ещё подвернется случай в горной реке поплескаться? Завтра — уже не получится, завтра по плану море. Но за совет — спасибо.

— Ну, быстрее идите, чего плетётесь! — проревел Смекалов своим охранникам. — Видите, люди приехали, вас ждут!

— Это они гостей увидели, подумали, комиссия, — засмеялся водитель. — Решают, подойти или смыться.

— Давайте быстрее, людей на таком пекле ждать заставляете! — начальник сердито махнул рукой. — Быстро!

Матвей обернулся к подходящим рыбакам. У двоих в руках были удочки, третий нёс ведро.

— Знакомьтесь, это наша гвардия! То есть, наши охранники... Это... Этот...

— Александр, — представился первым подошедший охранник. — Драгунов.

— Степан Зотов, — сообщил самый высокий из рыбаков. Он передал удочки напарнику и, подняв сцепленные руки, бодро крикнул: — Физкульт-привет!

— Тоже Александр, — сообщил третий, ставя ведро перед гостями. — Можно Александр Второй, а можно Сашка. Так мы и поделились — я Сашка, он Александр. Или Драгун. Вот, рыбки принесли, — сообщил он. — Все усачи, но одна форелька попалась!

— Вот все наши сотрудники. Те, что из нездешних, — продолжил Смекалов. — Местных не берём, те вечно по домам разбегаются. А эти издалека, им бежать некуда, здесь и обитают.

Мальков оглядел троицу. Мужики были не первой молодости, жизнь их явно потрепала. Да и сейчас она была к ним не слишком щедра — чувствовалось, что вчерашний вечер они провели в борьбе с «зелёным змием».

— Костика, водителя, вы уже знаете, вот он, и я — местные, сочинские, — Михалыч вдруг замер и уставился на Матвея. — А вы здесь кто?

Мальков непонимающе вскинул голову.

— В смысле, кто?

— Михалыч, это же тот самый специалист из Москвы! Он твой «Вирус» ремонтировать приехал! — вмешался Костик, махнув рукой в сторону радара.

— Да? — удивлённо вскинул брови Смекалов. — Да-да, правильно, радар срочно ремонтировать нужно! Так вы приехали ремонтировать наш «Вирус»? О, как хорошо! Знаете, мы без него совсем замучились! Мы...

— Извините, что вмешиваюсь, — Матвей, почувствовав-

ший себя неудобно, с лёгким раздражением посмотрел на Смекалова. — Давайте вы мне сразу скажете, что с ним? Мы в Москве так и не поняли суть неисправности.

Михалыч внимательно посмотрел на Малькова, затем на моазовцев, потом снова на заслоновца и покачал головой:

— Какой-то ты молодой совсем, — неожиданно заявил он. — Видишь, здесь все люди в возрасте, опытные, а ты зелёный ещё...

— Как огурец! Длинный, зелёный и весь в пупырышках! — засмеялся Сашок. — Ладно, пошёл я рыбой займусь, а то испортится.

— Да-да! — встрепенулся Смекалов. — Чего стоим? Все за работу!

Глава 3.

Оказавшись в аппаратной «Вируса», Матвей облегчённо выдохнул.

Вот здесь он дома. Пусть этот «дом» далеко от Москвы, но всё же... Он захлопнул дверь и щёлкнул кондиционером.

Прохлада ударила в лицо.

Матвей нажал кнопку включения. Словно поздоровался со старым, верным приятелем.

Тихий, уверенный щелчок автомата. Деловитое шуршание вентиляторов. Индикаторы готовности — все, как один, зелёные. На обоих дисплеях поплыли стандартные строки приветствия.

Пока всё штатно.

Тем лучше. Займемся диагностикой. Ну-ка, покажи, что у тебя не так? На что жалуешься?

Экраны мигнули обновлением информации.

Слева — штатные доклады о состоянии аппаратуры.

Справа — листинг последних операций.

И главная строка в самом конце: «Все системы функционируют в заданных параметрах».

Матвей ввёл команду проверки дешифратора.

Дисплей чист. Контрольная метка — на своём месте. Он переместил её — метка послушно скользнула в новую позицию.

Получается... дешифратор работает?

Переключил режимы радара, изменил форму сигнала, алгоритм обработки.

Метка привычно откликнулась, меняя форму и интенсивность.

Всё работало без единого сбоя.

Выходит, зря приехал? Подняли панику из-за пустяка?

Матвей перевёл радар в основной рабочий режим.

И правый экран мгновенно захлебнулся яростным, слепящим шумом. Словно кто-то выплеснул на него ведро с бело-салатовой краской. Матвей невольно поморщился — экран рябил так, что от контраста резало глаза. Не больно, но противно до мурашек.

Вот оно. Проблема обозначилась во всей своей «красе».

Значит, сигнал в Москву дали верный — дефект налицо.

Так, не спешим! Поработаем головой. Анализ.

Локализуем проблему.

Матвей замер. Догадка оказалась настолько невероятной, настолько же банальной.

Да ну, не может быть!

Схватил отвёртку из комплекта станции. Потом резко наклонился к панели.

Открутил два болта, держащих защитную крышку блока дешифратора.

И — точно. Всё, как он и предполагал!

Тумблер стоял в положении «ТЕСТ».

Матвей выдохнул сквозь зубы.

— Вот же... придурки!

Матвей щёлкнул переключателем в рабочее положение.

Экран мгновенно очистился, будто его протёрли тряпкой.

А затем на дисплее высветился идеально чёткий контур плато, периметр охраняемой зоны. Тропинка. И даже помеченные красным фигурки людей видны, как на ладони.

Он переключил обратно.

Клякозябры.

Вернул в штатное положение.

Идеальная картинка!

Всё. Станция — в норме.

Претензии — не к технике, а к тем, кто не может удерживать свои руки от чужих, да ещё и спрятанных переключателей.

На всякий случай — для будущего отчёта — он достал смартфон.

Машинально отметил отсутствие «палок» в индикации качества сигнала. Оценивать было нечего — связи, как его и предупреждали, здесь действительно не существовало.

Сфотографировал злополучный тумблер в аварийном положении. Не для себя, а как железный аргумент в предстоящем споре с руководством о его дальнейшей судьбе. Удалять его нужно и впаивать перемычку.

Ну вот и всё.

Задание на командировку — выполнено. Осталось заполнить акт.

Он достал ручку...

И вдруг остановился.

Кого писать виновником? Гадать нечего — Михалыч.

Кто ещё мог устроить этот цирк с переключателями?

Да, не повезло местным с начальничком...

Выйдя из аппаратной, Мальков увидел, что моазовцы тоже не теряли времени даром. Пятнистый КАМАЗ теперь стоял почти в центре плато, метрах в пятидесяти западнее лагеря. Возле трапа, ведущего в КУНГ, кипел негромкий, но напряжённый спор.

Карпендер с багровеющим лицом что-то выговаривал Шону. Тот виновато разводил руками, а Бертон, стоя поодаль, наблюдал за этим с нечитаемым лицом и равнодушными глазами.

Увидев Малькова, Шон показал на него рукой, что-то сказал. Карпендер резко обернулся, и его взгляд, полный раздражения, упёрся в заслоновца.

— Господин Малкофф, — Кейси ловко обошёл начальника и быстрыми шагами приблизился к Матвею. — Вы сильно... занят? Если хелп... помочь... есть нам... проблем?

— Вам нужна моя помощь? — догадался Мальков.

— Есс, да, — альбинос кивнул с преувеличенной надеждой. — Очен нужна.

— Вообще-то я ещё не закончил, но, если вопрос не слишком сложный, с удовольствием помогу. — Матвей вначале хотел отказаться, но передумал. Его работа была почти завершена, а растерянность Шона выглядела так искренне, что просьба моазовцев вызвала чисто спортивный интерес.

— Джон, — подошедший Карпентер протянул руку. На его лице играла неестественно широкая, деловая улыбка.

— Матвей, — ответил Мальков, пожимая ладонь.

— Матьвэй? — попытался повторить Карпентер.

Мальков едва сдержал смех. Вот так его ещё точно не называли.

— Мэттью, — предложил он англазированной версии.

— О, Мэттью! Верри вэлл! — обрадовался Джон, будто это решило все проблемы. — Окей, Мэттью, ви нид хелп.

— Вам нужна помощь, — вежливо поправил его Мальков.

— Да. Мы будем платить! Помочь... нам, — настаивал Карпентер.

— Да ладно, — отмахнулся Мальков, — если что-то простое, то и платить не надо, а с чем-то сложным я вам вряд ли помогу, вашу станцию не знаю. Так в чём, собственно, дело?

— Шон, — Карпентер приглашающе махнул рукой. — Ю тайм. Скажи ему.

— Понимаете, Матвей, — вступил в разговор блондин. — Это... этот Фестивал... Фестивал, брейк...

Испытывая острую нехватку русских слов, Кейси замаялся. Матвей приходит на помощь не спешил. Зачем? Узнают, что он свободно говорит по-английски — и всё, конец спокойной жизни, придётся при них на побегушках состоять. Вместо этого он решил заполнить паузу шуткой:

— На фестивалях не был, брейк не танцую, как-то не пришлось. Но не думаю, что всё так плохо, решим мы вашу про-

блему, — он старательно изображал человека, пытающегося понять абсурдную просьбу.

— Ноу! Нет! — Карпентер замотал головой и руками. — Вы... Мы не так говорим! «Фестиваль» — это она! — Его палец резко ткнул в сторону пятнистого КУНГа. — Наш радар. Её зовут так! Чёрт, Шон, ю сэй... — И, сорвавшись, добавил на английском: — Не стой, как идиот! Говори с этим русским, хоть так от тебя будет польза! Видишь же, моего русского не хватает!

Блондин вздрогнул, его бледные щёки покрылись алыми пятнами, но он сдержался. Подошёл к Матвею, кивнул.

— Шон. Май нейм Шон.

— Матвей. Чем могу помочь?

— Наша станций, тот, который будет здесь, входит в кольцо радар систем «Нибелунг». — Кейси говорил медленно, с усилием вытаскивая из памяти русские слова. — Это один большой сенсор... с раз... разделен... разнесен...

— Понятно, полилокальная РЛС? — перебил его Матвей, чтобы прекратить мучения блондина. — Ну, это я знаю, у вас такие ещё полистатическими называют. Но статика для радара, так себе термин... Так от меня вам что нужно?

— О, гуд... Ваш радар, — он махнул в сторону «Вируса», — есть GPS?

— Да, конечно. Но есть нюанс. Приёмник встроен в станцию. Я его не смогу вам вынуть и отдать.

Карпентер оглянулся на Кейси.

— Я не понимаю, что он говорит, — перешёл он на английский. И тоном, не терпящим возражений, приказал: — Разберись, в чём ещё проблема. И давай активнее, Шон. Я не должен делать твою работу. Сделай так, чтобы я мог сделать свою!

— Джон, не корчи из себя босса, ты мне не указ! — так же по-английски, но не теряя улыбки, парировал Кейси. — И не позорь нас перед русскими. Я разберусь. Уверен, мы всё уладим. Что тебе вообще этот позиционер? Нам такая точность не нужна. Мы не за этим сюда приехали.

Мальков постарался, чтобы у него даже ресницы не дёрнулись, но внутри у него всё насторожилось.

— Не болтай лишнего! — прошипел Джон, украдкой косясь на Матвея, но тот сохранял маску полного непонимания. — Шон, сколько раз говорить, следи за языком! Каждый должен...

— Угомонись, Джон! Не надо пафоса. Мы оба знаем, зачем здесь на самом деле. — Кейси перебил его, всё так же улыбаясь. Он искоса посмотрел на заслоновца. — Да и твой вопрос мы решим. Хотя я считаю, он не столь важен. Остальное-то работает...

— Работает? — глаза Карпентера превратились в щёлочки. — Работает? Тогда почему у меня нет связи с Брюсселем?

— А я при чём? — опешил Шон. — Кто виноват, что русские ещё не провели сюда нормальную связь?

— Меня не интересует, кто виноват! Я должен доложить Вальери о том, что мы на месте! — прошипел Джон. — Мне нужна связь! А как ты её обеспечишь — твои проблемы. Почему у нас нет спутниковых телефонов?!

— Джон, опомнись, кто мог предположить, что здесь такая дыра, где даже мобильники не ловят?

— Ты должен был предположить! Ты отвечаешь за технику, ты отвечаешь за связь! Всё остальное — пух! Пустые слова! — Карпендер сжал пальцы щепотью и, дунув на них, резко разжал. — Ты меня понял? Мне нужна связь!

— Ладно, хорошо. Завтра съезжу в город, куплю пару спутниковых трубок, — Кейси отмахивающимся жестом попытался снять напряжение.

— Вот это правильно, — губы Джона растянулись в улыбке, но глаза оставались холодными. — Как купишь, сразу свяжись с нашими операторами, получишь коды.

— Окей, завтра всё сделаю, — Кейси усмехнулся. — Вот видишь, всё решается без истерик. Джон, спустись на землю. Ты не председатель совета, чтобы я терпел твои крики. Держи эмоции при себе. Если есть проблема — говори, а как я её решу, тебя не касается!

— Ты лучше сделай, что должен. А что кого касается, мы ещё обсудим, — вновь взвился Карпендер. — Я обязательно доложу председателю Вальери о твоём отношении к работе! Он и так недоволен твоей неудачей с нашим спонсором. В случае следующей последуют выводы! Не забывай об этом!

Оставляя за собой последнее слово, Джон, бросив на Малькова злой взгляд и что-то буркнув себе под нос, резко развернулся и быстрыми шагами направился к Бертону, достающему из внедорожника багаж.

Соответствуя своей роли, Матвей лишь удивлённо поднял брови.

— Проблемы? — с наигранным участием поинтересовался он у Шона.

— Нет, литл... маленький каприз, — улыбка снова вернулась на лицо моазовца. — Мы есть разный сектор. Департамент. Я один, они другой. Разный босс. Соревноват... или как это, ревновать.

Мальков вздохнул. *Что-то темните вы, ребята! Придётся с вами поосторожнее...*

— Бывает.

— Мелочь, — Кейси пренебрежительно махнул рукой. — Ю, ты... Можно так? Говорит «ты», не «вы»?

— Конечно.

— Окей, ты мне тоже «ты», у нас нет «вы». Мы путаемся, когда говорят «ти» ор «ви». Окей, идем к делам, — Кейси кивнул в сторону «Вируса». — Так как наш вопрос? Ты говоришь, проблема? Есть, да?

— Нет, всё в порядке. Давай посмотрим, что у вас случилось. Показывай.

Шон, открыв аппаратную георадара, вошёл первым и махнул рукой:

— Заходи, зачем стоишь?

Мальков, раздираемый любопытством, почти не касаясь стальных ступенек, взлетел в станцию.

— Просторно у вас здесь, можно ходить в полный рост. Не то, что в нашем «Вирусе», там не разогнёшься. Ну ладно, не будем отвлекаться, рассказывай и демонстрируй, где у вас что! — подбодрил моазовца Мальков, отмечая, что в аппаратной «Фестиваля», расположенной в высоком кузове КУНГа, не только просторней, но и комфортней, чем в его радаре. Одна только пара удобных высоких кресел для операторов чего стоят! В таких не только работать, выспаться можно!

— Там, дизель. Он генерат питания всей радар. Два бак дизель плюс ресерф... — Шон, неверно поняв Матвея, решил провести экскурсию по георадару. — Зис... дисплей. А эта — процессор... обработка. Он индустриал компьютер, онли спешиаал софт. Искусство интеллект...

— Да понятно, искусственный интеллект! — улыбнулся Матвей. — Дальше, давай.

— Да-да, искусствен-ный интел... интел...

— Интеллект. Лучше говори искин, так проще и быстрее.

Или нейросеть.

— Матвей, не надо помогать! Я хочу сам. Я хочу быстро знать ваш язык. Я буду весь ночь стараться! Посмотришь завтра день, я буду лучше.

— Ага, молодец, за ночь ты как раз всё изучишь! — иронично усмехнулся заслоновец. — Положишь словарь под подушку? Отличная идея! А главное, рабочая! А на суахили сможешь?

— Если надо сделать, тогда смочь! Рюсски знать время был мало, но я стараться. Хорошо стараться. — Кивнул Кейси с серьёзным лицом. — Ван... Один ночь, моя рюсский тебя удивить!

— Хорошо, ночь в твоём распоряжении, старайся. А пока поехали, рассказывай про ваш «Фестиваль» дальше.

— Поехали! — Шон с серьёзным видом кивнул и показал на панель с двумя большими мониторами. — Зис... это, есть дисплей. Система дисплей. Анд индастриал... промышленный компьютер, онли свой софт. Здесь задать сигнал форм... энд... ресиве ис процессед... Матвей, хелп ми.

— Насколько я понял, ты хочешь сказать, в этом блоке задаются формы сигнала и обрабатывается информация, поступающая с приёмников?

— Ес! Так правильно! — кивнул медленно покрывающийся красными пятнами Шон. Не так уж и легко ему давался русский язык. Что он и признал следующей фразой: — Так будет правильно... если ты хелп... будешь помогать мне.

Окей, этот... эти фо... четыре приёмник... квадрат, — моазовец для наглядности руками показал воображаемый квадрат. — Антенн в земля. Бух-бух-бух!

Кейси, сложив руки вместе, показал, будто забивает в землю кол.

— Забиваете антенны в землю? Ну да, куда же ещё забивать антенны георадара. Варвары, кувалдой по антенне! — покачал головой Мальков. — И антенну передатчика тоже? Кувалдой?

— Окей, антенн трансмиттера тоже. Сентер. Сентер... Центр.

— Теперь всё понятно, можешь дальше не мучиться и не объяснять. Хочешь, сам расскажу, как работает ваш «Фестиваль»?

Кейси скептически улыбнулся, но спорить не стал, наоборот, с довольным выражением лица жестом руки показал — излагай.

— Антенна передатчика устанавливается в геометрическом центре, с её помощью вглубь изучаемой территории посылается мощный широкополосный сигнал. Ваши антенны приёмников расположены квадратом прямо на заглубляемых штырях. На них — приём и первичная обработка отражённой информации. Там же она фильтруется, усиливается и оцифровывается. Затем вся цифросмесь поступает на процессор. Там математические фильтры высокого порядка отделяют полезный сигнал от шума, определяет харак-

тер препятствия, сравнивает его с сигналами от других антенн. Искусственный интеллект распознаёт или интерпретирует цифровые образы и выводит всё на дисплей уже в удобной для оператора форме.

Белобрысый мозозец удивлённо захлопал глазами.

— Только один квешн. Вопрос. — Американец поднял вверх тонкий длинный палец. — Откуда ты знаешь?

— А что тут знать, и так всё понятно. Шон, ты не забыл, я вам всем говорил, я сам локаторщик! Я их разрабатываю! — не удержался и похвастался Мальков. — Более того, вот тот модуль, что стоит у вас, делал наш головной офис — АО «Заслон». Производитель вашего георадара, чтобы не заморачиваться, просто купил нашу нейросеть и систему визуализации.

Кейси уважительно кивнул и демонстративно дважды хлопнул ладонями.

Матвей глянул на часы.

— Шон, есть ещё что хотел показать, или займёмся делом?

— Да-да, есть. — Кейси улыбнулся. — Сейчас... Такого ты не видел. Тебе повезло — наш радар экспериментальный. У него всё... писать память.

— Документируется, — подсказал Матвей.

— Да, именно! — длинный палец мозозца взметнулся вверх. — Он всё пишет в память. Окей. Начинаем.

Кейси показал Малькову на правое кресло, сам сел в ле-

вое. Его длинные руки дотянулись до панели с силовыми переключателями, щёлкнули автоматами защиты питания.

Зажглось неяркое дежурное освещение.

Утопив пару кнопок, моазовец дал команду на включение аппаратуры радара.

На дисплее пошли сообщения стандартного загрузчика компьютера, затем появилось меню с основными режимами работы «Фестиваля».

Размашистое движение по экрану вызвало список опций. Шон выбрал пункт «Play».

На дисплее пробежал длинный список с датами записей.

— Нау, теперь смотрим, покажу тебе вери любопытный видео, — моазовец довольно откинулся в сторону, но, что-то вспомнив, вернулся к мониторам. Вызвал на левый дополнительное меню. — Зис... это режим есть с подсказка. На здесь дисплей... эта половин — это смотреть вверх, это как вид сюда, — длинный палец упёрся в поставленную вертикально ладонь. — А это вот так.

Ладони моазовца сделали жест, будто он охватывает что-то круглое. Глобус или арбуз.

— А, дошло. Это в разрезе, а это в объёме.

— Да. Так. А ещё вот:

Кейси переключил изображение в другой режим.

— Это есть сыр... сырой материя... материал. Да-да, так правильно, сырой материал. Без обработки. Радар обнаружить... что-то, определить и вывел, бат нам тут... так инфор-

мация читать плохо. Неудобно. Так делает... так работает обычный георадар. «Фестиваль» — есть супер, есть совсем новый генерейшин! Мани много стоит! Но сама идей... антенн квадрат — вери гуд!

Кейси развёл руками.

— Рекламу пропускаем. — Малькову уже надоело долгое вступление. — Дальше что?

— Нау... теперь ты будешь смотреть вот этот.

Моазовец несколько раз мазнул пальцами по дисплею.

— Зис есть участок. Там, — альбинос показал пальцем в пол аппаратной. — Под низ. Зен... после делаем больше.

— Увеличиваем, — подсказал Мальков.

— Да-да, спасибо, — закивал Кейси. — А теперь я двигать зону обзор... сюда! Лук! Смотри на эта красавица! Красота!

Мальков удивлённо рассматривал странное опрокинутое конусообразное подземное сооружение не менее полутора метров глубиной и столько же в диаметре основания. Всё пространство в этом объёме было испещрено вертикальными и горизонтальными ходами так, что непосвящённому могло показаться, что он видит растущую кроной вниз новогоднюю ёлку.

— Поразительно! — вырвалось у Матвея. — Что это?

— Не знай, как будет рюски. Маленький битл... ант. Много-много. Хаус... дом ант.

— Ант... с усиками? Маленькие такие?

— Есс, усик. Лап. Много.

— Муравей! — Мальков почувствовал, что его актёрский ресурс на исходе. — Муравейник? Ты хотел сказать, муравейник?

— Есс-есс, мюрав... антхилл!

— Красиво, — не мог не согласиться Мальков. — Очень красиво!

— А вот... лук... смотри вторая... другой файл. — Кейси перешёл в меню, выбрал запись.

На дисплее протянулись ещё одни «тени», только теперь более толстые, плотные, узловатые.

— Корни?

— Это просто. Это да кор-ни. Я другой вопрос. — Моазовец ткнул пальцем в дисплей. — Это кто?

Мальков присмотрелся, заметил между двумя большими корнями одного дерева более плотную тень с размытыми контурами.

— Клад?

Шон довольно улыбнулся, затем приложил ладони к голове, изображая длинные ушки.

— Рэббит! Ну погоди! Картун!

Тень шевельнулась и исчезла.

— Кролик? — догадался Мальков. — Ты про мультик «Ну, погоди!»?

— Да-да, «Ну погоди»! — довольно закивал Кейси. — Кляд много говорят. Так скажут все кто смотрит. Глупо. Начала надо знат кто... Нет, не кто, а куда смотрит. Где смот-

реть. Да-да, где искать? Земля есть большой! — для наглядности моазовец раскинул свои длинные худые руки. — Вся жизнь можно дисплей смотреть и пф! И ничего! Нет ничего! Там. А смотри другой мест — там о-оо-о! Клад! Бат... но надо знат куда смотрел.

Моазовец вновь приложил ладони к лицу и стал поворачивать голову вправо и влево, изображая зону поиска.

— Жаль, я уж губы раскатал, — улыбнулся Матвей. — А глубина какая? Ну, как далеко вниз он «смотрит»? «Фестиваль», я имею в виду. На сколько метров? Или футов? Ярдов?

— Разный земля, разный метр. Грунт, камни, ривер... река, там внизу. Можно контрол рауэ... мощность. Это да, больше мощность, дальше смотри. Мы ещё не смотрел полный мощность. Ваш дэвелопер... твой коллег, разработка.

— Разработчик? — Матвею вновь пришлось прийти на помощь моазовцу.

— Да-да, раз-ра-бот-счик. Он просьба нас не дават максимосчност. Я пробоват максим семь пять перцент...

— Семь-пять?

— Нет, — Шон быстро вывел показания мощности передатчика на панель в специальное окно на левом дисплее.

— А, дошло! Семьдесят пять процентов! Это другое дело! И сколько у вас получилось? — улыбнулся Мальков, всматриваясь в показания. — Сколько? Сто девяносто семь метров? Ни фига себе!

Мальков не удержался и присвистнул. Почти двести метров! И это не на полной мощности! Молодцы коллеги! Это реально круто!

— Да, семдес пят перцент, — кивнул Кейси. — Лимит. Но вичаут вотер. Без вода. Вода плох. — Моазовец ударил ребром правой руки по открытой ладони левой. — Мало метр. Вода плёхо. Вода все резат. Если вода, мало видит. И кэйв тоже плохо.

— Понимаю, нам тоже гидро и метеообразования работу осложняют. Но давай уже к делу, откровенно говоря, планировал сегодня всё закончить, а завтра на море смотаться. Никто в Москве не поверит, что был в Сочи, ну, почти в Сочи, и на море не побывал.

Шон посмотрел на Матвея.

— Здоровая идей. Ай ту... Я тоже так думал. Дэй энд найтч. Сутки. Окей? Дэй бич... пляж, афте зе ресторан, афте клуб. Найтч клуб. Гёрл, дансинг. Туда-сюда...

— Тогда давай ускоримся. Показывай, где ваш приёмник. И давай начнём по порядку, как нас в институте учили. А учили нас начинать с источника питания и антенны. Хотя, мы собирались посмотреть потроха, раз уж здесь, открывай.

— Потрёха? — на розовато-белом лбу Шона собрались морщины. — Что есть потрёха?

— Не заморачивайся, открывай.

Внешний осмотр приёмника, как и ожидалось, ничего не дал. Как и обследование непосредственно печатной платы —

никаких повреждений и следов термического воздействия не обнаружилось.

— Полезли наверх к антенне, — решил Мальков. — Надеюсь, со спутниковой вы без кувалды обходитесь?

Глава 4.

На крышу КУНГа вела узкая металлическая лестница, прочно прикрученная болтами.

Шон взобрался первым — легко, несмотря на длинные конечности.

Матвей последовал за ним — и ударился коленом о ступеньку, отчего зашипел от боли.

Чёртовы лестницы, по канату и то удобнее!

Проблему заслоновец увидел сразу.

Точнее — две проблемы.

Во-первых, антенны не было. Только обрезанный, будто ножом, конец высокочастотного кабеля.

— Вы проверяли — она точно была? — спросил он у Кейси. — Или так с завода пришла? В дороге пользовались позиционером?

— Ноу! — Кейси потрогал срез. — Тудей ми включат — всё бил окей. Ми сюда едем по навигэйте. А время... час назад навигэйти пропасть. Это тогда бил. Но как? Ума нет приложит!

Матвей сообразил сразу.

Грунтовка. Колонна машин. Камень, вылетевший из-под колёс «Лендровера», идущего впереди. На такой дороге вполне вероятно.

И усмехнулся.

— Камень, — сказал он вслух. — Что за день сегодня... Одна нелепица цепляется за другую! Вначале тумблер, теперь вот это...

— Что? — не понял Кейси.

— Не заморачивайся. Просто дважды случилось то, что не должно было. Ладно, что делать будем?

Палец Матвея ткнул в резиновый пенёк от антенны.

Кейси растерянно посмотрел на обломок. Затем — витиевато, с множеством «фак» — выругался.

— Согласен! С каждым словом, — кивнул Матвей. — Может, с вашего «ровера» такую снять? У вас же на внедорожнике навигатор?

— Ест, бат аматер. Любител. Ноу подходить.

— Ерунда! Зато повод съездить в Сочи! Покупаем антенну!

Кейси замер. Посмотрел на Матвея. И довольно улыбнулся.

— Окей, ты райт! Ната ехат Сочи! Бай сатэлайтс фэнс!

— Понял, покупаем спутниковые телефоны. Так вот: чтобы вы не теряли время, снимем антенну с «Вируса», поставим вам. Вы отюстируетесь, и твои коллеги смогут начать работу. А завтра купим новую — и вернём всё на место. «Вирусу» она сегодня не нужна.

— Вери гуд! — кивнул Шон. — Один момент: надо делать фото. Стравнять...

— Сравнить, — поправил Матвей. — Ладно, фотографи-

руй.

Кейси достал смартфон, наклонился над местом крепления. Как только он это сделал, Малькову открылась скрытая фигурой мозовца часть плато. И толпа — человек тридцать. Шли с севера, цепью. Рваная одежда, пустые взгляды...

— О, а это ещё кто такие? — удивился заслоновец.

Мозовец, занятый фотографированием и осмотром огрызка кабеля, не сразу понял, о чём говорит москвич. Не разгибаясь, поднял удивлённые глаза на Малькова.

— Вон там, — Матвей кивком показал за спину Кейси. — Наверное, какая-то экскурсия приехала. Вот уж не думал, что плато такое популярное место для прогулок.

Те, кого москвич принял за экскурсантов, шли от северо-западного отрога, и охранники, занятые приготовлением ужина, вторжение пропустили. Да и какая это была охрана — трое средних лет и средней трезвости мужиков, выполняющих в лагере не только свою, но и любую другую работу. Пока функционировал «Вирус», постоянный контроль территории людьми вообще не требовался. Умный радар отказал, а эти так и не перестроились, расслабились до неприличия — под носом у себя толпу не видят!

Наблюдая за нарушителями, Матвей подумал: а вдруг с отключением блока обработки не всё так просто? Вдруг станция кому-то помешала? Тумблер — не автоматическое устройство, сам не переключится, его только вручную переводят в нерабочее положение. Но зачем? Странно это всё.

На плато воровать, следовательно, и охранять пока нечего. А главное — кому? Какому энтузиасту понадобится два часа трястись по разбитой дороге или полдня идти пешком туда, где несколько бомжеватого вида работяг да заготовки для забора? «Вирус» до прибытия основной экспедиции выглядел здесь как прыщ на лбу — не нужный и лишний, и только появление дорожной техники стало оправдывать его эксплуатацию. О, а может, именно из-за неё вся эта диверсия с переключателем и затевалась? Новенькие бульдозеры, экскаватор и топливозаправщик — для кого-то неплохой куш. Если не угнать, так запчасти снять можно. Тогда да, всё выстраивается в логическую цепочку.

Пока Матвей размышлял, ватага незнакомцев приблизилась. Мальков уже мог различить лица, но это ничего не дало — он никого здесь не знал.

— К нам гости! — крикнул он копошащимся у костра рыболовам. Увидев повернувшиеся недоуменные лица, добавил, показывая на северный отрог: — Много гостей, на всех хватит! Идут толпой, вон оттуда!

Первым отреагировал Карпендер. Он легко, едва касаясь поручней вертикальной лестницы, взобрался на крышу «Фестиваля».

— Это... кто? — удивился моазовец, вглядываясь в толпу.
— Кто есть этот люди? Что за... зе дрегс?

— Отбросы, — машинально подсказал Матвей.

— Да, райт, отброс! — кивнул Карпендер. — Сенкс! Бат

кто есть эти люди?

— А вот у него спросите, — Матвей кивнул на выходящего из палатки Смекалова, и заорал он во всю глотку: — Михалыч!

Бригадир и комендант лагеря в одном лице, услышав незнакомый голос, удивлённо заозирался. Видно было, что он только проснулся и не понимает, что за крики и суета посреди дня. Ну натуральное безобразие, никакого покоя!

— Михалыч! Там кто-то идёт! Много людей! Не знаю, ваши или чужие, но они какие-то непонятные! — Матвей вновь закричал и для убедительности вытянул руку в сторону нарушителей. — Вон там они подходят, с той стороны!

Мальков нёс эту чушь, не отдавая себе отчёта, что же его встревожило на самом деле — не эти же экскурсанты? Выводило из равновесия, что никак не удавалось определить, что именно не нравится, что настораживает в незваных посетителях. И тут он понял: — *цепь. Они идут не кучкой, как нормальные люди, а растянутой цепью, охватывая всю северную часть плато!*

— Тут что-то не то! — Мальков повернулся к Карпентеру. — Мне кажется, не те люди, что могут сюда приходить! Они больше на бродяг похожи, чем на строителей!

Видимо, Джон думал так же: на его мужественном лице было трудно что-то прочесть, но между бровями появилась едва заметная складка. Услышав слова Малькова, он согласен кивнул.

— Шон, Джеймс, ред элерт! — объявил тревогу Карпентер, быстро шагнул к краю плоской крыши «Фестиваля». Не задерживаясь ни на мгновение, спрыгнул на плато и быстро двинулся в сторону «гостей».

Матвей удивлённо посмотрел вниз.

Метра три, не меньше! Не, я с такой высоты прыгать не буду! Странные они все здесь какие-то! Михалыч этот, забывающий всё на свете, мозговцы, скачущие словно гимнасты, теперь вот ещё и толпа. Блин, точно нужно быстрее валить отсюда!

Заслоновец ещё раз взгляделся в подходящих, теперь уже внимательнее.

Как бы смешно ни звучало, но в голову пришло слово «зомби». Но нет, не они. В кино зомби бледные и с пятнами крови на лице. Эти же вторженцы вовсе не истощены и морды у них не в крови. Разве, что немного загнанные. Как после пары часов бега. Хотя нет, не бега — с такими животами, что у некоторых «гостей», не побегаешь. Больше подходит сравнение с футбольными фанатами, наоравшимся на трибунах, а теперь устало бредущими домой. Сходство усиливали крики, то и дело доносившиеся от толпы.

Мальков прислушался. Ему показалось, что каждый орёт что-то своё, доносились лишь отдельные слова, но связать их в фразы не удавалось.

— Жратва! Жрать давай!

— Глотки... Твари, всех порву!

— Домой! Вали к себе...

— ЖКХ сжечь на хрен!

— Мясо! Дайте мясо!

— Глаза... мои глаза горят!

— Жрать!

— Где мои дети? Детей верните!

Мальков оглядел толпу.

Они требуют еды? И за этим поднялись сюда, на плато?

Что за бред? Что тут может быть такого, чтобы привлечь толпы голодных? Шли бы в богатый и сытый Сочи, там рестораны, кафе, там мэр в конце концов, какая-никакая власть. Здесь им кто чего должен?

— Не приближаться! — над лагерем загредел голос Михалыча из мегафона. — Это закрытая зона, посторонним вход запрещён! Немедленно покиньте территорию плато, иначе к вам будут применены административные меры!

Повернувшись на звук, Матвей увидел Смекалова, вышедшего из-за палатки и теперь мерно шагающего навстречу толпе. В руке бригадир держал мегафон, в который продолжал требовать освободить площадку.

Рядом с Михалычем шёл Карпентер, чуть отстав — Бертон и Кейси. Матвей даже не заметил, когда альбинос успел догнать начальника. Только что стоял за спиной Малькова, а потом раз — и уже в двух десятках шагов впереди!

Не желая оставаться в стороне, Мальков, скользнув ладонями по стойкам вертикальной лестницы, соскочил на землю. Рысью побежал к товарищам.

— Жрать дай, жрать хочу!

Теперь уже отчётливо услышал Мальков сиплый голос одного из бродяг.

— Доколе терпеть, проваливайте отсюда!

Это уже кричала женщина.

— Глаза... они смотрят! На меня смотрят! Они следят!

— Домой! Чемодан! Вокзал! Россия! Все домой! — орал ещё один. — Убирайтесь к себе в Россию!

Мальков едва не замотал головой: это о чём этот приду-рок? Они же и так в России!

— Здесь наша земля! — вопил следующий. — Провали-вайте туда, откуда пришли!

— Дети! Где мои дети? — орала сморщенная старуха. — Деточки, они же маленькие совсем! Кто видел моих деток?

— Небо падает! Небо! — это уже толстуха в майке-алко-голичке и синих мужских трусах до колен, из-под которых белели толстые целлюлитные колени. — Это из-за них небо на нас прогневалось! Это они виноваты!

Мальков услышал топот: мимо него пробежали трое охранников. У Александра — короткий помповый дробовик с пистолетной рукоятью. Последним, запыхавшись и путаясь в неудобной обуви, бежал Костик с монтировкой в руке.

Мальков, чтобы не отставать, поднажал. Догнав мозозцев, встал между ними и вопящим в мегафон Михалычем.

— Кто это? — спросил Матвей у Кейси и тут же понял глупость вопроса. Как приехавший с ним мозозец мог ответить?

— Потеряшки, я же рассказывал! Епическая сила, уже третий раз приходят! — вместо Кейси отозвался Костик. Непривыкший бегать, он с сипением вдыхал воздух, но старался не отставать. — Но сегодня они совсем дикие!

— Всем покинуть территорию строительства! — Михалыч вновь принялся орать в мегафон. — Это закрытая тер-ритория, вам здесь находиться запрещено!

— Жрать хотим!

— А-ааа, ЖКХ, гады, жить дайте! — завизжала крупная грузная женщина лет пятидесяти в когда-то светлом, а ныне грязно-сером платье с пионами. Шагнув вперёд, она подняла руки с растопыренными пальцами и угрожающе выставила когтеобразные ногти: — Порву, сволочи!

— Убирайтесь! Покалечу!

Длинный и тощий, как жердь, смуглый черноглазый бродяга поднял над головой подобранный кол и угрожающе двинулся на Михалыча.

Нападавший успел сделать два шага. Бригадир оторопело смотрел на него, не предпринимая ничего для защиты. Ситуация усугубилась, когда из-за спины тощего выскочил его напарник — мощный грузный мужчина лет сорока пяти в тёмной пиджачной паре. В руке он держал толстый прут арматуры, а это уже было опасно.

Длинный шаг-подстройка, вращение на опорной ноге — и правая стопа, распрямляясь в классическом боковом ударе, врезалась в челюсть пиджачного. Тот плашмя рухнул в траву. Но Матвей уже завёлся. Инерция первого удара перетекла во второй. Уходя на повторное вращение, не останавливаясь пробил тощего.

Тот, беспомощно мотнув длинными конечностями, отлетел в толпу.

Кол остался лежать рядом с Матвеем.

— Всем стоять! Назад! — заорал в мгновение оказавший-

ся рядом Карпентер и одним рывком отшвырнул Матвея к своим. — Стоять! Всем стоять!

Отброшенный мощной рукой мозовца, Мальков врезался в едва стоящего Костика, и они оба полетели на землю. Но удивиться нереальной силе Карпентера было некогда: быстро перекатившись, Матвей вскочил как раз в тот момент, когда все три мозовца, встав в одну линию и широко расставив руки, в странном полуприседе двинулись на толпу крикунов.

— Все слушат мой! — громко и отчётливо продолжил Джон. Матвею вдруг представилось, что он видит удава Каа из мультфильма «Маугли». Более того, всё происходящее выглядело настолько нереальным, что Малькову на миг почудилось, будто он стал действующим лицом этого мультфильма!

— Все стоят и слушат мой! — продолжил мозовец. Его голос звучал всё громче. — Вы смотрят только на мой! Слушают только мой!

Мальков физически ощутил, как голос Карпентера «потяжелел», стал плотным и давил на каждую клеточку организма. По телу будто пробежал лёгкий электрический заряд — каждый волосок встал дыбом, а руки налились неизведанной тяжестью. Неожиданно накатило желание рвать, бить, крушить! А затем всё вокруг стало монохромным — от тёмно-красного до полной темноты, воздух уплотнился до кисельной густоты!

— Гет аут!! — Карпентер уже почти шептал, но шёпот был

странным, свистящим, с отчётливыми шипящими нотками. — Бистро бежат аут! Бистро! Кто нет — смерть! Порву! Гет аут!!! Аут-аут-аут!

Последнее слово Джон произнёс с таким визгом, что у Матвея заложило уши. Но зато ушло оцепенение, в мир вернулись нормальные краски. Желая быстрее освободиться от странного эффекта, он потряс головой, зажал нос и, как в бассейне, продул слуховые каналы.

Наваждение отпустило, вернулось нормальное зрение. Краем глаза Мальков заметил ошеломлённого Костика — тот стоял с закатившимися глазами, раскачиваясь в трансе. Матвей хотел встряхнуть водителя, но не успел.

— Бам!!! — прогремел выстрел помповика. — Бам!

Матвей мгновенно развернулся.

Стрелял Александр. Передернув затвор, он вновь вскинул дробовик.

Мальков посмотрел на толпу.

К ним бежала толстая тётка — почему-то не поддавшаяся воздействию моазовцев. Её тумбообразные ноги подминали траву, и она неслась, как броненосец по океанским волнам.

— Бам! — перед женщиной взметнулся фонтан земли и выкорчеванной травы.

— Стой, дура! — закричал Александр. — Стой, или пристрелю!

Мальков увидел глаза обезумевшей женщины. Они были расширены от ужаса — несчастная бежала на защитников

лагеря не из смелости, из страха!

— Не стрелять! — заорал он охраннику и бросился к сумасшедшей. — Не стрелять!

— Матвей, стоять! — завопил Шон. Вытянув длинные руки, он попытался поймать пробежавшего мимо Малькова, но тот отвернул правее и увернулся от захвата.

Понимая, что сумасшедшая его не слышит, Матвей решил сбить её с ног, но при куда там! Его отбросило, как пушинку — тело женщины казалось каменным! Удар оказался настолько сильным, что Матвей, проскользив пятой точкой по траве, вновь оказался у ног товарищей. Он ещё успел подумать, что превращается в шар для боулинга, как сильная рука Бертона поймала его запястье и одним рывком помогла встать. Ещё рывок — и Мальков за спиной шагающих вперёд моазовцев.

— Ты что творишь, эпическая сила? — закричал Костик, дёргая за руку. — Не мешай им!

Матвей посмотрел на водителя.

— Не мешай, — вновь проорал тот. — Не видишь разве, они знают, что делают!

Мальков растерянно обернулся.

Широко разведя руки, слегка согнув колени, все три моазовца медленно, как загонщики на охоте, пошли вперёд. Тётка, сбившая с ног Малькова, теперь, схватившись за голову, стояла на месте. Раскачиваясь и подвывая, она со страхом смотрела на приближающихся. До неё оставалось метра

три, когда Джон вдруг резко присел ниже и заорал на такой высокой частоте, что какое-то время Матвей, уже не слыша звук, зримо ощутил его воздействие на потеряшек!

Незванные гости, растеряв всякие признаки организованности и агрессии, зажимая уши руками, заметались по плато. Первой, как стоявшей ближе всех, на акустический удар отреагировала взбесившаяся тётка — её перекосило от внутренней боли. Подпрыгнув и развернувшись в воздухе, она рванула в сторону утёса. Мгновение спустя за ней бросились другие. Наглядно изображая броуновское движение, сталкиваясь и отлетая друг от друга, несчастные теперь хотели одного — как можно быстрее покинуть зону строительства. Не прошло трёх-четырёх минут, как плато очистилось. Лишь примятая трава свидетельствовала, что здесь бродило стадо безумцев.

Ошарашенный Матвей недоверчиво огляделся. На плоской вершине стояли только он, Костик и моазовцы — ни сумасшедших, ни охранников не было! А нет, вон Михалыч в канаве калачиком свернулся. Рядом Александр валяется, голову руками сжимает.

— Джон, ты не перестарался? — спросил Бертон. Естественно, по-английски. — Вместе с сорвавшимися ты и наших ослов придавил.

— Ничего, скоро очнётся, — отмахнулся Карпентер. — Минуты через три придут в себя.

Мальков украдкой перевёл дух, затем, уже не таясь, сде-

лал несколько восстанавливающих упражнений.

— Охренеть! — вырвалось у него. — Джон, чем ты нас приласкал? Почему аборигены в нокауте? Что это было?

Карпентер переглянулся с товарищами, затем вытащил из кармана небольшую пластиковую коробочку.

— Новый устройств! Совсем новый. Ещё нет продать. Сабсоник даватель. Ультразвук. Фор... для разгона толп... псих, — Джон пренебрежительно махнул за спину. — Такой псих — проблем не только ваш. У нас в Штатах тоже. Европа тоже. Везде трабл. Для не убивать — наш делал этот.

— Но вы же что-то кричали? — не поверил Мальков.

— Энтураж! Эффект для глаз! Голливуд! Буф! — для убедительности Шон, изображая взрыв, вскинул руки. — Этот аппарат пока мало. Пока проба, мало кому есть. Вы сказать — дефицит. Для управлять этих, — Кейси махнул в сторону, куда скрылись потеряшки, — мы их дрессируем, как животных. Приучаем: ужас — мы кричим! Они помнят и будут бежать, когда я или он кричат. Без прибора пугать!

Карпентер, согласно кивнув, спрятал коробочку в карман.

— Ссори. Извини, пока не прошла апробация...

— Апробирование, — подсказал Матвей. — Испытания.

— Да, всё правильно. Пока не прошли опыт — не разглашать информацию. Секрет. Литл тайм секрет, — пояснил Джон. — Потом расскажем.

От Матвея не укрылось, что Кейси и Бертон при этих словах переглянулись.

— Значит, у вас в Америке тоже такие проблемы? — Мальков махнул к краю плато, откуда пришли и куда удалились сумасшедшие.

— Оф косс! Конечно! — кивнул Шон. — Псих везде, не только ваша проблема. Общая. Мы хотим бороться гуманно.

Матвей растерянно огляделся.

Врёшь ты всё! В такой крошечной коробке — генератор и излучатель, способный разогнать толпу? А где усилитель? Источник питания?

Чушь. Но спорить с тем, что моазовцы очистили плато, тоже глупо — сам сё видел. Только сделала это не коробка.

Ладно, пока обострять не будем.

Размышления прервал громкий стон. Мотая головой, попытался подняться Смекалов. Матвей быстро подбежал, помог встать.

— Епическая сила! — простонал за спиной Костик. — Вот на хрена оно было нужно? Голова теперь раскалывается! С похмелья так не гудит!

Аборигену никто не ответил. Помогая себе рукой, он поднялся на колени, затем встал.

— Михалыч, работа у нас стала вредная, полечиться бы? — поддержал водителя Сашок. Пытаясь подняться, он встал на колени, выпрямил левую ногу, качнулся — затем пришла очередь правой. Не удержав равновесие, побежал вперёд и кувырком зарылся в траву. — Твою мать, Михалыч, я уже

без водки стоять не могу! Лекарство нужно!

— Нечем лечиться, вы же, собаки, вылакали всё! — пробурчал Смекалов, трясая головой. — Сам бы употребил! Сейчас в лечебных целях пошло бы, но нету! Кто позавчера последний запас прикончил? Терпите теперь!

— У хорошего начальника всегда есть неприкосновенный запас! — подал голос Степан.

— Стёпа, что с тобой? — удивлённо воскликнул Сашок, наконец закрепившись в вертикали. — Что у тебя с глазами?

— А что с ними? — опешил охранник.

Заинтересовавшись, Мальков посмотрел в глаза Степана. Тёмно-красные сгустки запёкшейся крови почти полностью закрыли белки.

Степан непонимающе осмотрелся, прошёлся по глазам коллег.

— В зеркало посмотри, — подсказал Александр. Когда он пришёл в себя и присоединился, Мальков не заметил. — У тебя зрачков не видно, всё тёмное!

Матвей промолчал. Он раньше видел такие глаза. На соревнованиях у бойцов после пропущенного мощного удара в голову. Опасный признак, наверняка у Степана сотрясение мозга.

— Это у тебя сосудики лопнули, — поспешил успокоить собутыльника Сашок. — Вот и залило всё там. К врачу надо, давление померить.

— Не надо к врачу, мне бы накатить сейчас — всё бы вста-

ло на место, — признался Степан.

Мальков почувствовал, что его дёргают за руку. Обернулся — позади Шон.

— Что есть «накатить»? — спросил он. — Я хочу хорошо знать ваш язык.

— Накатить — значит выпить. Лучше водки, но сойдёт всё, что горит. Разве что кроме бензина. Спирт, водка, вино, одеколон — всё пойдёт. У наших коллег, — Мальков кивнул за спину, — это самый действенный метод восстановления. Лекарство от всех бед, они здесь даже перелом водкой лечить будут.

— Водкой? Ты говоришь, водка помогает?

— Она самая, для этих ребят лучше лекарства нет, — буркнул Мальков.

— Ты не шутишь? Они знают... считают, поможет? — удивился Кейси.

— По крайней мере, Степан в этом уверен, — Мальков развёл руками и усмехнулся. — Да они все так думают. Только горячее кончилось.

— Горячее? У них нет бензин? Хотят ехать в супермаркет без бензина?

— Боже, Шон, ты меня вопросами с ума сведёшь. Ближайший супермаркет в трёх часах езды. Даже ларек с пивом далеко. Для наших аборигенов водка и есть горячее. Им оно нужно, чтобы думать, работать, жить.

Удивлённый Кейси отошёл к Карпентеру. После недолго-

го совещания забрался во внедорожник, достал две литровые бутылки водки.

— Это помогает? Это подойдёт? — спросил он у пострадавших.

— Конечно, поможет! Как же водка может не помочь? Она лучше всех средств! — засуетился Сашок, стремительно перехватывая бутылки. — Стёпа, готовься, сейчас вылечим! И тебя вылечим, и сами полечимся! Костик, братан, стаканы носи, сейчас гостей «Ленивой Мэри» угощать будем!

— Кровавой Мэри, — машинально поправил Матвей. Он уже привык к ошибкам аборигенов.

— Не, именно Ленивой! — возразил Сашок, выходя из палатки-склада. В одной руке — щербатые стаканы, в другой — тарелка с помидорами. — Берешь водку, выпиваешь, закусываешь помидоркой — вот и Ленивая Мэри!

Мальков ухмыльнулся. Сам он не то чтобы не пил — в хорошей компании за столом мог расслабиться. Но в таких условиях участвовать в застолье не хотелось.

— Стёпа, чего стоишь? — вдруг заревел Смекалов. — Уха вся выкипит!

— Какая уха, ты о чём, Михалыч? — опешил моргающий охранник. Всё же беспокоила травма. — Мы её ещё не ставили, только рыбу выпотрошить успели, как эти безмозглые пришли!

— Как не ставили? — удивился Смекалов, оглядываясь к костру. Заглянув в ведёрко с рыбой, сдулся. — Не ставили?

Не может быть! Я же сам видел... А, ну да. Тогда ставьте побыстрее, а то жрать хочу!

Услышав «жрать», Матвей вздрогнул. Краем глаза заметил, что остальные тоже оглядываются. Затем грянул дружный смех.

— Жрать?! А с ЖКХ у тебя как? Детей не терял? Ну ты, Михалыч, и скажешь! Петросян на минималках! — Степан едва не сложился пополам, ткнув пальцем в бригадира. — Жрать он хочет! Давай, не стой, раздевайся!

— Зачем? — не понял бригадир.

— Осматривать будем! — пояснил Сашок. — Вдруг потеряшка куснул? У вас признаки схожи — они тоже жрать требовали!

— Ха-ха-ха! — закатился Михалыч, но вышло неестественно. — Точно, кричали! Я... Нет, мужики, но я правда жрать хочу!

— И я бы не отказался перекусить, — попискивая от смеха, признался Костик. — Ужинать пора, а мы ещё не пообедали! Эти меня точно заразили — теперь и я жрать хочу! Да и ЖКХ бы пострелял — цены на воду и свет опять подняли!

Слова водителя вызвали новый приступ смеха, но Мальков веселья не разделял. Смех лился истерично. Никто не смотрел друг другу в глаза.

Угроза ушла, напряжение осталось.

Есть Малькову тоже не хотелось. В глазах стояли бешеные глаза и орущие глотки потеряшек.

Если правильно понял, они третий раз приходят? И ещё могут? Не хотелось бы...

А ведь придут ещё: Карпенгер напугал, но вряд ли отвалил навсегда. Но как же красиво он это сделал! Заорал, будто пел — вначале низко, с рыком, потом выше и выше! Аж уши заломило! Сердце чуть не остановилось, будто камень холодный вместо него. А вот про прибор врёт. Однозначно! Мал прибор... и прибор ли? Может это что-то другое? Хотя... чёрт его знает. Эффект-то был — и очень ощутимый.

От размышлений его отвлек Шон, тронув за плечо.

— Что с нашей проблемой решил? Помочь будешь?

— А что решать, я же сказал: перекинем антенну с «Вируса» — дело с концом! — махнул рукой Матвей. После стычки на идею поменяться антеннами смотрел иначе. — Подготовь фидер, надеюсь его зачистить сможешь?

Дождавшись кивка Кейси, продолжил:

— Я сейчас демонтирую свою антенну с «Вируса». Там разъём стандартный, в ЗИПе такой должен быть. Навернём к твоему огрызку — длины хватит. Полчаса — и позиционируйтесь. Завтра в Сочи купим новую, как вернёмся, всё восстановим.

— Спасибо! — повеселевший Кейси метнулся в «Фестиваль» за инструментом. — Я тебе должен!

— Это не есть зомби, Костик, — Карпентер, сидя на толстом бревне у костра, ответил на вопрос водителя. — Ноу... эти не те. Зомби не бывает. Они не живой, да, райт... правильно, мёртвый. Те люди, что идти... прийти... ту дэй...

— Сегодня, — машинально подсказал Мальков.

— Да, райт, сегодня, — согласился Джон. — Они живой, они не мёртв.

Мальков кивнул. Кроме него, моазовцев и любопытного Костика, все остальные давно спали. Вкусно пахло печёной картошкой и хлебом, жарившимся на углях.

— Да понимаю я! — Костик досадливо бросил в костёр стебель травинки, которую жевал. — Но и нормальными людьми этих назвать тяжело. Откуда они берутся?

— Мы называт таких «свортед», — ответил за Карпентера блондин Кейси. Довольный, что работа сделана и «Фестиваль» наконец занял место, отъюстирован и готов к утренней работе, Шон пребывал в благодушном настроении.

Матвей поднял брови.

Свортед?.. Сорвавшиеся. Звучит как технический термин. Словно о неисправном механизме. Интересно, почему этот термин, а не потеряшки?

— Как? — переспросил Костик. — Свора? А и правда, свора! Как стая волков!

— Свортед, — поправил Шон.

— Сворд... — Костик удивлённо уставился на альбиноса.

— Это те, кто... у тех софт... программа краш... портит... не работает, — продолжил пояснять Кейси. — Как компьютер. Сбой. Ломает софт.

— Программы? — повторил удивлённый Костик. — Это что, как на смартфоне, программа зависла?

— Да, что-то так. Наподобие. Здесь! — Кейси постучал согнутым пальцем по виску. — В голове. Они ол тайм... ат ван тайм... получили...

— Шон, не путай людей! — резко обернувшись, рявкнул Карпентер по-английски. — Хватит теорий! Думай, что и где говоришь!

— Ну да, да, — смешался Кейси и отвёл глаза. — Ты прав. Сожалею.

Бартон в разговор не вступал.

— Таких нест... не здоровых, их Шон говорит «сорвавшимися», — прервал паузу Карпентер. Он тоже перешёл на русский. Как ему казалось. — Нау... сейчас вся... весь пипл... весь люди... много. Множеств. Да, множеств! Толпы. Но боди... никто не знает, как с ними делать. Олл... все только руками машут. Не знают.

Матвей задумался.

О чём это они? Какая ещё программа? Они считают, что в людях есть программа? Что за бред? И в двойне бред, что она испортилась. Нет, не может быть, видимо он что-то

не так понял.

— Но почему вы считаете, что ваши сорвавшиеся и зомби — не одно и то же? — не унимался Костик. — В кино показывали: там потеряшки тоже вначале нормальными людьми были, а потом раз — и живые мертвяки!

— Но микст... Не путай жизнь энд муви! — горько усмехнулся Карпендер. — Муви... кино — это миф, фентези, вымысел. Действительность, — моазовец старательно выговорил трудное слово, — другая! Там больной, зараза была... как это сказать? Да, бактерио... Вирус. Болеет...

— Болезнь, — Кейси пришёл на помощь коллеге.

— Да, болезнь, — кивнул Джон. — Она шла от человек к человеку. Шла степ бай степ. Через кровь. Кусает человек другого человека. Кусает... Тут... здесь, — моазовец повернулся и показал на место встречи с потеряшками, — эти тебя укусят... если укусят, не страшно. Не заболеть. Не станешь потеряшкой. Совсем. Свортед — это другое. Это как мани... много... колоссальная эпидемия Альцгеймера.

— Альцгеймера? — опешил Матвей.

— Да, Альцгеймер, — подтвердил Карпендер. — Онли Альцгеймер нет переходить. Зараза нет. Даже иф кусает делать, болеть нет. Альцгеймер — нет зараза. Но пипл... люди болеют. Сожаление.

— Может, это из-за ГМО? — предположил Матвей. — Учёные изменили генный код продуктов, а теперь те меняют наши гены. Может, органы мутируют, а мы не знаем. У одних

— одно, у других — другое. Вот допустим, у Костика второе сердце растёт, а он не в курсе!

— Это почему второе сердце? — Костик недоверчиво посмотрел на грудь. — Да у меня там места не хватит!

— Да нормально у тебя всё, я для примера сказал, — Матвей пожалел о словах. — Может, у меня третье лёгкое растёт. А у этих бедолаг мозг мутировал — вот и стали такими.

— Слушайте, а Михалыч, бугор наш, он же тоже всё время забывает, — встрепенулся Костик. — Он что, скоро кусаться начнёт?

— Я тебе, гад косолапый, сейчас начну кусаться! — слышался рёв Смекалова. Из палатки вылезла косматая голова разгневанного бригадира. — Чёрт безрукий, как бензин нужен, так Михалыч то, Михалыч сё, а вот когда... Михалыч ему помешал! Кусаться он будет! Да я тебя, гада...

— Вот оно как, Михалыч! — из соседней палатки донёсся голос Сашка, следом — дружное ржание охранников. — Кусаться начал? Зря ты, Костик, трусея красные надел, ой зря!

Теперь смеялись все, кроме моазовцев, незнакомых с репризой Галустьяна со Светлаковым. Не смеялся и Михалыч. Он гневно переводил взгляд от Костика к палатке Сашка и обратно.

— Ну погодите! — Смекалов мрачно рыкнул и, не глядя ни на кого, полез в палатку. — Я вам всё припомню, вы у меня ещё попроситесь. И в Сочи, и пожрать...

Слова Михалыча потонули в новом залпе смеха. Смея-

лись все, даже американцы, уже твёрдо усвоившие слово «жрать».

Глава 5.

Утром Матвей встал позже всех. Горный воздух нес свежесть и неповторимый аромат горных трав.

Хотелось насладиться прохладой и еще подремать, но разве даст это сделать звон забиваемых в грунт кольев? Это Карпентер спешил начать работу.

Быстро сбегав к ручью умыться, Матвей вернулся к костру с наполненным чайником.

— Молодец, с пониманием! — вместо приветствия бросил Степан, принимая чайник. — Слышал, ты сегодня собрался в Сочи?

— Да, с Шоном.

Чёрт и зачем я согласился на эту авантюру с антеннами? Так бы уехал сегодня и с концами! А теперь придется возвращаться, да антенну прикручивать... А может скинуть это дело на Шона?

— Сочи это хорошо. — Голос Степана приобрел вкрадчивость. — Дело молодое, я бы в твои годы тоже рванул.

— Поехал бы он! — пробурчал прислушивающийся Михалыч. — Знаю я ваши поездки! Пока всё до копейки не пропёте, не вернётесь! Делом заниматься надо!

Матвей воспользовался моментом и протянул Смекалову акты и командировочное.

— Подпишите, пожалуйста. И печать поставьте. Где место

для печати написано.

Бригадир с непониманием посмотрел на бумаги, затем в глазах мелькнула догадка.

— Жди, — он скрылся в палатке.

Матвей вздрогнул от неожиданного прикосновения. Нервы после вчерашнего были ни к чёрту. Обернулся — перед ним стоял Шон Кейси. Утреннее солнце, ударив в глаза альбиноса, придавало им красноватый отблеск.

— Я закончил, — с довольным видом сообщил Шон. Он был тщательно выбрит, одет в щегольскую форму песочного цвета. — Если у тебя нет неконченных дел, можем ехать. Мне надо купить два сателит телефоны. У нас два дня. И да, как тебе мой русский? Говорил же, ночи хватит!

— Полиглот, — брякнул Матвей, зевнув. — Поздравляю. Заберу документы — и поедем. Ты завтракать не собираешься?

Кейси брезгливо оглядел грудку грязной посуды.

— Нет. Не буду.

В этот момент из палатки вынырнул Смекалов.

— Радар отремонтировал? — спросил он, ища, к чему придраться.

— Да он и не ломался, — пожал плечами Матвей. — Я указал в акте результаты всех тестов. Кстати, а где он?

— Это как? — Михалыч поднял мутный взгляд. — Я сам проверял — там каша! И тревога постоянно включалась!

— Сирену я отключил. — Мальков про отсутствующую

антенну GPS промолчал — не тот случай, чтобы откровенничать. Завтра вернёт её на место, тогда и включит сигнализацию. — А каша была потому, что кто-то полез в дешифратор и переключил тумблер в тестовый режим.

— И кто это сделал? — нахмурился Смекалов.

— Вы это у меня спрашиваете? Я вчера приехал.

Смекалов помрачнел и обвёл присутствующих недовольным взглядом.

— Значит, гадит мне кто-то! Вредят! Интересно, за что?

— Чушь не пори, Михалыч! — возмутился Степан. — Кто тебе гадить будет? Пошутить — да, а технику ломать — беспредел!

— Но кто-то же сделал? — не сдавался бригадир.

— Да может, сам ты там копался да забыл! — завёлся Степан. — Ты же вечно везде роешься! Вон даже все наши мешки перебрал!

— Я?! Я?! — заорал Михалыч. — Я по мешкам вашим роюсь?!

— Да, роешься! — крикнул от ручья Сашок. — И не по одному разу!

Смекалов всплеснул руками.

— Мир сошёл с ума! — Михалыч спрятал лицо в ладонях и зашёл в палатку. В голосе появились нотки плаксивости. — Какая подлость! Какая неблагодарность!

Степан виновато посмотрел на Матвея. Встретившись глазами — белки, залитые чёрной кровью, — Мальков

невольно вздрогнул.

Мощно же его приложило! Хорошо еще мозги не закипели!

— Ребят, вы собрались — езжайте, — Степан хлопнул ресницами, отчего его глаза зловеще блеснули. — Это у Смекалова надолго. Теперь будет до вечера ходить, сам с собой разговаривать.

— А мои документы? — возмутился Матвей.

— Я выберу момент, подпишу. Бесполезно сейчас — он до вечера стонать будет. Приезжай в воскресенье, всё забереёшь. А нам за это пару литров, окей? Как лекарство.

Улыбка Степана могла бы показаться хитрой, если б не кроваво-чёрные глаза.

— Матвей, соглашайся, — тихо сказал Кейси, поглядывая на часы. — Какая разница сегодня он подпишет или в воскресенье? Со мной вернёшься, потом Костик в аэропорт доставит.

Матвей заскрипел зубами. Чёртов безумный бригадир.

— Смотри сам, — развёл руками Сашок. — Можешь никуда не ездить и до воскресенья здесь прождать. У него приступы долгие. А потом проснётся — и как ни в чём не бывало! Хрен докажешь.

— В последнее время совсем немоготу, — виновато пояснил Степан. — Сам набуровит, взбаламутит, а потом ничего не помнит. Все у него враги. И в вещах реально роется, надоело. Ребята подтвердят.

Матвей сочувственно кивнул, но промолчал. Не говорить же, что ему жуть, как хочется свалить из этого сумасшедшего дома.

Больные. Они здесь все больные! Как вчера — те, что кричали «жрать». Те хоть вообще уже не соображают. А эти... Эти ещё не знают, что скоро их очередь.

— Ладно, чёрт с вами. Но если бумаг не будет...

— Всё будет. Только не забудь «лекарство».

Матвей кивнул.

Лекарство от безумия — водка. Какой же это ад. Скорее филиал ада. В собственной голове...

— Окей, как говорят наши забугорные коллеги, договорились, — Мальков повернулся к моазовцу. — Всё, Шон, я готов.

Шон оказался куда лучше водителем, чем инженером. Моазовец вёл мощный «Дискавери» по грунтовке так уверенно, что Мальков ни разу не почувствовал дискомфорта. Матвей давно делил водителей на два типа: одни, сжавшись, боролись с дорогой, и после такой поездки хотелось выдохнуть; другие рождались за рулём. Кейси был из вторых. Он почти не смотрел на дорогу, объезжая ямы на скорости, и сама поездка не утомляла.

Утомлял Кейси-собеседник. Он принадлежал к третьему типу — у кого рот не закрывается. Видимо, коллеги приелись, и он с ходу принялся отрабатывать русский на свежей жертве.

Что удивительно, моазовец не врал — язык стремительно совершенствовался. Матвей не подавал вида, но скорость, с которой американец избавлялся от вчерашних ошибок, вызвала когнитивный диссонанс. Так быстро выучить русский невозможно. Значит, Кейси — гений или мистификатор. В любом случае — явление незаурядное.

Моазовец тем временем развивал успех. Рассказал, что георадар — не основная работа, он аналитик, работающий со статистикой. На Кавказ попал, потому что ехать было некому. Серьёзные специалисты разъехались по «почти завершённым» объектам, а в Винерск, где всё только начинается,

можно и таких, как он. Не профессионалов и не любителей. Знающих, что делать, но не умеющих решать проблемы.

Матвей фыркнул. Последнее относилось и к нему. Увидев недоумение Кейси, пояснил:

— Шон, не поверишь, я тоже не специалист в ремонте. С паяльником на «вы». Паять умею, но непрофессионально. — Матвей улыбнулся. — У нас маленький филиал, осваиваем всё сразу. Я обучаю бортовой искин, участвую в разработке устройств и методов обработки радиолокационного сигнала. Точнее — учу искин различать объекты.

— Энд охранные системы, — добавил Кейси, понимающе кивая. — Такие, как вы на плато поставили.

— И охранные, — согласился заслоновец. — «Вирус» — наш новейший радар. Это адаптация многофункционального РЛК «Заслон» в гражданскую модель. Клиент покупает комплекс, способный обнаружить всё, что летит, идёт, едет или плывёт в зоне обзора. Оператор вводит в память нейросети коридоры безопасности — чтобы сходить в туалет без тревоги — и ложится спать. Все остальные зоны — лиса не проскочит! Малейшее движение и тревога.

— Интересная штука, у нас в Штатах купили бы. Много. Не пробовал предлагать?

— Коммерция не мой профиль. Этим другие занимаются. Коммерческий отдел — как разведчики: ищут, куда воткнуть комплексы, закидывают рекламой. Спамеры, короче. А когда серьёзный разговор — директор подключается.

— Вам виднее, как бизнес строить, — Кейси кивнул. — Но если что, знай: я готов помочь на наш берег.

— Ок, — согласился Матвей и задал вопрос, мучивший со вчерашнего дня. — Шон, скажи, сорвавшиеся — откуда? Я видел: ты, Бертон, Карпендер знаете больше, но не хотите говорить.

Кейси, бросив взгляд на Малькова, отвернулся к дороге. Лицо стало серьёзным.

— Матвей, ссори... извини, это закрытая информация. Я не хочу от тебя прятать, но сам не могу решать. — Кейси притормозил перед выездом на асфальт в Хосту. — Отложим до возвращения в лагерь. Джон ответит на вопросы. Ты ему понравился, может, предложит кое-что. — Шон улыбнулся, холодное лицо стало дружеским. — Как вы говорите, коллегами станем.

— Ну это вряд ли! — улыбнулся в ответ Мальков. — В «Заслоне» неплохо зарабатываю, перспективы хорошие, а из Москвы вообще уезжать не хочу.

Шон кивнул.

— Это ты ещё не знаешь, что предложим. Может, из Москвы и не придется уезжать. А может, сам захочешь двигаться подальше. Как раз с твоим вопросом связано. По сорвавшимся. Власть запрещает СМИ говорить о них. Вашим, нашим... всем нельзя писать — боятся паники. А бояться нужно другого... Не могу забегать в будущее. Спроси у Джона, когда вернёмся.

Спутниковые телефоны нашли быстро. В третьем по счёту магазине им продемонстрировали аппараты «Пиплсат», с покрытием территории от Москвы до Экваториальной Африки. Уточнив характеристики, Кейси выбрал два одинаковых. Матвею показались дороговаты, но моазовца сомнения не терзали. Оставив задаток, попросил подержать до завтра — здесь сохраннее. Матвей одобрил: в летней столице воришек хватало.

А вот с антенной GPS всё оказалось сложнее. Большинство продавцов, увидев фото, разводили руками — впервые видят! Прорыв случился у вывески автозапчастей. Матвея озарило.

— Стой! — дотронулся до плеча Кейси. — Разворачивайся.

— Зачем?

— Вон туда. Искали не там. Нам сразу туда нужно было. — Матвей показал на красно-синюю вывеску.

— Это для кар... магазин машин? — Кейси, недоумевая, прочитал вывеску, но послушно развернулся на светофоре.

— Уверен?

— Посмотрим. Всё равно другого решения пока нет.

— Логично, — согласился Кейси, притормаживая. — Не буду разворачивать. Вдруг опять кружить.

В магазине ждал успех. Продавец Павел, быстроглазый парень в шортах и футболке, с фото понял, что нужно.

— А, знакомая игрушка. Но редкая. Это же автомобильная антенна для GPS-приёмника? Была такая, но три недели назад ушла.

Шон разочарованно застонал.

— Но если бэушная устроит — завтра утром привезу.

Кейси и Мальков переглянулись. Срок устраивал.

— Рабочая? Гарантия? — спросил Матвей.

— Гарантия, что рабочая, — отшутился Павел. — Сто процентов. Вечером проверю, неисправную точно не привезу. Крепёж какой?

Мальков показал фото посадочной площадки.

— Ок, — кивнул Павел. — Будет. Сбросьте фото. Вот номер.

Обменявшись контактами, Матвей переслал снимки.

— Как найду — перезвоню. Сообщу цену. Устроит — завтра встречаемся. Пойдёт?

— Вполне, — кивнул Матвей. — И ещё один вопрос. Подскажи, где найти пляж с парковкой поблизости?

— Официально — нигде. Везде требуют оставить машину на стоянке и до пляжа пешком. Неофициально — проще простого. Пляж с рестораном найдите, с владельцем договоритесь — и всё.

— Куда посоветуешь? Чтобы не терять время в поиске.

— Всех своих в «Изиум» вожу. Отсюда пять минут. Ска-

жете охраннику что от меня — быстрее договоритесь. Хинкали там попробуйте — пальчики оближете. Навигатор есть? — Есть, — Матвей достал телефон. — Пересылай координаты.

Пискнул сигнал — аппарат принял сообщение

— Спасибо. Ну что, до завтра?

— Постараюсь не разочаровать, — пообещал Павел.

Шон, благодаря, поднял ладони к продавцу. Жест напомнил эмблему «МОАЗ».

Мальков улыбнулся. Впервые он подумал о МОАЗ не как о сборище странных типов, а как о месте, где решают сложные задачи.

Оставив задаток, вышли. Разворачиваться не пришлось — встали удачно в сторону Адлера. Кейси вбил полученные координаты.

— Рядом! — признал Матвей. — За десять минут доедем.

— Значит, правду сказал продавец? — разблокировал машину Кейси.

— Правду. Профессионально работает. Это талант — окучивать клиентов так, чтобы всем было комфортно.

— Окучивать? — не понял Шон. — Что значит «окучивать»?

Глава 6.

— Фух! Морская вода чудо! Совсем не тот эффект, что в бассейне! – Мальков сделал пару приседаний: нужно было продуть легкие.

— Хороший стиль. — Кейси, длинный, худой и белый как простыня, казался на пляже инопланетянином. — Занимался плаванием? Спортсмен?

— Да, но для себя. — Мальков, отдышавшись, продул лёгкие. — Спортивная семья. Мама — тренер по плаванию. Папа — преподает единоборства, у него своя школа. Каждый делал из меня чемпиона. А я без честолюбия — ушёл в науку, чтобы никого не обижать.

Шон кивнул.

— Теперь понятно. Откуда техника. — Кейси опустил-ся на шезлонг. — На плато уширо-гери хороший получился. Только первый шаг длинный — при промахе упал бы.

Заслоновец вскинул бровь. Тощий моазовец оказался не прост.

— Карате?

Шон кивнул.

— Обязательная подготовка для всех в МОАЗ.

— По тебе не скажешь. — Матвей обтёрся, лёг в шезлонг.

— Не люблю карате.

Встретив недоумённый взгляд, пояснил:

— Слишком много ритуалов, ката... Пока каратист гимнастику показывает, подготовленный боец ему все здоровье отобьёт.

— Это ошибочное мнение! — лицо Кейси стало пунцовым. — Это...

— Не парься, пошутил! — успокоил Матвей. — На тренировках всегда стебёмся с каратеками. Они нас танцорами зовут. Не думал, что тебя переклинит.

— Мы не обижаемся! — резко ответил Шон. — Нас учили: у русских обижаться нельзя! Обиженные — плохая масть. Вот!

У Малькова брови взметнулись, затем он захохотал.

— Что опять не так? — забеспокоился Кейси.

— Чему вас ещё учили? — выдохнул Матвей. — Случайно, как в хату входить, не натаскивали?

— В хату? В дом? — удивился Кейси. — Там сложность? Зашёл, поздоровался... А, понял — постучаться!

— Так, Шон, так! — Матвей старался не заржать.

— Кукуруза, горячая кукуруза! — на пляж вышла полная женщина в полосатом сарафане.

Матвей ощутил зверский голод.

— Шон, кукурузу будешь? — Не слушая ответа, достал из джинсов деньги и направился к торговке.

— Молодец, правильно, кукуруза вкусная! — обрадовалась та.

— Дайте четыре.

— Вах, какой молодец, правильно делаешь! Бери четыре!

— продавщица, спрятав деньги, положила горячие початки на листок газеты. Затем отсыпала горстку соли в подставленную ладонь. — На! Ешь на здоровье!

Кукуруза была действительно горячей. Мальков едва добежал до шезлонга — жгло ладонь. Сбросил покупку на лежак, трясая рукой рванул к воде. И только опустив ладони в воду, облегченно вздохнул.

Кейси наблюдал с интересом.

— Ритуал такой? — спросил, когда Матвей, корчась, вернулся. — Перед тем, как есть маис руку в воду совать?

Матвей, размахивая мокрой конечностью, уставился на него.

— Это ты типа пошутил?

— Ага, — заулыбался Кейси. — Не все же тебе над нами шутить. Кстати, как в хату входить?

К вечеру, когда солнце уже наполовину зашло, они что морской воды с них достаточно.

— Идём ужинать, — решил Мальков, заметив, как голодным взглядом Кейси провожал торговков кукурузой и пляжными вкусностями.

Иначе американец слюной захлебнётся.

— Давно пора, кишки ругаются, — откликнулся Шон, глянув на бледно-розовый живот. — Я переодеваться.

Мальков последовал его примеру.

— Туда? — Кейси кивнул на ресторан «Изюм».

Вопрос был риторическим — одинокое одноэтажное здание было единственным на этом пляже.

Мальков критически осмотрел заведение. Не тот уровень, что он предполагал. Но и есть хотелось так, что ездить искать другое не хотелось.

— Павел говорил, хинкали хорошие. Перекусим здесь, дальше видно будет, — резюмировал заслоновец.

— Окей, — Шон открыл дверь. — Я голоден.

Внутри было просторно и уютно. Пространство делили этажерки с растениями и аквариумами. Низкие диваны и двухметровые перегородки создавали иллюзию уединения, но дешевизна мебели и посуды выдавала пляжный уровень. Впрочем, на иное «Изюм» и не претендовал

За музыку отвечали пятеро парней средней небритости: двое дёргали струны, один лупил по барабанам, четвёртый — по клавишам синтезатора, пятый был в микрофон.

— Мне нравится, — отметил Кейси, выбирая столик на четверых. — Надеюсь, не зря приехали.

— Поесть — возможно, — Матвей глянул на пустующий танцпол, — а со второй частью плана — вряд ли.

Они огляделись.

За соседним столом — четверо мужчин и платиновая блондинка. Трое из четверки — массивные, с животами, нависающими над ремнями, четвёртый сухопарый усач. Женщина, сидевшая спиной, обернулась на смех: стройная, но не молодая, между сорока и пятьюдесятью. В бледно-голубом платье и на высоченных каблуках.

Рядом, за круглым столом, двое смуглых парней в тёмных поло и темноволосая дама средних лет темпераментно спорили.

— Так вы ничего не предпримете? — донёсся голос темноволосой. — Мне в полицию идти или вы хоть что-то делаете?!

Что ответили парни, Матвей не услышал. Судя по ленивым лицам, ничего.

— Человек пропал, понимаете? Мой... Ай, время теряю! — темноволосая вскочила и бегом покинула зал.

Матвей и Шон встретились глазами. Что это было? Впрочем, их дело сторона.

— Официант? — нетерпеливо окликнул Мальков. — Тебя долго ждать? Заказ прими!

Кейси неодобрительно покачал головой.

— Ты молодой, Матвей, — широко улыбнулся. — Потому спешишь. Ещё не вечер, так говорите?

— Старик нашёлся! — беззлобно огрызнулся Матвей. — Тебе-то сколько?

— Пятьдесят два, — грустно вздохнул Кейси. — Только выгляжу молодо.

— Да ну! — не поверил заслоновец. — Осетра урежь! Пенсионер американский.

— Пятьдесят два, — повторил моазовец. — Джон на десять больше, а...

— Чего?! Карпентеру за семьдесят? — Мальков саркастически ухмыльнулся. — Прекрати, ему максимум тридцать пять! Сорок, хрен с ним! Но не семьдесят! Разыгрываешь? Тепловой удар?

— Не надо так говорить. Докажу, — Кейси достал синий паспорт. Глаза лукаво блеснули. — Убедись.

Мальков не стал отказываться — он впервые держал в руках американский паспорт и было интересно в него заглянуть. Быстро сориентировался, нашел дату рождения.

Чёрт, не врёт. Пятьдесят два. Придётся извиняться...

Взгляд зацепился за число.

Месяц... число...

Схватил свой, включил экран.

Блин! Вот это Кейси его подловил! Пятьдесят два ему исполняется только сегодня! Впрочем, есть идея!

— Шон, так нечестно! — его рот расплылся в ухмылке.
— Ты сказал «уже пятьдесят два», а мы ещё не отмечали!
Пока не отметим — цифра не засчитывается!

Кейси рассмеялся. Громко, от души. Так, что обернулись за соседними столиками.

— Хороший повод отметить! — Матвей лукаво усмехнулся.

Погоди, Шон, думаешь — подловил? Не, всё только начинается.

Матвей встал и объявил:

— Леди и джентльмены, уважаемые гости этого чудесного заведения! Извините, что отвлекаю, но сам только что узнал: у друга сегодня день рождения! Предлагаю отметить!

— О-оо! — загудело в зале.

— Официант! — обрадовался вошедшему парню. — Где ходишь? Всем коньяк! Дамам — шампанское, если захотят. Маленькому джентльмену — мороженое. Или что пожелает!

— Матвей, это много, — растерялся Шон. — Зачем? Я не за этим...

Несколько секунд — тишина. Затем одобрительный гул, платиновая блондинка хлопнула в ладоши.

Тут прорвало. Первым отреагировали спутники блондинки. Четверо поднялись, подошли пожать руку имениннику. За ними — двое с круглого стола.

Официант вернулся быстро, на подносе две бутылки коньяка и одна шампанского. Пока раздумывал, с чего начать, пузатый с большого стола подхватил «Hennessy». Открутил, налил Малькову и Кейси, пошёл наполнять рюмки остальных.

Платиноволосая прихватила со стола тарелку рыбной нарезки, поставила перед именинником.

— Закусите, ребята, а то ничего нет.

— Как нет! — гаркнул высокий здоровяк рядом с ней. — Мы что, не на Кавказе? Наш стол — ваш стол! Гость — от бога! Давайте, ребята, к нам садитесь, у нас всего полно!

— Да-да, Эдик прав, давайте к нам! — подхватила блондинка. — Будем рады, да, мальчики?

«Мальчики» вскочили, расставили стулья. Принесли тарелки, приборы, официанту велели нести закуски и выпивку.

— Садись, дорогой, вот тут! — прорычал здоровяк, похожий на добродушного медведя. Махнул волосатой лапой на стул. — Меня Нугзар зовут! Вы вовремя! Мы пока только разминались, сейчас главные блюда принесут. Хинкали любите? А пока — купаты, отбивные, осетинские пироги! Берите же! А-а, лучше я сам! — Видя, что гости никак не освоятся, своей вилкой переложил в тарелки Кейси и Матвея аппетитные полоски. — Жареный сыр! Лучший! Сейчас ещё закажем!

— Погоди, лошадей не гони! — остановил чернявый. — Тосты говорить собираетесь? У человека день рождения! —

Втиснулся между медведем и Кейси. — Держи, братан, закусь, бери бокал!

Шон замер с открытым ртом — в правой руке коньяк, в левой вилка с нанизанными балыком, маслиной и лимоном.

— У всех налито? — громко спросил тостующий. — За гостя! За уважаемые годы! За удачу, что привела в этот ресторан! Чтобы через сто лет вспоминал лучший день рождения был у него у нас, в нашем благословенном Сочи! За тебя, дорогой!

— Алаверды! — звонко произнёс до того молчавший сухопарый. — Дорогой, меня Вахтанг зовут. Скажи нам своё имя, мы же должны знать, за кого тост поднимаем.

— Шон, — негромко произнёс Кейси.

— Как? — переспросил Вахтанг.

— Ну, Слон его зовут, тебе мало? — снова встрял черно-волосый. — А меня Гоча. Гоча Сухумский. Меня здесь все знают!

— А наш гость...

— Так ты из Сухуми? — удивился Вахтанг.

— Не Слон, а Шон, — попытался вставить Матвей, но его уже никто не слушал.

— Мы выпьем за гостя или нет? За вас! — звенящий, хорошо поставленный голос блондинки перекрыл все остальные. — Здоровья, счастья и исполнения желаний!

Она выпила — не шампанское, как ожидал Мальков, — коньяк. Остальные последовали её примеру.

Кейси, дождавшись кивка Матвея, тоже выпил. Наивный, он полагал, что на этом авантюра и закончится. Он и не подозревал, что всё только начинается. Теперь каждый в зале считал долгом ответить на тост и выставить выпивку

— Так тебя Гоча зовут? — вдруг спросил крепыш невысокого роста с седыми тонкими волосами. — Меня Мурман.

— Дядя Мурман, вас все знают! — заулыбался Гоча. — Я вас сразу узнал, подойти постеснялся.

— А что за конфликт у тебя здесь был? Что хотела та женщина?

— Да понимаете, я тут немножко, как бы вам сказать... за порядком присматриваю...

— Крышуешь, значит?

— Ну, вроде того. В нашем посёлке. А эта... Марина, она на «Светлане» раньше работала, потом бабка ей в этом году квартиру у нас в посёлке оставила, вот она её сдавать решила. А тут у неё постоялец за несколько дней заплатил и пропал. Уже третий день, как оплата закончилась, его вещи лежат, его самого нет. Она не знает, что ей делать, вещи явно дорогие, куда попало не сунешь... Бойтся, если что-то пропадёт, потом с неё спрос будет. А квартира не оплаченная стоит. Пришла... а я ей что скажу?

— А что с самим постояльцем? Что говорят? Куда делся? Кто-то же видел его?

— Мурман, — перебил седого Вахтанг. — Хватит свои вопросы решать, человек тост говорить собрался...

— Сейчас, одну минуту! — Мурман жестом попросил подождать.

— Да хрен его знает, что с тем мужиком. Тут каждый день кто-то из приезжих пропадает, потом через пару дней найдутся. Забухает где-то или лялька сладкая попадётся, я что, всех их искать должен?

— Ну и правильно. — Мурман хлопнул Гочу по плечу. — Она бабки делает, а у тебя голова должна болеть? Сама сдала, пусть сама и думает. Не бери в голову.

— Друзья! Сотрапезники! — Вахтанг снова взял слово, делая знак наполнять бокалы. — Предлагаю тост за спутника нашего именинника!.. Как вас, молодой человек?

— Матвей, — представился Мальков и, кивнув на мозаица, добавил: — А это Шон Кейси, гражданин США, сотрудник международной организации...

— Так, коллеги, друзья, земляки и просто мои любимые сочинцы! — Вахтанг, не дав ему договорить, воздел бокал. — Пьём за нашего Матвея, доставившего нам такое удовольствие, как знакомство с уважаемым Шоном!

Заслоновец обречённо вздохнул и выпил. Контроль над ситуацией ускользал с каждой секундой. Не успел он придумать, как улизнуть, как оказался в эпицентре пиршества, а соседи уже поднимали бокалы за вновь избранного тамаду — им, разумеется, стал Вахтанг.

И понеслось. За бога, за Георгия Победоносца, за мир, за женщин в лице присутствующей платиноволосой Илоны. За

родителей, за детей, за каждого из присутствующих и за всех сразу.

Мальков прикидывал счёт, но после робкой попытки заикнуться Мурман пригрозил пальцем:

— Забудь! В нашей компании гости кушают и пьют. Но не платят.

— Как это? Так нельзя...

— Матвей, ты молодой и не понимаешь, — Мурман потечески положил руку на плечо заслоновца. — У вас в Москве не так, у нас менталитет иной. У нас здесь свой клуб. Пятница — наш день. Платим только мы.

— Да не слушай ты его! — встрял Вахтанг. — Всё намного проще. У местных коммерсов поверье: удача любит щедрых. Кто за друзей заплатил — к тому приходит. Чем за большее тратишь на друзей, — тем дольше она у тебя гостит. Нас видишь: много, все задобрить её хотим. Вот и решили — в этот день обходим максимальное число ресторанов, чтобы все имели возможность заплатить. В одном я плачу, во втором Эдик...

— Почему Эдик? — возмутился Мурман. — Моя очередь!

— ...в третьем Мурчик, — Вахтанг похлопал по плечу. — Дай я тебя поцелую!

Смачно приложился к лысеющей макушке.

— Сколько нас — столько кабаков посещаем. А если гость попался, так вообще радость! Так что полезете платить —

нашу удачу отнимете. Зачем? Разве мы плохие люди?

— Зараза, все секреты раскрыл! — улыбнулся Мурман.

Мальков хотел возразить, но Илона сунула бокал, шепнула:

— Тамада тебе слово дал. Говори.

— Друзья! — начал Матвей, роясь в памяти. — Я в шоке!

Вы обалденные! Шон, запоминай: таких людей больше нигде не увидишь! За вас, за ваш город. За то, что вы есть!

Все выпили. Потом говорил Шон, за ним темноволосый...

Утро они встретили в машине. И у каждого оно оказалось своим. У Шона, может, из-за возраста, — мучительное, Матвей же, как ни удивительно, симптомов похмелья не испытывал. Единственное, что его беспокоило, — вопрос, как они оказались в своём внедорожнике. Последним, что он помнил, был тост Вахтанга, затем — системный сбой и в памяти ничего не записалось.

— Лучше бы я на плато остался...

Голос Шона, почему-то оказавшегося на заднем сиденье, был настолько слаб, что заслоновец сразу проникся пониманием, как тому сейчас плохо.

Не отвечая, Матвей вытянул руку. Не дрожит, и то хорошо.

— Ехать сможешь? — спросил моазовца. — А то, если что, и я могу порулить.

— Нет! — голос Кейси мгновенно окреп. — Я сейчас!

Шон вышел из машины, сделал несколько дыхательных упражнений. Затем, бодро, будто и не пил вчера, сел на водительское место.

И тут их ждал сюрприз. Едва Шон завёл двигатель, как в сердцах выругался и ударил руками по рулю.

— Ну почему именно сейчас! — простонал он по-английски.

— Что случилось? — встревожился Матвей.

— Сам смотри, — палец американца ткнул в информационное табло на приборной панели. От волнения его русский заметно испортился.

На мнемосхеме красным горела пиктограмма «Check Engine».

Матвей кивнул — знакомая штука, в простонародье — «Джеки Чан». Могла означать что угодно: от реальной поломки до сбоя в электронике, но требовала одного — срочного визита в сервис. Ехать с таким предупреждением можно, но опасно. А уж в горы, по грунтовке — и вовсе глупо.

— Почему всё всегда не вовремя? — застонал Шон.

— Да ничего страшного...

— Я должен... обещал Карпентеру быть на плато сегодня! — заныл Кейси. — Мне ещё в штаб-квартиру звонить! Доклад об атаке сорвавшихся делать! И телефоны, что вчера купил, нужно забрать из магазина. А ещё регистрировать, инколл-код получать...

Матвей посмотрел на него — Шон сидел, нахохлившись,

как мокрый воробей, и перечислял проблемы, враз свалившиеся на него.

Захотелось подбодрить.

— Не кисни. Может, мелочёвка какая? Да и вообще — машина на ходу? Ехать может? Значит, полпроблемы уже нет.

— Может, но нельзя долго. Нужен инженер-тест. Сервис.

— Я о том же. С похмелья туго соображаешь. Давай поведем к месту, где вчера антенну нашли. Может, они там, подскажут, в какой сервис ехать.

— Мне в какой-нибудь нельзя! — моазовец замотал головой. — Нужно звонить в Брюссель, в штаб-квартиру! Наш механик... он свяжется с дилером... тот скажет, в какой сервис ехать!

— Тогда действуем так: я на такси заеду за антенной. А ты как разберёшься со своими проблемами — позвони. Если всё решится быстро, встретимся. Если нет — каждый по своему плану. Мне нужно акт о восстановлении «Вируса» подписать и командировочное закрыть. Лишь бы Михалыч очухался... Мать его, вот начудил со станцией! Придётся в акте какую-нибудь хрень написать, чтобы старика не подставлять.

Матвей замолчал, собираясь с мыслями.

— Шон, у меня просьба. Я обещал двум аборигенам с плато по бутылке. Пешком мне их таскать неудобно. Когда с машиной разберёшься, возьми в супермаркете. Я взамен антенной займусь — она мелкая. По деньгам выйдет так же. Договорились?

До магазина автозапчастей Мальков доехал на такси. Водитель не сразу понял, куда нужно клиенту, но Матвей хорошо помнил дорогу, и они быстро нашли нужный адрес.

Продавец не подвёл, антенна уже ждала нового владельца. Мальков с удовлетворением заметил, что она — точно такая, что потеряли моазовцы. Доволен был и продавец: антенну привезли всего полчаса назад. Павел уже собрался звонить Матвею, а тот сам подъехал.

Рассчитавшись за покупку, Матвей пешком пошёл к повороту на Хосту. Можно было поймать такси, но смысл спешить, если всё равно придётся ждать Шона? Тут впору думать, где лишнее время убить, а не на такси ездить.

Первые час-полтора ходьбы дались легко. Но едва он миновал городок, оставив районный центр позади, как его настигло похмелье. Знакомые всем признаки навалились разом и мощно: в горле пересохло, захотелось пить. Одновременно с этим по всему телу выступил пот и подкатила тошнота.

Матвей вздохнул.

Сейчас бы полежать где-нибудь в теньке, а ещё лучше в прохладе, но только не тащиться в жару по этой чертовой раскалённой и пыльной дороге!

Огляделся. Ещё несколько минут назад вокруг были признаки города, а теперь — будто провалился в дикое захолу-

стве.

Из строений — только заброшенная и покосившаяся автобусная остановка, построенная лет пятьдесят назад. О том, что это остановка, можно было догадаться по сварному каркасу из некрашенных уголков. Кое-где ещё держалась крыша с обломками шифера.

Матвей решил идти дальше. Догонит его Кейси — хорошо, не догонит или вообще останется в Сочи — Малькову всё равно придётся добираться до плато: нужно установить антенну GPS на место и закончить оформление необходимой документации. Без этого ему никто командировку не засчитает и билеты не оплатит.

Мальков прошёл метров сто пятьдесят, когда понял: чутьё не подвело, двигаться вперёд решил не зря. Дорога сделала плавный поворот с подъёмом, и с этого места открылось странное длинное одноэтажное строение. Оно стояло на возвышенности справа от асфальта — похоже это был большой автобус или старый железнодорожный вагон на последней стоянке. С такого расстояния не разобрать.

Шагов через триста стало ясно — это был вагон, снятый с колёс. Как он тут оказался — не определишь, но стоял давно: выцветшая голубая краска отваливалась кусками, обнажая разложившиеся листы фанеры. Местами старую фанеру заменили листами новой, но и те уже разбухли от гнили и расслоились. Спасти этот раритет уже никакой ремонт не сможет.

До вагончика брел ещё минут пять. Похмельному организму в жару спешить было не под силу.

Надежды на кафе или магазин таяли: дорога не заезжена, здесь даже на зарплату не наторгуешь. Скорее бытовка строителей брежневских времён или приют дальнобойщиков. Но Мальков всё равно шёл: вдруг заправка с краником воды. Умыться и попить хотелось отчаянно.

Подошел ближе. На вагончике вывески нет, дверь открыта.

Шагнул внутрь. Повезло и не повезло. Повезло: это был действительно магазин. Да ещё с буфетом. Не повезло: электричества нет и ничего не работало.

Вагон, видно, когда-то был столовой: на это указывал обычный стол из тех, что были в большинстве советских общепитов конца двадцатого века: квадратный, с исцарапанной бежевой пластиковой столешницей и широкой дюралевой окантовкой. Дальше и правее — буфет с застеклённой верхней частью и холодильный ларь. В ларе — гниющая смесь бумаги и растаявшего мороженого, превратившегося в источник смрада.

В буфете получше: высохшие коржи с арахисом, сморщенные кексы, тёплая пепси в бутылках. Малькова привлекла пепси, но буфетчицы не было, а брать самому он не приучен.

Матвей постучал костяшками пальцев по прилавку, но безрезультатно — никаких дополнительных звуков за шир-

мой, отделяющей салон от подсобного помещения, не возникло.

Вдруг обоняние уловило свежезаваренный кофе! Вагончик обитаем?

Вышел, вдохнул чистый воздух с ароматом арабики. Обойдя справа, увидел женщину возле мангала. Высокая, массивная, но без болезненной полноты. В молодости могла служить моделью для скульптур наподобие «девушки с веслом».

На вид возраст — за пятьдесят. Седые сальные волосы под тёмным платком. Длинная тёмная юбка до земли, красно-чёрно-зелёная блуза с рукавами до предплечий. Загорелые до черноты руки.

Женщина стояла спиной к нему и колдовала над ржавым мангалом. На решётке — кусок кровельного железа с песком, из песка торчала турка.

— Вы продавщица? — спросил Мальков. — Кофе сделаете? Заплачу.

Женщина обернулась, долгим взглядом окинула покупателя, спокойно кивнула.

— Присаживайтесь там, где тенёк, — она показала на круглый пластмассовый столик с такими же креслами. — Под солнцем сгорите.

Махнула рукой и отвернулась к мангалу.

Мальков был не против. Говорить не хотелось — жара отнимала все силы.

Вот тебе и Сочи. Не столько море и пляж, сколько иссушающий зной.

Подошёл к столику, увидел деревянную лавку, выкрашенную той же светло-голубой краской, как и вагон. Выбрал её: пластиковые кресла выглядели ненадёжно.

Набрал агрегатора такси. Заказать оказалось непросто: сезон, в горы никто ехать не хочет. Таксисты предпочитают короткие поездки с чаевыми. Дальние маршруты берут иногородние — для них это хоть какой-то заработок.

Повезло: один водитель-краснодарец согласился. Двойной тариф и только до поворота на грунтовку — дальше ни за что. Мальков торговаться не стал. Согласился на все условия, лишь бы скорее оказаться на плато и закончить эту чёртову командировку.

Глава 7.

Получив чашку кофе, Мальков сделал маленький глоток. Откинувшись назад и привалился спиной к стенке вагончика. Несмотря на жару, напиток приносил облегчение, боль в голове притупилась, стало немного легче, глаза сами по себе закрылись, захотелось вот так и дальше сидеть, не открывая их и не шевелясь.

Но расслабиться до конца не получилось, внезапно он спиной почувствовал странную, едва заметную дрожь, затем услышал негромкий скрежет. Бросил взгляд в сторону мангала — продавщицы не было видно. Значит, шум доносился изнутри вагончика.

Что она там двигает? Буфет? И не лень в такую жару? Ну да, бабища она крупная, захочет, дверь оторвёт, передвинуть стол или ларь ей не в тягость. Да чёрт с ней, пусть что хочет делает, ему-то что? Его задача быстрее в Москву попасть! И сразу в бассейн с его прохладой...

— Парень, а парень, ты чего здесь делаешь? — услышал Мальков скрипучий голос и открыл глаза. Справа от него стояла незнакомая пожилая женщина хорошо за семьдесят. Скорее даже почти восемьдесят. На ней было ветхое, выцветшее до неопределённого тёмного цвета платье и светло-серый платок в горошек, скрывающий седину.

На сгибе руки она держала довольно объёмную корзину-

ку. Классическая киношная старушка. Ну прям Алёнушка на пенсии. Правда, очень навязчивая — свободной рукой бабулька нетерпеливо теребила Малькова за полу рубашки.

— Чего здесь спишь, говорю? — вновь заскрипела старуха.

— А что, нельзя? — удивился Мальков. — Сейчас кофе допью и пойду. Поеду.

— Пирожки, купишь? — вместо ответа спросила старушка, глядя на Матвея голубыми, с неприятным на вид белесым налётом, глазами. — Я не дорого продаю.

Мальков хотел отказаться, но, глянув на круглое морщинистое лицо с носом кнопочкой, на её сухие натруженные руки, решил, что ничего страшного не произойдёт, если купить что-нибудь из нехитрого ассортимента бабульки. Да ладно, не обеднеет. Да и дорога впереди.

— А с чем у вас пирожки?

— С капустой, с мясом, с картошкой, — оживилась старушка. — Тебе каких?

Мальков неожиданно почувствовал привкус во рту, ему действительно захотелось есть.

— Дайте мне два пирожка с капустой, — попросил он, но тут же передумал: — А дайте всех по два.

— А ты как в наших краях очутился? — старушка поставила корзинку на стол и аккуратно сняла с неё застиранную выцветшую тряпицу. — Вижу, не местный, чего тогда на море не идёшь, чего на пляже не лежишь?

— В горы еду. На плато. По работе. — Мальков объясняться не хотел, но, взглянув в белесые глаза старушки и её натруженные руки, добавил: — Иначе от пляжа я бы тоже не отказался.

— А сам откуда? — продолжила допрос бабка.

— Из Москвы я, бабуля. На денёк приехал, в командировку.

— Дома ждёт кто? Дети есть?

— Бабуль, чего ты любопытная такая? — не выдержал Мальков. — Столько вопросов задала, а сама не говоришь, зачем спрашиваешь?

Старушка не ответила. Достала из корзинки клоч бесплатной газеты с объявлениями, выложила на него шесть пирожков. Пирожки были едва тёплыми, но, посмотрев на её изуродованные артритом кривые пальцы сухих рук и представив, как одинокая бабуля чтобы заработать лишний рубль в такой зной несёт эту корзинку, махнул рукой. Не убудет у него.

— Не нужно тебе на плато! — вдруг сказала она, впиваясь в Матвея почти бесцветными глазами. — Не ходи туда.

Мальков, держа в руках газету с пирожками, умудрился пожать плечами.

— Работа такая, — буркнул Матвей. — Сам не хочу, но надо.

— Ну, ступай, раз такой упрямый!

Старушка неожиданно вновь опустила корзинку на стол,

порылась, достала ещё один пирожок.

— Вижу болеешь ты после вчерашнего. На вот тебе от меня. С крапивой, чабрецом... и другой полезной травкой. Всем помогает, тебе тоже поможет. Все, кто пробовал, хвалят, просят ещё. Бери-бери, не сомневайся. — Алёнушка, не дожидаясь ответа, положила последний пирожок поверх пакета, что держал Матвей. — Вот понюхай его! Понюхай-понюхай!

Матвей поднёс пирожок к носу.

— О, какой аромат! — и не обманывал: запах был своеобразным, но чем-то не ясно соблазнительным. — Аж на слюну пробилло!

— А как же, я такие травки знаю, что все у меня ещё просят! — похвасталась «Аленушка».

— Спасибо, бабуль, я сейчас заплачу, — Мальков, положив газету с пирожками на стол, полез в карман. Достал тысячную купюру. — Вот, бабуль, меньше нет.

Он протянул старушке деньги, та не глядя сунула их в карман, даже не подумав о сдаче.

— Спасибо мне не говори, не люблю это слово! Благодарю лучше будет. — Глаза старухи прищурились. Она хотела ещё что-то сказать, но, передумав, только махнула в сторону вагончика. — Пойду я, некогда мне. Как стемнеет, сюда приходи, ещё пирожок дам. Смотри, не забудь, сразу как солнце сядет!

Мальков удивлённо проводил её взглядом.

Не говори спасибо? А бабулька-то с криминальным прошлым, выходит?

Завернув за вагон, «Аленушка» мелкими шажками пошла в сторону трассы.

Матвей только головой покачал. Интересная бабулька. Это она всерьёз про вечер сказала? Или чтобы о сдаче разговор не поднимать? Да и бог с ней, со сдачей. Вышло, что немного переплатил, но бабке какая-никакая помощь. Какой же это труд — в её годы тащить такую корзину. Впрочем, до пляжа она вряд ли дойдёт, там свои законы — её туда просто не пустят. Скорее всего, будет торговать на трассе.

Верхний пирожок действительно оказался с крапивой и ещё какими-то пахучими, мелко нарубленными травами. Сжевав его, Матвей почувствовал неожиданно разыгравшийся аппетит. За неожиданно вкусным пирожком из неизвестного ему набора травок последовали пирожки с картошкой, а следом и с капустой. Немного подумав, решил съесть ещё один с капустой. Уж больно пахучие они оказались. А мясом он неожиданно есть расхотел, лучше на плато ими поужинает. Оставался ещё один с картофелем, его он тоже решил добить сейчас. Вот только пепси купить нужно, запить.

Мальков оглянулся, хотел попросить у продавщицы бутылочку, но увидел, что находится в одиночестве. Пришлось идти в магазин. Там он и обнаружил её с метлой в руках.

— Можно бутылочку пепси? — попросил он, держа в руке пирожок. — И посчитайте, сколько я вам должен за всё.

— За всё? — продавщица пробежалась глазами по Матвею, затем сфокусировала взгляд на пирожке. — А...

— За кофе и пепси, — уточнил Матвей.

Продавщица, скептически покачав головой, с кривой усмешкой назвала сумму. Мальков, всё более и более раздражаясь от странных недомолвок, торопливо рассчитался, оставив на грязном прилавке всю сдачу.

— До свидания, спасибо за приют! — попрощался Матвей.

— Ага, до свидания, — усмехнулась тётка, отводя взгляд.
— До скорого.

Какая-то мутная она. И бабка под стать. И вообще, всё место какое-то стремное — сюда лучше не возвращаться.

Не торопясь, откусывая пирожок и попивая пепси, Матвей пошёл к дороге. И вовремя — на верхней точке затяжного поворота появилась ярко-жёлтая точка.

Вскоре возле него затормозила «КИА Рио» в бело-жёлтой ливрее.

— Такси вы заказывали?

Стандартная фраза. Матвей сел в машину, и блаженная прохлада кондиционера обожгла вспотевшую кожу, а затем приятно растеклась по телу.

— Пристегнитесь, пожалуйста, — попросил водитель, виновато склоняя голову к правому плечу. — Сочинские гаишники свирепствуют.

— Да-да, конечно. Они везде свирепствуют, но на этой дороге не видел ни одного из них. — Матвей с щелчком пристегнулся. Вспомнив, что оставил пирожки с мясом на столе, хотел выскочить, но не стал этого делать. Бог с ними, пусть их эта тётка доест. — Всё, можем ехать.

Таксист вёл машину уверенно, не хуже Шона. Видимо, дорогу знал хорошо, что для этого забытого богом пригорода было удивительно. Здесь был не благодатный берег Краснодарского края, а самая настоящая Невада с её бескрайними пустынными пейзажами, что так часто служат фоном для голливудских вестернов.

Везде талдычат: Кубань, райское место... Знали бы они, какие здесь локации, так бы не говорили. Может быть, в других местах, но только не здесь. Эту территорию даже всезна-

ющий Интернет стороной обходит. Дома Матвей поискал название плато в поисковике и голяк, ничего не нашел.

Сообщений было множество, но там всякая чепуха, вроде «всемирно известная Лысая гора – место шабаша ведьм», «прошлогодний сбор женщин странного вида на плато под названием Лысая гора» и тому подобное. Единственное стоящее внимания попало на глаза в тот самый момент, когда Мальков уже решил заканчивать поиск.

Это была страничка форума любителей историй и загадок Краснодарского края. Вот там один из пользователей упоминал, что ранее на плато будто бы размещался высокоточный радиопеленгатор, следящий за передачами вражеских спутников, сообщающих своим хозяевам разведанную информацию.

По мнению автора сообщения, пеленгатор должен был входить в состав лазерного комплекса, предназначенного для уничтожения этих самых буржуинских сателлитов, но мало ли, что напишут в интернете? Там уже какое десятилетие вечные двигатели обсуждают и что? Да ничего, просто ещё одна площадка для общения сумасшедших изобретателей и не менее безумных оппонентов.

Но мысль правильная. Пролетает боевой спутник из тех, что в своё время Рейган обещал на орбите разместить — и получает команду на нанесение удара по российскому объекту. Бортовой комплекс обрабатывает полученные координаты, запускает генератор и, наведя оружие на цель, со-

общает в Пентагон о готовности к работе.

Янки уже готовятся отмечать победу, а бац — и с земли в него бьёт мощный многомегаваттный лазерный импульс! И орбитальный враг плавится! А затем теряет управление и сходит с орбиты.

Падая, он входит в атмосферу, и вот теперь начинается настоящий пожар. Чёрный шлейф дыма тянется за бесформенной громадиной до самой земли. Удар. Взрыв. Воронка. Тишина...

А затем из воронки начинают выползать черви. Всех размеров, они делятся, множатся, их становится всё больше и больше! Им тесно в воронке, они переползают через край и расползаются по округе. Кремово-белые кольчатые тела, пожирая всё на пути, стремительно росли. Только что размером с палец, а теперь — с собаку... Нет, уже с телёнка!

Один из червей замечает Матвея и ползёт к нему. Всё ускоряясь, он широко разевает пасть, демонстрируя ярусы загнутых внутрь зубов, и скачками сокращает расстояние.

Мальков бежит ещё быстрее, ему не хватает воздуха, что-то мягкое и липкое падает на его ногу, сразу становится тяжело дышать, Матвей смотрит вниз и...

— А-а-а! — сдавленно вырвалось у Матвея. Он вздрогнул и открыл глаза.

От яркого солнечного света покатались слёзы.

— Плохой сон?

Мальков вздрогнул от незнакомого голоса. Тело всё ещё

было во власти кошмара — он дёрнул ногой, пытаясь стряхнуть несуществующего червя, и больно ударился о перчаточный ящик.

— Эй, аккуратнее! — возмутился таксист, хватая его за рукав. — Вы мне всю машину поломаете!

Мальков повернулся к водителю, затем перевёл взгляд на свою ногу.

Червей нет, она свободна! А болит, оттого что во сне ударил ею в перчаточный ящик машины.

— Сон, говорите, плохой? — таксист покачал головой.

Мальков, всё ещё переводя дух, лишь кивнул.

— Безумие привиделось.

— Бывает, — согласился водитель. — Сейчас вообще кругом одно безумие творится! Вон цены как взлетели...

— Нам долго ещё? — резко перебил его Мальков.

Он понимал, что хамит, но какая-то внутренняя пружина, сжатая тошнотой и кошмаром, разжималась сама собой, заставляя говорить именно так, вышвыривая слова наружу.

Таксист сверился с показаниями навигатора.

— Да почти приехали, — сообщил он. — Вон тот холм объедем, там и начнётся ваша дорога на плато. Там мы и расстанемся, дальше я не проеду.

— Это долго? — повторил вопрос Мальков.

Его уже ощутимо трясло. Он провёл рукой по лицу и с отвращением почувствовал, что оно покрыто холодной, липкой влагой.

— Да говорю же, минут десять, пятнадцать...

Резкая боль в желудке застала Матвея врасплох. Он не сумел сдержаться и застонал.

— Что с вами? — удивился таксист. — Может, на солнце перегрелись? Солнечный удар?

— Не знаю, — скрипя зубами, выдавил Мальков. Он пытался держаться, но тело предавало его. Желудок требовал очищения. И тут в сознании, пробиваясь сквозь тошноту, щёлкнуло. Пирожки! Эта бабка! Сука старая!

Мгновенно вспомнились белесые глаза круглолицей старушки, а следом — неодобрительный взгляд продавщицы. Та, видно, знала, чем торгует бабка! Ну твари! И он идиот, нашёл у кого пирожки пробовать!

При воспоминании о пирожках Мальков вновь почувствовал запах, что вначале показался ему странноватым, но потом ушёл. Спрятался за воню, что распространялась из прогнившего вагона! Вот он не отреагировал на странное амбре, потом же, вероятно, просто притерпелся. А сейчас, в чистом воздухе машины, эта вонь проявилась во всей своей неестественной насыщенности.

Горло сдавило, в животе громко и зловеще забурчало.

— Не доеду... — с трудом выговорил Мальков. — Стой! Немедленно стой!

— Да погодите же, вот сейчас, тут немного осталось! Сейчас доедем...

— Не надо, — едва не кроша зубы, проскрежетал Маль-

ков. — Здесь останови.

— Как здесь, до поворота же ещё пилить и пилить! Это на машине десять минут, а пешком...

— Как здесь? До поворота ещё...

— Вот деньги! — Матвей швырнул купюры на переднее сиденье и сквозь сжатые зубы выдавил: — Останавливай у кустов! Сейчас!

Таксист удивлённо посмотрел на Малькова, увидел позеленевшее лицо и всё понял по-своему.

— А, тогда да, тогда конечно. Укачало, значит, — решил он. — Это бывает. Это со всяким может случиться. Вот я как-то вёз одну семью...

— Останавливай, сказал! Я сейчас прямо здесь блевану!

Таксист ударил по тормозам, машина ещё катилась, но Матвей уже не мог ждать. Распахнув дверцу, он бросился к растущему метрах в десяти от дороги, окружённому стеблями высокой травы густому кустарнику. На его счастье, по дороге изредка встречались такие очаговые заросли, видимо там высоко пролегли грунтовые воды, что давало возможность выживать растительности даже под таким зноем. А для Малькова сейчас этот кустарник оказался самым необходимым местом на Земле.

Он едва успел стянуть штаны, как услышал звук отъезжающей машины. Видимо, таксист испугался, что пассажир вернётся, и дал по газам. Оно и понятно, какому водителю захочется посадить в машину такого вот... пассажира? С туа-

летным шлейфом за ним...

На счастье, Матвей облегчился совсем недалеко от протекающего ручья, чьё русло густо заросло травой и — к его счастью — лопухами.

Едва он успел привести себя в порядок и выбраться на чистый воздух, как новая волна тошноты подкатила к горлу. На этот раз его вывернуло наизнанку.

Чёрт, ну почему всё так? Комплект таблеток, которые он, по совету матери, всегда брал в командировки, остался в сумке на плато. А до него ещё пилить и пилить!

Проклятая бабка! Ведьма! С чем же были её пирожки, раз его так полощет?

Мальков с содроганием вспомнил тот тяжёлый дух, который замаскировал вонь пирожков. Сейчас она ощущалась ещё сильнее.

Хорошо еще с мясом не попробовал, наверное, вообще бы сдох.

Его передернуло.

Фу, какая гадость!

Матвей поморщился. Казалось, он весь пропах этим смрадом!

Не зря же бабка обильно сдобрила свою отраву пахучими травами, вот он с голодухи да с похмелья и не разобрался, что ест!

Наконец приступ закончился. Очищение желудка принесло облегчение, теперь

Мальков готов был продолжить двигаться дальше. Качаясь от слабости, с пустым, выжженным желудком, он зашагал к цели.

На всякий случай достал смартфон... и выругался! Забыл его подзарядить, до отключения аппарата осталось совсем немного времени. Вот как нарочно, всё одно к одному подурачки складывается!

Посмотрел на индикатор уровня сигнала. Терпимо, половина «палок» присутствует. Включил навигатор, посмотрел маршрут.

Плохо. До холма километров пять. Срезать? Нет. Нет ни сил, ни времени. Наткнёшься на балку — обратно не вылезешь.

Решив не искать приключений, Мальков побрёл по асфальтовой ленте в обход холма. Тяжело, жарко, но безальтернативно. Без визита в лагерь «Нибелунг-17» ему было не обойтись.

Как он и предполагал, к подножию плато удалось попасть только с наступлением сумерек. Уставший Мальков был зол на весь мир, но в особенности на себя.

Ведь знал же, что нельзя есть в таких непроверенных местах! Ай, что теперь говорить...

Из последних сил преодолев затяжной подъём, заслоновец немного успокоился.

Полная, оглушающая тишина, только сверчки помогают понять всю её глубину. Запах горных трав, особенно выделялись чабрец и полынь.

Мальков поднял голову. Над ним Млечный Путь, да так близко, что кажется поднимись на плато и дотянешься рукой до одной из них.

Но на плато ещё нужно подняться. А тут, как назло, ещё и тучи стали прятать звёзды.

Резь в желудке постепенно стихала, тошнота тоже перестала донимать, в теле неожиданно появилась лёгкость и энергия. Внутри зашевелилась слабая, но упрямая надежда.

Самое тяжёлое позади. Сейчас спать, а утром подпишет бумаги и — в аэропорт. Только главное, ничего не есть до прилёта в Москву. Или лучше, до приезда домой, тогда точно приступы не повторятся. Ну бабка, ну отравительница, надолго же запомнятся твои пирожки!

Едва Матвей поднялся на плато, как плотная пелена туч затянула луну, и всё вокруг погрузилось в кромешную темноту. Мальков удивился темноте, но не сильно — был слишком уставшим. Чёрт с ними, с аборигенами. Может, и к лучшему, что все спят. Бумаги подпишет утром. Сейчас бы добраться до «Вируса», включить кондей и спать.

Мальков шёл почти в полной тьме, ориентируясь только по примятой машинами траве. Стоило сбиться с пути — и она вставала стеной почти по колено, а кое-где и выше. Местами было так темно, что Матвею приходилось наклонять голову, пытаясь хоть как-то разглядеть следы проехавшего транспорта.

Чёртовы лентяи! Неужели нельзя было хоть фонарь повесить? А лучше — прожектор. Строители, называется! — зло думал он.

Неожиданно Мальков вспомнил, что прошлым днём видел в лагере несколько подключённых к проводке фонарей.

Ну да, точно видел! Над столом, над палаткой Михалыча и над нуржником. И вчера ночью они все горели, это он тоже помнил. Но тогда почему сегодня прожекторы не горят? Странно всё это! Очень странно.

Набухались и забыли? Вряд ли. Американцы пить до потери пульса не станут. Хотя... Шон вчера отлично выступил, не отставал от местных. Значит, и его коллеги не трезвенники. Да и чем ещё тут по вечерам заниматься? Это они с Шоном в Сочи фестивалили. Ну пусть не в Сочи,

в Адлере, но какая разница, всё не в этой дыре!

А мозовцы и охранники чем здесь время убивали? Вопрос. Вполне возможно, и напились. Местный контингент может и мёртвого уговорить выпить. Если вспомнить убойную настойчивость вчерашних сотрапезников в «Изюме» и переложить это всё на охранников лагеря, то вполне можно предположить, что сочинцы и здесь сломали сопротивление трезвенников и устроили всеобщую попойку. Что ж, возможно и такое. И даже не возможно, а скорее всего! Ибо ничем иным, как всеобщей бухнёй, такое вопиющее пренебрежение охраной лагеря не объяснить.

Бредя в темноте, Матвей обо что-то споткнулся. Ловя равновесие, он сделал несколько неуклюжих шагов, но всё же рухнул на четвереньки, ощутив во рту привкус пыли и горькой травы.

Чертыхаясь, он начал подниматься, но тут его внимание привлёк мелькнувший впереди свет. Или показалось? Сейчас вроде ничего не видно, такая же темень, как и везде. Впрочем, вон там, где по расчётам Матвея должен был стоять «Фестиваль» мозовцев, всё же что-то виднеется. Или нет?

На короткий миг выглянула луна и снова скрылась за плотными тучами, но даже за это время Мальков успел убедиться, что был прав: в том направлении, куда он смотрел, действительно высилась глыба КАМАЗа с КУНГом.

— Эй, люди, вы где? — закричал он, радуясь тому, что

чувство дискомфорта в желудке неожиданно отступило. — Люди! Ау! Что, все спят? Кто дежурить будет? Эй, живые есть? Отзовитесь!

Матвею никто не ответил, тогда он решил всё-таки дойти до «Фестиваля», где он теперь точно видел слабый свет. Раз освещение включено, то мозовцы должны быть где-то рядом.

По мере приближения освещённое пятно увеличивалось, вскоре Матвей увидел, что свет льётся из полуоткрытой двери аппаратного отсека КУНГа георадара.

Мальков, не поднимаясь по приставному трапу, заглянул в аппаратную. Дисплеи были тёмными, оба кресла перед ними пустовали. Не светились и светодиоды блоков питания, значит, энергия от «Фестиваля» отключена. Те два небольших круглых плафона на потолке, чей свет подманил Малькова, оказались аварийным освещением, работающим от аккумуляторов.

А вот это уже напрягает, это уже странно.

Матвей обошёл машину, рванул ручку кабины КАМАЗа. Дверь заперта. Он вскочил на ступеньку, заглянул внутрь — ничего не разглядеть. Постучал в стекло. В такую жару, если бы кто-то был внутри, окна были бы открыты. Или работал бы кондиционер, а тишина стояла гробовая.

Мальков пожал плечами — бессмысленный жест в абсолютной пустоте, от которого стало ещё более одиноко и жутко. Он с силой выдохнул, пытаясь отогнать накатившую сла-

бость и парализующий страх. Навык, полученный на канвасе, помог и сейчас, стало немного легче.

Так еще раз. Где могут быть аборигены? Ну эти, где угодно, даже в Сочи могли ускакать. А моазовцы? Эти вряд ли. И если их нет в «Фестивале», тогда наверняка спят в своей палатке.

Включать фонарик смартфона не стал, тот почти разряжен. Просто по памяти пошёл к палаткам, высчитывая какую заняли американцы. Скорее всего одну из двух больших. Или четырёхместную, сейчас всё выяснится.

Он вновь споткнулся, хотя и помнил, что здесь должна быть только трава, никаких корней или тросов растяжек палаток здесь вчера точно не имелось. Тогда обо что?

Пошарил руками в темноте. Наткнулся на что-то завёрнутое в тряпку. Потянул к себе, но содержимое тряпки развалилось и посыпалось в траву.

Матвей пощупал свою добычу. Синтетика, скользкая и холодная. Спортивные штаны. Треники.

Мальков брезгливо отбросил тряпку, вытер руки о джинсы.

Чёрт, вот только чужие штаны не хватало лапать! У этих грязнуль они могли быть в чём угодно мерзком! Тьфу, зараза, прибил бы этих алкашей.

Достал смартфон, не обращая внимания на малый остаток заряда аккумулятора, включил дисплей, поводил пятном света по траве...

И отпрыгнул назад!

В полутора метрах от его ног на тропе лежал череп! Не тот пластиковый, что показывают в разных учебных заведениях, а настоящий, обтянутый сухой потрескавшейся кожей с сохранившимися остатками волос и пугающими провалами пустых глазниц.

В горле пересохло. Охренеть...

Это что? У него галлюцинации после бабкиных травок? Или он на самом деле видит это?

Инстинктивно заслоновец сделал шаг назад, когда заметил под ногами ещё одну тряпку. Она показалась ему знакомой. Направил смартфон на неё.

Да это же майка! Майка-алкоголичка, что носил Сашок! Так это... Сашок? Сашок мёртв? Ну да, это же у него были такие волосы! Но как? Как, мать его, такое могло быть, этому черепу... ему же хрен знает сколько лет!

И тут до Матвея дошло.

Блин... Да это же розыгрыш!

Сходящие с ума от безделья придурки решили его так разыграть!

Идиоты, уроды несчастные, это же нужно такое придумать? Интересно, у кого такая большая фантазия? Ну не у наших алкашей, это точно!

Ледяной комок в груди начал таять. Он смог, наконец, сделать глубокий вдох.

Вот гады, сумели же напугать!

Ну черти, ну сволочи, он чуть... чего себя обманывать, он конкретно испугался!

Пульс тарабанил так, будто он пронёсся двухсотметровку. — Тролли... — прошипел он, озираясь. — Прибыю!

Снимая стресс, Мальков рассмеялся, заразы такие, как же они такое удумали!

Скорее всего, узнали от Шона, что Матвей возвращается на плато и решили пошутить над ним! Ну да, а как же ещё? Не может же Сашок, которого он видел ещё вчера утром, сегодня вечером превратиться вот в это? Нет, конечно, не может.

Хотя стоп, как они могли узнать что-то от Шона, если здесь мобильная связь не работает? И увидеть фары не могли, он пешком пришёл. Да ещё почти в полной темноте...

Дисплей смартфона потускнел. Нужно скорее найти этих шутников, иначе придётся спать в полной темноте.

Матвей быстро зашагал к палаткам, посветил. И увидел новую, с двойным тентом и моазовскими ладонями. Полы были не застёгнуты. Он заглянул внутрь, выставив вперёд почти бесполезный смартфон.

На надувных матрасах лежало что-то тёмное. Шорты и майка Карпентера, а из них торчали длинные кости ног и рук!

Темнота вокруг вдруг налилась тяжестью, стала ощутимо давить. Мгновенно вспомнились черви, что привиделись днём. Казалось, они настигли его, вцепились в ноги и теперь

он не может и шагу ступить!

Малькова передернуло, тело мгновенно стало мокрым от пота. Это был чистый, животный страх, вышибающий разум и позволяющий только одно — кричать! И он закричал!

— А-аа!

Крик сорвал оцепенение, Матвей пулей вылетел из палатки, его вновь затрясло, мокрое тело мгновенно озябло. Стараясь унять спонтанную дрожь, Мальков принял болевую стойку и несколько раз глубоко провентилировал лёгкие.

Мать вашу, ребята, это перебор!

Перебарывая свой страх, Матвей, выставив вперёд руку со смартфоном, посветил себе под ноги. Умом он понимал, никаких червей там быть не может, но облегчением вздохнул, когда получил подтверждение в этом.

Тяжело дыша, огляделся. Было откровенно страшно, но стоять вот так в одиночестве, и он заглянул в палатку Михалыча. Посветил фонариком, слава богу, здесь пусто. Увидев мегафон, прихватил его. И только взял ручку громкоговорителя, как страх тут же отступил.

С мегафоном в руках, продолжил поиск. Заглянул в палатку охранников-строителей.

И здесь безлюдно... Грубо сколоченные голые нары, на двух отсутствуют матрасы... хотя нет, вот они! Но почему на полу? Почему не на досках, а брошены в кучу в центре палатки?

Рядом с матрасами — три подушки, какая-то одежда,

один стоптанный кроссовок. Чуть поодаль — полупустая пачка печенья, пустая пластиковая бутылка. У выхода — сланец с оторванной резинкой, сложенный носовой платок.

Нет, что-то мало всё это походит на розыгрыш. Но тогда как понять всю эту хрень, что здесь творится?

Стоп. Отбросить эмоции. Факты. Ночь. Пустой лагерь. Никаких следов, кроме этих... костей.

Если отбросить эмоции, то единственный вывод... потеряшки?

Да, ну, чушь!

Местных они еще могли разогнать, но двух тренированных моазовцев?

Значит, все же розыгрыш?

Внезапно Мальков остановился.

Какой же он идиот? У него же есть то, о чём эти шутники не подумали! Ну погодите... Сейчас я вам устрою веселье!

Мальков, разрывая путающую ноги траву, быстро перебежал к «Вирусу». На бегу успел отметить: лунного света прибавилось, но сейчас это уже не принципиально. Теперь он знал, что делать. Свет был не нужен. Скоро он найдёт всех, кто спрятался. И устроит такую ответку, что отобьёт охоту шутить навсегда!

Залетев в аппаратную своего радиолокатора, дистанционно запустил генератор, затем, спустя короткую паузу, включил радар. Загудели кулеры — на усилителях появилось питание.

Так, теперь посмотрим, где у нас кто.

Матвей несколько минут честно пялился на дисплей. Электронная разметка, нанесённая его коллегами при проведении пуско-наладочных работ, заметно облегчала ориентацию на местности — Малькову даже не пришлось тратить время на привыкание к картинке и расшифровку меток. Он сразу увидел едва заметные светло-салатные линии охраняемых зон, линии коридоров «свободного хождения», заметил прозрачно-зелёные отметки палаток и складированного стройматериала. Выделил жёлтые массивы «Фестиваля» и автотехники, что стояла на северной части плоскогорья.

А вот красные метки — «живые» цели — отсутствовали.

Чёртовщина какая-то — такого в принципе не могло

быть! Это нереально, хотя бы лиса или собака должны были попасть в зону обзора. Хотя, именно этих здесь и не будет — им здесь жрать нечего.

Ну ладно, этих нет, но люди же должны быть? Пять аборигенов, два моазовца, они же не испарились?

В досаде Матвей перевёл «Вирус» в режим свободного поиска. Теперь искусственный интеллект радара самостоятельно менял длительность импульса, его мощность и способы обработки сигнала.

Подождал пару минут, мигнуло обновление экрана.

Результат прежний — ни одной цели! Хотя должны были быть! Обязаны! Ведь где-то же шутники прячутся! От зоркого ока «Вируса» у них просто нет защиты, ни в палатке, ни в нужнике, если они умудрятся туда все поместиться. Ну разве что в металлическом КУНГе «Фестиваля» радар их не сможет обнаружить, но Мальков уже там смотрел. Или...

Экскаваторы! Вот! Вот где они прячутся! Металл их экранирует, поэтому «Вирус» их не видит!

Хотя моазовцы... Нет, они бы не стали так унижаться ради шутки.

Ладно, пора заканчивать этот спектакль.

Мальков вышел из аппаратной «Вируса» и поднял мегафон.

— Господа шутники, хватит прятаться! — его голос, усиленный в сотни раз, грохнул, разрывая звенящую тишину плато. Он и сам вздрогнул от возникшего гула реверберации.

— В вашем возрасте вредно подолгу сидеть в утробе экскаватора!

В ответ тишина. Даже сверчки притихли.

Молчите? Ладно...

Мальков снова взвизгнул рупором, переходя на английский: — Джон! Есть вести от Шона! Ваш внедорожник сломался!

Дёрнул мегафон вниз. Из темноты ему в ответ донеслось жалкое подобие его же фразы, растянутое и искажённое ЭХОМ.

И стрекотание сверчков.

Мальков вернулся в «Вирус». Движения в экскаваторах компьютер не обнаружил. Он его вообще нигде не обнаружил. Чисто и тихо. Как на кладбище — вдруг мелькнула мысль и, несмотря на тёплую ночь, Матвею стало прохладно.

Нет, паника — не выход. Взяли и ушли. Все? И мозовцы? Если напились, могут...

Да чёрт с ними! Хватит рефлексировать. Спать. Этот день должен наконец кончиться. Завтра всё встанет на свои места.

Скрипя зубами Мальков вырубил локатор.

Играйте в свои прятки. Я устал. Жрать хочу! И спать.

Хорошо, что идти ночевать никуда не надо. Аппаратная — его дом. Включил компрессор, матрас надулся. Спальник не понадобится — духота. Скинул кроссовки, повалился на матрас, не раздеваясь. Всё равно сейчас не заснёт. Мысли не

дадут.

Чёрт, какая дурацкая командировка вышла! А как ему в «Заслоне» все завидовали, когда узнали, что Мальков едет в Сочи, вот сами сюда съездили, посмотрел бы на их реакцию...

Матвея как подбросило. Он резко сел.

Слова Кейси о возрасте... Ему пятьдесят два, Карпентеру — да он уже пожилой мужик. Старик, практически. Он не станет участвовать в таком дурацком розыгрыше. Не его уровень. И если его... нет, в палатке точно не он!

Твою мать! Как он мог забыть! Сорвавшиеся! Те самые, что атаковали лагерь в первый день их прибытия!

Шон, чёрт бы тебя побрал! Почему ты не здесь! Насколько сейчас легче было, если бы они вернулись вместе!

Как же он выпустил из виду атаку потеряшек? Ведь эти безумцы действительно могли напасть на лагерь! И дурацкая шутка со скелетами вяжется только с ними — нормальные такого не сотворят!

Вот что самое важное - где все люди? Где те, кого они с Кейси оставили на плато? Разбежались? Нет, все не могли, кто-то бы вернулся. Строители могли и разбежаться, а вот дисциплинированные, немного похожие на роботов, мазовцы хрен бы разбежались! Они скорее бы заперлись в «Фестивале», чем бегали по горам! Или, скорее всего, используя мощь КАМАЗа, прорывались бы с плато. Доехали бы до того места, откуда можно вызвать полицию, подняли бы на

ноги всех, кого можно и кого нельзя, но не бросили бы всё в таком состоянии. По крайней мере, сам Матвей именно так бы и поступил!

Сунув ноги в кроссовки, Матвей быстро пошёл к «Фестивалю». Дверь оставалась приоткрытой. Он поднялся по ступенькам.

Та-так, а в кресле-то кто-то сидит! Как такое может быть — он же точно видел, что там никого нет! А, понятно, это он когда снизу смотрел, не заметил, а как поднялся, так сразу увидел торчащие над креслом рыжие волосы! Рыжим у мозовцев был Джеймс.

Был? Почему был?

Матвей не мог бы сказать, отчего выбрал именно это слово, но стоя на пороге аппаратной георадара он точно знал: в кресле — не живой! А ещё в голове свербила мысль — *если всё в порядке, почему тогда свет дежурный, а не рабочий? Почему освещение от аккумуляторов, а не от генератора? Нет, здесь точно что-то не так!*

Нужно посмотреть. Если убежит сейчас — будет трудом. Всю жизнь. Отец учил: страх нужно грызть зубами. Сделать его ступенькой, чтобы подняться ещё выше.

— Джеймс? — тихо окликнул Мальков, делая шаг вперёд.
— Это Матвей. Отзовись.

Молчание. Он перешёл на английский, голос срывался.

— Джеймс! Ты в порядке?

Ответа не последовало.

Мальков замер.

Что это? Почему Джеймс... такой? Мёртв? Тогда... он в ловушке?

Ловушке? Для кого? Для него? Да кому он нужен... Мания величества? Тогда им нужен Шон? Они охотятся на него! Ведь никто же не знает, что Кейси остался в Сочи.

На деревянных, негнущихся ногах Мальков двинулся вперёд, бессознательно приняв защитную стойку — руки сами собой сжались в кулаки, прикрывая челюсть.

Хоть бы не это!— взмолился Мальков, поворачивая кресло.

То, что он принял за Джеймса, полетело на пол.

Это был очередной труп, но теперь в тряпках моазовца!

Из-за удара об пол от костяка отделился череп и, мелькая сохранившимися клочками кожи с рыжими волосами, покатился к выходу.

— Мать вашу! — заорал Матвей, прижимаясь спиной к стойке передатчика. — Да что здесь происходит?!

Оглянулся на кучку из одежды и безголового скелета, затем посмотрел на череп у двери. Малькову показалось, что тот улыбается. Клок рыжих волос опустился на лоб и прикрыл пустые глазницы...

— А-аа! — не контролируя себя, заорал Мальков и бросился к выходу. Перепрыгивая через голову моазовца, он выскочил из «Фестиваля».

Забыв, что высота аппаратной была около полутора мет-

ров, он на мгновение повис в воздухе, а затем тяжело рухнул на землю, кувыркаясь и обдирая в кровь локти и спину о колючую траву.

Забыв все тропы, он понёсся по единственному знакомому пути — той самой дороге, что вела вниз, к Сочи.

Связь! Ему срочно нужна связь! Полиция, ФСБ, Шон... Был бы номер Бога — он позвонил бы и туда!

Глава 8.

Матвей бежал, то и дело вскидывая смартфон. В статус-баре наконец-то проклюнулась первая ступенька уровня связи. Батарейка почти не жила, но на один звонок должно хватить.

Мальков рухнул на первый попавшийся бугорок, едва сдерживая дрожь в пальцах, набрал номер полиции.

— Дежурный винерского отдела, капитан Кочетов! Слушаю!

— Здравствуйте, — Матвей неожиданно осознал, что не знает, с чего начать. — Меня зовут Мальков. Я командирован сюда из Москвы...

— Стоп, не частите, — резко перебил дежурный. — Разговор записывается. Назовитесь полностью.

— Мальков Матвей Сергеевич.

— Матвей Сергеевич, сообщите причину звонка.

— Люди пропали! Подозреваю, похищение! Группой сумасшедших...

— Гражданин, напоминаю, вы звоните в полицию. Прекратите шутить.

— Это не шутки! Там люди исчезли, а в лагере... Алло? Алло! — Мальков посмотрел на дисплей — тёмный. Нажал кнопку включения, реакции нет. Всё, заряд батареи закончился. Чёртов дурак, лучше бы вместо полиции в службу вы-

зова такси позвонил! Теперь и полиции толком ничего не сообщил, и ехать не на чем!

Тяжело вздохнув, Матвей посмотрел на зажатый в руке гаджет. Теперь это кусок бесполезного пластика. Вот что мешало зарядить смартфон, когда он был в «Вирусе»?

Матвей бессильно поднял голову, и на мгновение ему показалось, что он снова сидит в мягком кресле Московского Планетария, а над ним медленно разворачивается искусственная ночь. Но сейчас ночь была настоящей, ледяной и пронзительно ясной.

Он вспомнил, как на лекциях по навигации объясняли: когда всё земное замолчит, небо продолжит вещать. Это хотя бы работает. В отличие от всего остального астрономия не требовала подзарядки и не зависела от вышек связи.

Нашел ковш Большой Медведицы, провел линию через крайние звезды. Вектор указал на Полярную.

Ага, вот она. Сочи на юге, Винерск восточнее. Значит, сейчас берем вектор на юг, десяток градусов левее, и ищем дорогу — она должна быть где-то там.

Матвей усмехнулся. Люди настроили спутников, наплодили "костылей", а в итоге он стоит здесь, без компаса, без гаджетов, и единственное, что у него осталось — это знания, которым тысячи лет. Он знал, где север. Он знал, как работает этот гигантский небесный гироскоп. И этого было достаточно, чтобы сделать первый шаг.

Матвею повезло: его подобрала первая же проезжающая

машина. «Скорая помощь» возвращалась с вызова. Фельдшер за рулём сначала отчитал его, но, разглядев запыхлённое лицо и пустой взгляд, лишь кивнул на просьбу отвезти в отделение полиции. Если в полицию, значит у человека беда.

Дежурный, тот самый капитан Кочетов, встретил его у входа, оценивающим и настороженным взглядом. Сначала он принял Матвея за жертву грабителей. Но когда зашёл разговор о пропавших людях, капитан встрепенулся.

— Так это вы звонили? — переспросил Кочетов. — Вы как-то... странно оборвались.

— Телефон разрядился, — Мальков достал из кармана мёртвый смартфон и положил на стойку. — Из-за этого и пришлось добираться сюда перекладными.

— А что вы делали в горах?

— Командировка, — машинально потянулся к карману за паспортом и застыл. Чёрт! Паспорт, документы, кредитка — всё осталось на плато. Почему он не взял сумку? — Там строительство...

— Строительство? В горах? — капитан скептически поднял бровь. — О чём-то таком не слышал.

— Это объект МОАЗ! Международной Организации Астероидной Защиты. Международный объект! Вы понимаете, чем это значит?

— Астероидная защита? — капитан медленно переспросил, и Малькову показалось, что в его глазах мелькнула тень усталой иронии. — Это серьёзно. Но не в моей компетенции.

Сейчас вызову специалистов, которые в этом разбираются.

— Да я не сумасшедший! — выдохнул Матвей, чувствуя, как его снова затягивает в эту тряси́ну непонимания. — И не тяните резину! Там сумасшедшие! Настоящие! Они людей похитили! Представьте: я прихожу в лагерь, а там одни скелеты...

Из камеры для временно задержанных Малькова вывели только утром, после девяти. К этому времени он успел даже немного вздремнуть. Оперативник, старший лейтенант Коньков, заслоновцу не поверил и уже тянулся к телефону, чтобы вызвать «психушку», но вовремя подошёл дежурный следователь. Пришлось рассказывать всё с начала — под те же ухмылки и дурацкие, провокационные вопросы.

И тут всё перевернулось. Малькова вызвал к себе капитан Смирнов, начальник оперативного отдела. Оказалось, москвич не так уж и сумасшедший: на плато, откуда он прибежал, и впрямь работали сотрудники МОАЗа. А значит, дело на контроле Москвы.

Выслушав Малькова, Смирнов перешёл в режим допроса, свойственный оперативнику: что за «Нибелунг» такой, чем занимаются, какие интересы у МОАЗ на плато Янгеля и что они с Шоном делали в Сочи?

Матвею всё это осточертело. На последние вопросы он отвечать отказался и потребовал позвонить своему руководству в Москву — пусть сами разбираются.

Протест подействовал слабо. Смирнов криво улыбнулся: только участие моазовцев в этой истории и не позволяет сразу «приземлить» заносчивого москвича.

К счастью Малькова, из Брюсселя уже надавили на Моск-

ву — правда, по позавчерашнему нападению на «Нибелунг-17», но какая разница? Тема прозвучала, если ещё и нынешнее ЧП подтвердится, скандал будет громким. А пока — проверка. На плато решили откомандировать двух сотрудников. Вместе с ними поедет Мальков, пусть покажет на месте. Если полицейские что-то найдут — тогда и разговор будет другой.

Смирнов снова передал Малькова оперативникам. Теперь они уже не грозились дурдомом, хотя скепсиса поубавилось не у всех. В конце концов, в итоге назначили старшего сержанта Кормильцева. Ему передали приказ во всём разобраться и доложить. В помощь назначили сержанта Чайку — он будет водителем и присмотрит за «задержанным».

Для оперативности поехали на мотоцикле. Сержант Валера Чайка сказал, что знает эти места как свои пять пальцев и на двух колёсах домчит в разы быстрее. Раз их трое — взяли мотоцикл с коляской. Малькову это не понравилось, но кто его спрашивал? Ему бы скорее покончить с этой историей и улететь. На мотоцикле, так на мотоцикле. Только потом он сообразил, что зря не насторожился: как это на четырёх колёсах не проехать, а на трёх — запросто? Но уставший и голодный, он не придал этому значения. А зря.

Спустя минут двадцать Кормильцев повёл заслоновца во двор, к мотоциклу у крыльца. Старший сержант протянул Матвею шлем. Тот оказался тесным, но мнением заслоновца вновь не поинтересовались. Пришлось смириться. Сам он

бы туда не поехал, а с полицией — куда ни шло. С трудом натянув шлем на голову, Мальков почувствовал себя будто в пыточном устройстве. Чёрт с ним, лишь бы быстрее всё закончилось!

Называется, смотался на уикенд к морю! Да на кой ему такое море сдалось? Голодный, невыспавшийся, пробежавший всю ночь, а теперь ещё должен трястись в этой коляске, чтобы снова оказаться на проклятом плато Янгеля? Но выбора нет — он главный свидетель. Да ещё документы остались на плато. Если бы не это, пропади оно пропадом!

— Там вам удобнее будет. Сам бы сел, да не помещусь, — массивный старший сержант, которому форма явно была мала, кивнул на коляску. — Немного потрясёт, зато быстрее будем на месте.

Спорить было бесполезно. Пришлось забираться в уродливое корыто коляски, которое заслоновец видел только в фильмах о войне. Холодная обшивка давила в спину. Было бы даже забавно, но пережитые ночные испытания вышибали любые мысли о веселье.

— Ну что, едем? — К мотоциклу подошёл высокий, стройный, можно даже сказать худой, кареглазый веснушчатый парень. На ходу надев шлем и краги, он доложил: — Я готов.

— Сержант Чайка, — представил его Кормильцев. — Валера — мотоциклист от бога. Доедем в два раза быстрее, чем на любой машине.

Чайка промолчал, кивнул Малькову, поправил застёжку попоны коляски и уселся за руль. Безразличным взглядом скользнул по нерешительно топтавшемуся Кормильцеву.

— Слушай, Валера, может, вы вдвоём съездите? — вдруг попросил старший сержант, заискивающе улыбнувшись Чайке. — Чего я там не видел? Только перегруз вам создам. Оно тебе надо?

— Кормильцев! — рявкнул с крыльца капитан Смирнов. — Алексей Викторович, почему ещё здесь?

— Всё, уже едем! — Старший сержант шустро вскочил на заднее сиденье, заерзал, усаживаясь поудобнее. — Поехали, чего стоим?

Едва Кормильцев опустился на сиденье, Матвей почувствовал, как коляска под ним приподнялась. Мотоцикл просел под грузным сержантом, и люлька пошла вверх. Чайку это не смутило. Дав перегазовку, он включил передачу и рванул с места.

На выезде со двора коляску подбросило. Потом ещё и ещё. Несбалансированная конструкция отзывалась на каждой кочке. Сильнее всего доставалось Малькову. Он с ненавистью посмотрел на возвышающегося над ним Кормильцева. Толстый зад старшего сержанта едва умещался на сиденье. Чувствовалось, что тот весил далеко за сто килограммов. Скорее всего, вес старшего сержанта был ближе к полутора центнерам, и Матвей с сомнением подумал, как такой вообще проходит медкомиссию, если она у них существует.

Зато приятно удивил Валера Чайка. Родные места сержант знал как свои пять пальцев, это выяснилось быстро. Едва они выехали на трассу, как Матвей с удивлением обнаружил: улицы, по которым они, забыв обо всех ограничениях, неслись, были ему абсолютно незнакомы. Заслоновцу казалось — спорить на деньги он бы не стал, — что они едут не туда. По крайней мере, дорога была совсем не та, где стоял снятый с колёс вагон. Но протестовать Матвей не стал — полицейским виднее. Может, решили по дороге куда ещё заехать?

А затем, стоило ему чуть расслабиться, как тут же дала о себе знать усталость — вновь заныла голова, на глаза навалилась свинцовая тяжесть. Ему стало безразлично, куда и как они едут, лишь бы скорее приехать и отдохнуть от этой суеты.

К сожалению, отвлечься и посидеть с закрытыми глазами не получалось. Мотоцикл мотало из стороны в сторону, Малькова подбрасывало, швыряло вперёд после торможения и вжимало в жёсткую спинку при разгоне. Голова в тяжёлом шлеме болталась, как шарик для пинг-понга на струе воды, и от непривычной нагрузки заныли мышцы шеи.

Но всё кончается. Кончилась и эта попытка. Мотоцикл вылетел на дорогу, и в какой-то момент Мальков стал узнавать места. Быстро они здесь оказались, не соврал Кормильцев! Чайка и впрямь знал все короткие пути. Это же тот самый холм, что он вчера обходил, гадая, есть ли через него прямой

ход.

Не ограничившись достигнутым, сержант, сам того не ведая, решил удовлетворить давешний вопрос заслоновца. Не заморачиваясь с объездом, Чайка, чуть сбросив газ, направил мотоцикл правее поворота. Трёхколёсная колесница, под углом перескочив обочину, понеслась по бездорожью.

Неужели он иттурмует гору в лоб? — мелькнуло у изумлённого Малькова. И он оказался недалёк от истины!

Подминая колёсами нетронутую траву, без дорог и колея, Чайка каким-то шестым чувством определял маршрут. Можно было только дивиться его мастерству: он ни разу не угодил ни в яму, ни в овраг, ни в иное препятствие, способное заставить свернуть.

Невозмутимо преодолев холм, сержант и тут не вернулся на знакомую Малькову гравийку. Появилась надежда, что теперь-то они покатают по нормальной дороге. Ага, конечно! Оказалось, прежняя езда была лишь разминкой. Настоящий кошмар пассажира начинался здесь! Вопреки здравому смыслу, полицейский за рулём пренебрёг накатанной щебёнкой и вновь избрал тропки, ведомые лишь ему. И всё бы ничего, но эти тропки вились уже в горах!

Матвей, до онемения в пальцах вцепившийся в ручку на крышке люльки, не раз с ужасом замечал, как тропа впереди сужается настолько, что места хватало лишь для двух колёс. А для третьего — колясочного — места не находилось. А сумасшедший Чайка, даже не думая сбросить скорость, про-

носился так, словно и не планировал опираться на эту «лишнюю» опору.

Как ни странно, такая езда не вызывала протестов у Кормильцева. Тот, наоборот, помогал напарнику, используя свой вес. В опасных виражах старший сержант отклонялся то вправо, то влево, отчего мотоцикл, казалось, и не чувствовал потери опоры под коляской. Но Малькову от этого легче не становилось. Да и как иначе, когда твоя пятая точка раз за разом пролетает над пропастью в добрую сотню метров?

Коляску мотало. Перед глазами мелькали то подминаемая трава, то чистое небо, то кусок тропы, то стена отвесной скалы. Несколько раз глаз успевал выхватить далеко внизу бурлящую буро-зелёную реку, отчего сердце начинало колотиться всё чаще. Безумно хотелось вспомнить хоть одну молитву, но в семье атеистов он ни одной не слышал. Знал лишь по телевизору словосочетание «Отче наш». А жаль. Незря говорят — в падающем самолёте атеистов нет.

Зато сонливость и головная боль исчезли волшебным образом. Тесный шлем перестал давить и казался самым уютным из всего облачения. Будь возможность, Матвей натянул бы на себя ещё что-нибудь! Бронежилет. Или скафандр с крылышками, как в тех фильмах, где герои прыгают по скалам.

В голове колотилась одна мысль, одно желание — чтобы это поскорее кончилось! Но дорога, несмотря на безумную езду, не кончалась. Поворот следовал за поворотом, подъём

сменялся прямым участком, а за ним — новый подъём. И новая пытка.

Вдруг мотоцикл остановился. Матвей решил, что это промежуточная точка, сейчас рванут дальше. Прошло несколько секунд, прежде чем до него дошло: они стоят. И никуда не едут.

Ошеломлённо огляделся.

Неужели они на плато?

Ёлки-палки, да они уже на чёртовой Лысой горе!

«Епическая сила», — сказал бы Костик. Чёрт, найти бы его живым! Да и всех остальных, какими бы они ни были, тоже очень хочется найти и увидеть живыми.

— Приехали! — констатировал Кормильцев. Было видно, что и он рад окончанию поездки. Спрыгнув на землю, старший сержант с удовольствием потоптался по траве.

Чайка, не слезая с мотоцикла, помог Малькову снять шлем и отстегнул попону коляски.

— Не сильно напугал? — спросил он с лёгкой виной в голосе.

— Да нет, всё в порядке! — поспешил уверить Матвей, чувствуя, как горят уши. Не от вранья, а от сдираемого шлема.

— Ну и отлично. Обрато поедем другой дорогой. Там террасы каскадом вниз идут. Давно хотел по той стороне спуститься, да случая не было! А вид — красота!

Валера показал на дальний край плато. Спуска отсюда

видно не было, но слова сержанта вызвали у Матвея спазм в желудке. Нет, уж лучше он пешком пойдёт, чем снова поедет с этим психом!

— Это там ваши мумии? — Кормильцев демонстративно посмотрел на часы и кивнул в сторону палаточного лагеря.

— Угу, — промычал Мальков, разминая челюсть. — Там. И не только там.

— Валера, готов? — спросил старший сержант.

Чайка достал видеокамеру, включил, коротко представился, затем навёл объектив на Малькова.

— Назовите себя, место работы и цель командировки.

Подавляя недовольство, Мальков выполнил просьбу сержанта.

— Отлично, — Кормильцев удовлетворённо кивнул. — Теперь показывайте, что хотели показать. Где место происшествия?

Матвей молча кивнул и пошёл вперёд. Полицейские не отставали. Первой лежала мумия в одежде одного из строителей. Матвей узнал вьетнамки Александра. Те самые, о которые споткнулся вчера.

— Ну и что тут у нас? — Кормильцев дубинкой оттянул майку в сторону. — Твою мать...

Он присел, вглядываясь в иссохшее тело.

— Действительно мумия. Валера, снимай ближе. Дело серьёзное.

— Это точно... настоящее? — с трудом выговорил Маль-

ков.

Кормильцев склонился ниже.

— Выглядит убедительно. Похоже у нас неприятности.

Большие.

Матвей не выдержал: — А вы уверены, что это не подстава?

— Ещё трупы есть? — проигнорировал его вопрос Чайка.

— Да я же говорил, они здесь везде, — заслоновец огляделся.

— Показывайте. И начнём с иностранцев.

— Тогда нам туда.

Отметив про себя слова Кормильцева об иностранцах, Мальков направился к палатке моазовцев. Мысль о похищении коллег «потеряшками» постепенно сменялась более страшной — все они погибли. Но как? Что это за смерть такая — загадочная и оттого ещё более жуткая?

— Подождите! — Старший сержант, подойдя к палатке, жестом велел заслоновцу отойти. — Валера, снимай! Теперь показывайте, Мальков.

Матвей отогнул полу палатки.

— Вот этот, Джон Карпентер. Точнее, мумия в его одежде. Он у них за старшего был.

В палатку заслоновец заходить не стал, предоставив это Чайке.

— А второй где? — уточнил Кормильцев. — Вы сказали, американцев было двое.

— В «Фестивале», — Матвей кивнул в сторону центра плато.

— Где? — строго переспросил Кормильцев. — Покажите рукой.

Мальков не стал упрямиться, выполнил просьбу.

— КАМАЗ с КУНГом видите? Это и есть «Фестиваль». Условное название их радара.

— Пошли туда, — решил старший сержант. — Валера, готов?

— Да, я же только в общем снимаю, детали — дело оперативников, — сержант растерянно огляделся. — Но как они так быстро... такими стали?

— Ты у меня спрашиваешь? — выпучив глаза, прорычал Кормильцев. — Хрен его знает! Приедут следаки, пусть разбираются! Наша задача — задокументировать!

— Ну да, — согласно кивнул Чайка и зябко повёл плечами. — Только как-то... тревожно всё здесь. Жуть какая-то! Как по кладбищу ходишь.

Услышав это, заслоновец понял: он не один чувствует себя неуютно.

— Ладно, наши приедут — сами во всём разберутся, — продолжил Чайка, водя камерой. — Но я здесь лишней минуты не задержусь. Как приедет группа — я уезжаю.

— Я тоже. Я с вами, — поддержал Мальков, но, вспомнив о мотоцикле, добавил: — Наверное.

— Это вряд ли, — Кормильцев помотал головой. — Вам,

как свидетелю, здесь задержаться придётся. Следователю всё покажите. Ладно, продолжим. Идёмте в КАМАЗ. Говорите, второй американец там?

— Да, там... но не совсем. Он там лежит, у него голова отдельно, — Матвей решил сразу прояснить свою роль. — Тело было в кресле, я повернул, оно упало, и голова откатилась...

— Голова, говорите? — Кормильцев сглотнул, его взгляд погрузнел. — Ну что же, ведите, посмотрим на вашу голову. Матвей повёл их к КУНГу георадара.

— Вон там, — он толкнул приоткрытую дверь и показал пальцем внутрь.

Кормильцев, не поднимаясь, вплотную подошёл к станции, заглянул внутрь. В метре от входа, как и говорил Мальков, на резиновом покрытии лежал череп. Пустые глазницы, за которыми виднелась тёмная субстанция. Лопнувшая сухая кожа, рыжие клочья волос, щербатый рот. Нижняя челюсть валялась в сорока сантиметрах.

— Подтверждается. Мумия рыжеволосого мужчины... Короче, всё на месте, как и говорил гражданин Мальков, — старший сержант смотрел в камеру. Несмотря на официальный тон, голос его подрагивал. — Входим внутрь.

— Ну ты даёшь! — прошептал Чайка. — Я такое описание первый раз слышу. Так даже новобранцы в школе не напишут.

— А ты как хотел? — рявкнул Кормильцев. — Как я у

него пол, рост, возраст определю? Особые приметы — мешок костей без головы? Или рыжий скальп без челюсти?

— Леша, погоди, — остановил его Чайка. — Извини, глупо пошутил! Сейчас все на нервах, нельзя горячиться. Надо группу вызывать.

— Серьёзно? Группу? На что? На скелеты? Им, может, тысяча лет! Где трупы... свежие трупы? Где факт преступления? Орудие? Мотив? Хоть что-то есть? — сдавленно прошипел Кормильцев. — Дерьмо случилось, а какое — хрен его знает! Умом понимаю, что вот они, трупы, а поверить не могу! Как такое могло... произойти?

Старший сержант растерянно посмотрел на Малькова.

— Чего молчишь?

— Может мне песенку спеть? — съязвил Мальков, тут же пожалев о неуместных словах.

— Ладно, идём дальше. — Кормильцев вздохнул. — Вы говорили, американцев трое было?

— Да, — подтвердил Матвей. — Третий был со мной в Сочи. Надеюсь, с ним всё в порядке.

Кормильцев сделал пометку в блокноте.

— Хорошо, с иностранцами пока всё. Теперь перейдём к нашим. Покажите, где руководитель работ?

Мальков удивлённо вскинул брови.

— Я ничего не пойму! То вы говорите, что нужно группу вызывать, то хотите всё осмотреть, но тут же заявляете, что это должна делать группа... Вам не кажется, что вы просто

тянете время?

— А вы не считаете, что много на себя берёте? — хмуро спросил Кормильцев.

— Я считаю, здесь совершено преступление! Почему вы не допускаете, что моих коллег похитили, а это всё — подстава! — Матвей ткнул пальцем в сторону черепа. — Поймите, вы теряете время, а их, быть может, в этот момент убивают! Нам эту хрень подбросили, чтобы запутать! И вы играете им на руку!

Сержанты переглянулись.

— Леша, я не знаю, какая чертовщина тут творится, но группу вызывать надо, — снова сказал Чайка.

На этот раз Кормильцев не возражал. Кивнул, достал телефон.

— Вот чёрт, связи нет!

— Я же говорил! — Мальков достал свой смартфон, тщетно попытался включить. — Пойду поставлю на зарядку. Заодно паспорт заберу.

— Стоп, — Кормильцев предостерегающе поднял руку. — Здесь ничего трогать нельзя.

— Вы смеётесь? — Матвей всерьёз разозлился. — Люди пропали, какой-то идиот подбросил скелеты, я не спал всю ночь, не жрал, лишь бы вас быстрее сюда привести... А вы вместо поиска людей... непонятными мертвяками занимаетесь! Это тема для археологов! А вы живых ищите! Похитители — безумцы, каждая минута на счету!

— Тебя забыли спросить! — вспыхнул Кормильцев но тут же добавил: — Всех, кого нужно, вызовем. И людей найдём. А вы ничего не трогайте.

— В «Вирусе» можно, там нет скелетов. Это та станция, что я ремонтировал.

— В «Вирусе»?

— Вон он стоит! — Матвей показал на «Газель». — Я ещё ночью там смотрел — всё чисто.

Старший сержант вздохнул.

— Я всё равно должен посмотреть, — пояснил он. — Правила. Валера, ты поезжай по дороге, ищи связь. Как появится — чтоб группа выезжала. Возвращайся, доложишь, когда ждать. Главное — подгони их. А я пойду, гляну на этот «Вирус».

Чайка умчался.

И тут же стало тоскливо. И запах трав уже не пьянил, и ветер сразу похолодал...

- Идемте! – поторопил старший сержант.

Заслоновец спорить не стал, молча проводил полицейского к своему радару.

Осмотрев салон и кабину, Кормильцев кивком разрешил Малькову собрать вещи. Тот под присмотром забрал документы и подключил смартфон к зарядке.

— Всё? — Кормильцев нетерпеливо посмотрел на часы. — Тогда пройдите к КАМАЗу, будем группу ждать.

Мальков не возражал. Вернувшись, он устало присел у ко-

леса «Фестиваля», привалившись спиной к жёсткой резине. Сил спорить не было.

Хотят — пусть смотрят. Всё, что он мог, он сделал. Заставить этих двоих искать пропавших он всё равно не в силах. Тут вертолётны нужны, прочёсывать окрестности... А они ждут группу.

Глава 9.

Матвея разбудил грубый толчок в плечо. — Мальков, просыпайтесь. Следователь зовёт, — над ним стоял Кормильцев. — Куницын Сергей Алексеевич. Вон тот, в белом поло, посредине.

Следователь Куницын выглядел совсем не так, как ожидал Матвей: невысокий, худой, в джинсах и белом поло. Рядом с ним — грузный темноволосый мужчина лет пятидесяти пяти и худой парень в шортах с яркой футболкой.

Чуть в стороне стоял Чайка и кинолог с великолепной немецкой овчаркой.

Позади виднелась «Газель» в полицейской ливрее, рядом с ней мышиного цвета внедорожник «Форд».

— Подходите, Мальков, подходите! — Куницын, увидев, что Матвей проснулся, нетерпеливо поманил его рукой.

У заслоновца вертелся на языке ответ: кому надо, тот пусть и подходит, но в последний момент Матвей решил не переносить своё плохое настроение на других и грубить не стал. Вместо этого поднялся, отряхнул джинсы и пошёл к умывальнику. Пару раз провёл ладонями, смоченными тёплой водой, по лицу, хотелось бы ещё, да вода кончилась.

— Вы тоже будете спрашивать, что это за агрегаты? — Мальков большим пальцем ткнул себе за спину. — Или перейдём к тому, куда пропали люди?

— Матвей Сергеевич, — следователь оставил демарш Малькова без внимания, — без вашей помощи мы не сможем никого искать. Не зная, кого искать, скольких, как выглядели, куда могли пойти, при каких обстоятельствах исчезли, что предшествовало этому. Иными словами, пока не прекратите тянуть время и не начнёте сотрудничать с нами, мы не сможем провести никаких розыскных действий.

Заслоновец, признавая правоту Куницына, кивнул.

— Спрашивайте, — Мальков подошёл к троице. — А лучше слушайте. Это объект, курируемый МОАЗ, слышали о такой?

— Нас уже просветили, — кивнул темноволосый, как оказалось, он ещё и картавил, — так что всё мы в курсе про вашу «сверхважную» МОАЗ. Можно ближе к делу?

Мальков посмотрел на говорящего. У того оказалось ко-соглазие, видимо, взгляд Малькова его смутил, и темноволосый быстро надел тёмные очки. Но Матвея его глаза не интересовали. Он зацепился за слова «уже просветили».

Кто? Когда он был в полиции, о МОАЗ там знали совсем мало, а тут «просветили». Шон? Наверняка, больше некому.

— А где сам Кейси? — спросил Матвей. — Я думал, он тоже приедет.

— Кто? Вы о ком? — нахмурился следователь. — Послушайте, Матвей Сергеевич, вы сейчас сами отнимаете наше время и при этом жалуетесь, что ваших приятелей никто не ищет!

— Коллег, — поправил Мальков. — Я здесь суток не пробыл, приятелями обзавестись не успел.

— Хорошо, коллег. Рассказывайте, что считаете нужным. Потом уточним детали, — примирительно предложил темноволосый, поворачиваясь к Куницыну. — Сергей Алексеевич, я думаю, так будет быстрее.

— Излагайте, — хмуро согласился Куницын. — Коротко и без подробностей. Только факты. Остальное — потом.

— Окей, я тоже за такой подход. — Мальков огляделся, задержал взгляд на КАМАЗе. Кивнул на эмблему. — Вот эти ребята строят по всей планете свои радиолокационные станции. Они считают, что полилокальное размещение и мультитрадарная обработка...

— Мульти... обработка? Это что такое? — удивился темноволосый.

— Наон Семёнович, не перебивайте, пожалуйста! — попросил Куницын. — Договорились же, все вопросы потом!

— Хорошо, молчу! — Наон Семёнович, признавая неправоту, поднял руки ладонями вперёд.

— Продолжайте, Мальков. — потребовал Куницын, не обращая внимания на кривляние оперативника.

— Короче, здесь будет часть планетарной системы обнаружения приближающихся к земле астероидов. Как вы знаете...

— Знаем, телевизор смотрим, книжки читаем, давайте дальше! — жёстко перебил Куницын.

— Для этого необходима высочайшая точность размещения всех элементов, входящих в сеть обнаружения. С целью выполнения данных условий они пригнали сюда вот эту машину. Она называется «Фестиваль»...

— «Фестиваль»? Совсем как наш концертный зал, он тоже «Фестивальный»! — заметил молчавший до сих пор мужчина в шортах.

— Виталий, ну ты хоть не мешай! Договорились же, русским по белому, вопросы потом! — разозлился Куницын. Затем повернулся к Матвею: — Продолжайте.

— «Фестиваль» — это георадар. Не буду вам объяснять принцип его работы, — Мальков сделал выжидающую паузу, получив подтверждающий кивок следователя, продолжил. — Это абсолютно новая машина с форсированными возможностями. Её привезли американцы. Моазовцы, если точнее.

Следователь нетерпеливо кивнул: всё, проехали, давай дальше!

— Когда включили «Фестиваль», оказалось, что у них вышла из строя система позиционирования GPS. Они попросили у меня помощь... Дело в том, что в моем «Вирусе»... Да-да, в «Вирусе». — Мальков показал пальцем на «Газель» и, предупреждая вопросы, пояснил: — И да, вашим коллегам я уже говорил — почему радиолокатор называли «Вирус», я тоже не знаю, называли без моего участия! «Вирус» представляет собой многофункциональную радиолокацион-

ную станцию миллиметрового диапазона. Данный радарный комплекс позволяет в автоматическом режиме обнаружить, распознать и сопровождать различные цели на земле, на воде и в воздухе, размерами от небольшой собаки или большой птицы.

— Хороша вещь! Я бы поставил огород охранять! — не выдержал Наон Семёнович и тут же виновато приложил ладони к губам. — Всё, молчу!

— Хорошая, — Мальков говорил на автомате, слишком уставший, чтобы следить за словами и повторяя уже произнесённые ранее термины. — В процессе ремонта я забрался на крышу «Фестиваля». Там обнаружилась причина отказа — обрыв антенны. Оттуда же, с крыши, мы увидели приближающуюся вон оттуда толпу. — Мальков махнул рукой, показывая на то место плато, откуда пришли безумцы. — Их было не менее полусотни. Скорее даже больше... Да, точно, больше, это ведущее ядро было с полсотни, но за ними тянулись ещё и ещё. Я как-то потом не придавал значения, но сейчас понимаю, их было значительно больше. Просто в тот момент в голове зафиксировалось начальное число. А они всё шли и шли. Неплотно, по двое, трое, но всё время прибавлялось, думаю, не ошибусь, если скажу, что под конец собралось более сотни безумцев. Там всё быстро понеслось, считать некогда было. Все какие-то неадекватные. Орут чушь, требуют еды, ругают власть, кто-то детей потерял — откуда на плато дети? Безумцы какие-то!

— Знаю, уже встречались с такими... чудиками. Но это там, внизу, в городе. — Куницын озадаченно огляделся. — Удивительно, что потеряшки здесь объявились, они обычно появляются там, где скопление людей, здесь им что делать?

— Не знаю, они были очень агрессивны, бросились в драку, — Мальков живо вспомнил дикие вопли, разинутые рты, скорее даже пасти, глаза без единой мысли. — Под угрозой оказалась жизнь руководителя этого лагеря Смекалова, и мне пришлось сбить одного с ног, остальных разогнал Джон. Но ему помогали его товарищи.

— Джон, это? — следователь, недоговорив, вопросительно посмотрел на Матвея.

— Джон Карпентер. Из МОАЗ. Мне показалось, он среди американцев старший. Хотя...

Матвей не знал, стоит ли говорить Куницыну о незначительном конфликте между американцами.

— Договаривайте, — потребовал следователь. — Вы сказали «хотя», что вы имели в виду?

— Между Джоном и Шоном Кейси до этого... до появления, как вы все здесь называете, «потеряшек», между собой возник конфликт. Даже не конфликт, скорее небольшое недоразумение. И Шон, думая, что я не знаю английский, сказал Джону, что тот ему не начальник.

— Вы знаете английский? — поднял бровь следователь.

— Знаю. Да кто его сейчас не знает? — удивился заслоновец.

— Я не знаю. И не стесняюсь признаться, — притворно возмущаясь, сообщил Наон Семёнович и тут же, улыбнувшись, развёл руками. — Но я старый уже.

— Так, всё, не отвлекаемся! — предотвращая дискуссию, поднял руку Куницын. — Продолжайте, Мальков.

— А больше ничего и не было. Эти убежали...

— Погодите, как это убежали? — удивился следователь. — Вот просто так взяли и убежали? Да их придурков даже спецназ иной раз разогнать не может! В краевом центре вынуждены были водомёты применить!

— Так вы, значит, знаете этих... сорвавшихся? — удивился Мальков. — Они и у вас бесновались?

Куницын, поняв, что сказал лишнее, нахмурился, поперёк лба пролегла морщина.

— Встречались, — после небольшой паузы признался следователь. — Вы назвали их сорвавшимися, откуда у вас этот термин?

— Не знаю, сложилось так... А нет, стоп, вспомнил! Их так мозавцы называли. Точно, впервые при мне так потеряшек Шон назвал.

— Хорошо, дальше. Вы сказали, что Карпендер разогнал толпу. Как это он сделал?

Матвей в задумчивости скривил рот.

— Это и для меня загадка. Он заорал, чтоб те проваливались, пообещал, что порвёт... или что-то такое. А, вот ещё что было. Перед этим его коллеги встали рядом с ним и сдела-

ли вот так: — Мальков развёл руками. Затем чуть присел и, подав плечи вперёд, растопырил пальцы. — Знаете, как дзюдоисты. Или самбисты... Вот всё моазовцы в похожую стойку стали, только ещё и пальцы растопырили. Я у Карпендера это отметил, но теперь мне кажется, что и Шон с Джеймсом тоже так сделали. Хотя не ручаюсь, но сейчас, прокручивая «картинку» в памяти, мне кажется, что так и было. А вот что касается Джона — уверен на всё сто процентов, я реально это сам всё видел. И ещё он орал так, что у меня самого появилось желание бежать.

— А эти, безмозглые, они что? — спросил Наон Семёнович.

— Убежали! — Мальков пожал плечами. — Да так, будто за ними с собаками гнались. В разные стороны, удивляюсь, как они в пропасть не упали. Да, что потеряшки, наши тоже попадали с ног. У меня самого голова слегка поехала! А может, и не слегка.

Следователь и его сопровождающие переглянулись.

— Это как? — короткие, но широкие брови Наона Семёновича полезли на лоб. — От крика? Да он что, Соловей-разбойник?

— Вы просили рассказать, что видел, я рассказываю.

Мальков развёл руками.

— Ладно, — следователь оглянулся на коллег. — У кого какие версии есть?

Все растерянно промолчали. Версий, если они у кого и были, никто не спешил выдвигать, Наон Семёнович для убедительности отрицательно замотал головой.

— А что потом было? — спросил Куницын. — Что произошло после ухода сумасшедших? Ведь было же что-то, что заставило вас думать, что ваших коллег похитили именно они? вспомните всё, что произошло после этого события?

— Потом? — повторил вопрос Матвей, пожимая плечами. — Вроде ничего. Дальше устранили неисправность «Фестиваля», затем легли спать, ну у костра поболтали, как водится. Этих, что оттуда пришли, — Мальков кивнул в сторону небольшого утёса, торчащего на краю плато, — обсудили, да и всё. А утром мы с Шоном поехали в Сочи. Я антенну покупать, он спутниковые телефоны. И да, Карпентер поручил ему позвонить в их главную контору, доложить о сорвавшихся. Что они напали на лагерь. Отсюда не позвонишь, вот Кейси должен был из Сочи связаться с руководством, всё обрисовать.

— Кейси только из-за телефонов поехал? Ты же мог сам их купить, или они тебе не доверяли? — поинтересовался Наон Семёнович.

— Не только. Ему нужно было у своего руководства какие-то коды получить. А вообще думаю, это просто повод.

Хотели на море сгонять. Пляж, ресторан. Приехать в Сочи и не искупаться? Непорядок. Вот и рванули на денёк. Телефоны он нашёл, даже задаток заплатил. Наверняка уже забрал, но новых номеров я не знаю, мы как расстались, с тех пор контакта не было. Мы вообще расстались проблемно, на второй день, а там у нас форс-мажоры пошли.

— Какие ещё форс-мажоры? — насторожился следователь.

— Мне срочно на плато нужно было, а у него машина сломалась. Планировалось, что вчера мы должны были вдвоём вернуться, но у Шона в машине компьютер выдал, что требуется визит в сервис, с двигателем проблемы. Мне пришлось добираться сюда на перекладных. Короче, вернулся, когда уже темно было. А тут такое... Подумал, ребята шутят, засунули мумию в свою одежду, да смотрят, что я буду делать. А когда таких... штук... скелетов стало слишком много, и я понял, что на плато кроме меня никого нет, испугался. Стал искать ребят, уже серьёзно искать, без скидок на розыгрыш. Даже станцию... «Вирус» включил, если бы было что-то живое, он бы обязательно показал.

— Неужели такая точность? — удивился молчаливый эксперт Виталий Валерьевич.

— Там мощная обработка, — пояснил Матвей. — Был бы кто живой, он бы обязательно показал.

Куницын сделал несколько пометок в блокноте, затем, посмотрев на Малькова, задумчиво покивал.

— Хорошо, пусть всё, что вы говорите, немного уляжется в голове. Поразмышлять нужно, как бы вам это ни показалось странным, подумать. Слишком всё необычно, сложно сразу осознать такую информацию. А пока давайте поймём проверенным путём, послушаем, что нам скажет эксперт. Виталий Валерьевич, вы же осматривали... объекты?

Эксперт, озадаченно потер подбородок.

— После рассказа этого молодого человека не знаю, что и говорить, — начал он. — Всё ещё запутаннее, чем я думал.

— Виталя, мы с тобой уже столько вместе работаем, давай без этих твоих закидонов! — поморщился Куницын. — Конкретику выкладывай!

— Серёжа, тут всё так... Тут мистика какая-то! Я даже не знаю, где и когда такое ещё было... понимаешь, эти мумии... эти скелетированные трупы... они не древние! Понимаешь, это фрагментарно свежие мумии!

Куницын с Наоном Семёновичем переглянулись, заметив недоумённый взгляд Матвея, следовательно вспылил.

— Виталий, а как это будет по-русски? Что такое фрагментарно свежая мумия? Ты сам слышишь, что говоришь? Фрагментарно! Свежая! Мумия! Очнись, Виталий, такого не бывает! Бывает труп старый, бывает свежий. А фрагментарно свежих не бывает!

— Тут играю, тут не играю, тут рыбу заворачиваю, — растерянно пробормотал Наон Семёнович.

Не отвечая, эксперт быстрыми шагами подошёл к «Фести-

валю», забрался внутрь, через минуту вышел с грудой останков в охапке.

— Вот смотри! — Виталий Валерьевич сбросил кости на траву, затем поднял череп и сунул под нос Куницыну.

Тот удивлённо посмотрел.

— Ну черепушка и что?

— Сергей Алексеевич, пусть ты не эксперт, но, допустим, с погрешностью в сто лет... Можешь определить возраст этих костей?

Следователь недоверчиво посмотрел на череп, на эксперта, оглянулся на Наона Семёновича, затем обвёл взглядом остальных. Наткнувшись взглядом на Матвея, вздрогнул.

— Ладно, — кивнул он, понимая, что в присутствии Малькова не может ответить иначе. Преодолевая брезгливость, резко взял в руки череп, развернул его к себе. — Судя по состоянию костей...

В этот момент от останков головы отвалился большой лоскут кожи с рыжими волосами и, планируя, упал в траву.

— Твою мать! Уху ел? — вырвалось у следователя. — Забери это от меня!

Куницын сунул череп эксперту.

— Возраст! — потребовал тот, принимая останки.

— Ну, тысяча лет! — отмахнулся Куницын, брезгливо отряхивая ладони.

— Я не судья, но дал бы больше! — сообщил Наон Семёнович. — Всё, молчу!

— А теперь смотрите сюда! — торжествующий эксперт вытащил из груды костей нижнюю челюсть и ткнул в неё пальцем. — Вот этот коренной зуб — свежий!

— Как это свежий? — вслух удивился Наон Семёнович. — Всё старое, а один зуб свежий?

— Виталя, тут... люди погибли, а ты время шутить нашёл? — возмутился Куницын.

— А ты не можешь допустить, что я не шучу? — эксперт посмотрел в глаза следователя. — И я, не шучу. Эта...

Закончить Виталий Валерьевич не успел: из-за края плато раздались резкие хлопки, затем нарастающий рёв, и над головами собравшихся пронеслось стремительное тело вертолёта в красно-чёрной ливрее.

— Вот это встряли! Чертов Скоро-мэр пожаловал, — про-
цедил эксперт. — Кто спалил?

— Что? — не понял следователь.

Виталий Валерьевич, видя, что Куницын не понял его ци-
таты, пояснил:

— Я говорю, откуда мэр Винерска и мэрская пристяжь
узнала об этом?

Палец эксперта ткнул в ближайший труп.

— Вот ты у него и спроси! — посоветовал стоящий рядом
Наон Семёнович. — А заодно получишь свободные уши,
чтобы про свою фрагментарную мумификацию задвинуть!
Очень любопытно будет послушать, что Дениска тебе
ответит.

Красно-чёрный вертолёт долетел до северной оконечно-
сти плато, резко, с небольшим набором высоты, ушёл в ле-
вый вираж. Развернувшись на сто восемьдесят градусов,
снижая скорость, вновь пролетел над лагерем строителей.
Повисев несколько мгновений над южным краем плато, стал
снижаться.

— Принесла нелегкая! — продолжил ворчать Наон Семё-
нович. — Вот только его здесь не хватало!

— Это кто? — перекрикивая шум винтов, спросил Маль-
ков.

— У нас его называют Скоро-мэр. Гуревич Денис Давидович, собственной персоной, — проворчал эксперт, не проговаривая, а скорее выплёвывая слова.

— Пока он ещё не мэр и, надеюсь, таковым не станет, — вмешался в разговор Наон Семёнович. — Наш мэр, настоящий мэр, Игнатъев, был совсем другим, а этого ему в замы из Москвы навязали. Знаешь, Матвей, если бы не... да чего уж таить и так уже всё знают. Исчез наш мэр. Странно как-то исчез. Второй месяц найти не могут. Пока его нет, нам этого ВРИО терпеть приходится. В Винерске его зовут «Скоро-мэр». Он сам себя так называет, когда представляется.

— А вы? Вы из Хосты или из Винерска?

— К сожалению, нас в этот московский анклав передали, вот и приходится терпеть этого выскочку! — Наон Семёнович кивнул в сторону вертолёта.

Мальков удивлённо посмотрел в глаза опера, но, столкнувшись с трудностью определения, в какой из глядящих в разные стороны заглядывать, обернулся к следователю.

Тот сдержанно кивнул, перевёл взгляд на опера. Матвеем показалось, что губы того прошептали ругательство.

— Не делай такие глаза, Серёжа, плевал я на него и его связи. Я свою пенсию давно отработал, как только этого в мэры утверждают, в тот же день рапорт на пенсию напишу. — Наон Семёнович нервно сдёрнул очки, но, посмотрев на коснувшийся травы вертолёт, вновь их надел. Огляделся, оставил взгляд на останках мумии. Тяжело вздохнул. — А мо-

жет, и ждать не буду, напишу, как вернёмся, устал я от всего этого.

Едва колёса вертолётa встали на грунт, как из-за сдвинувшегося люка выпрыгнул вначале один, затем второй телохранители. Нарочито поправляя висевшее под пиджаками костюмов оружие, шкафоподобные бодигарды огляделись. Один из них заглянул в салон, что-то крикнул. В ответ на траву спрыгнул тот, кого Наон Семёнович назвал ВРИО мэра.

Невысокий, коротко стриженный, плотного телосложения, он выделялся большим крючкообразным носом-плавником и близко посаженными колючими тёмными глазами. Такое сочетание глаз и носа с узкими губами большого рта придавало городскому начальнику некое подобие наполеоновского высокомерия, казалось, он смотрит на всё и всех, кто ниже его в социальной лестнице, со смесью лёгкого презрения и нескрываемого раздражения.

Будто задавшись целью соответствовать создавшемуся впечатлению, ВРИО мэра, важно вскинув голову и не глядя на спутников, зашагал вперёд, охрана последовала за ним.

Последней из салона, блеснув золотом очков, показалась высокая, спортивного телосложения, черноволосая женщина средних лет. В синем платье до колен и со сложной причёской, делавшей её ещё выше, она пыталась уберечь своё «сооружение» от ветра, прикрываясь папкой, зажатой в обеих руках. Но от ветра, поднимаемого лопастями вертолётa,

это защищало мало, и она, обгоняя коротышку мэра, быстро зашагала к опергруппе.

Будущий мэр, между тем, выйдя из-под вихря, остановился, недовольно оглядел убогий недостроенный лагерь. Бросил взгляд на стоявшие на отдалении «Вирус» и «Фестиваль», задержал взор на строительной автотехнике, что выстроилась на северной стоянке. Последним его внимание привлек грубо сколоченный нужник.

Брезгливо скривившись, он повернулся к группе Куницына.

— Безобразие! Да, у меня свинарник лучше, — бросил он. — Кто хозяин этого бардака?

Матвей не понял, кто должен откликнуться. Уж кто-кто, а он — последний кандидат в ответчики.

— Я спрашиваю, кто здесь старший! — прорычал Гуревич.

— Старший чего? — уточнил эксперт. — Тут много старших, старший следователь, старший эксперт, старший...

— Заткнись! — рявкнул ВРИО мэра. — Тебя, умника, никто не спрашивает! Так, раз здесь с мозгами проблема, делаем по-другому. Старший следователь это кто?

Куницын выступил вперёд.

— Я.

— Головка от... патефона! Кто «я»? Представься! — потребовал Гуревич, взмахнув небольшой рукой. — И побыстрее, а то к вечеру старшим уже не будешь!

Куницын выполнил требование, затем назвал своих сотрудников. Не дожидаясь очередных понуканий, быстро доложил причину расследования, в основном повторяя слова Малькова.

Матвей, стараясь особо не лезть вперёд, украдкой рассматривал ВРИО мэра. Заслоновец всё никак не мог понять, что именно в городском главе его смущает. Вроде обычный человек, а нет, что-то здесь не сходится. Присмотрелся и вдруг сообразил: Гуревич — карлик! Ну да, точно маленький человек — невысокий рост, непропорционально большая голова, детские небольшие ручки и ножки.

Задумавшись, Мальков не заметил, что Куницын закончил доклад и теперь все взгляды сосредоточились на нём, Матвее.

— Я тебя спрашиваю, почему здесь ведутся работы, а я ничего не знаю? — палец ВРИО мэра ткнул в грудь Малькова. — Мне звонят из Москвы, говорят, что на моей территории нападают на объект международного значения, а я вообще ни зуб ногой! Это что за б... гадство такое? Это как прикажете понимать?

Гуревич, сделав паузу, развёл руками, картинно огляделся.

— Мало того, что на моей территории какой-то свинарник развели, так теперь выясняется, здесь до смертоубийства дошло! Вы чем здесь занимались? Чего молчишь, я тебя спрашиваю? Или пока тебя не пнёшь, мозги не включаются? Так,

скажи, моим орлам это не трудно сделать.

Брови Малькова взлетели вверх, сюр, творившийся с момента его прилёта в Сочи, продолжался. А ВРИО мэра и не думал останавливаться.

— Слышь, следак, может, вырыть котлован этими экскаваторами, сбросить туда всё и закопать? Всё, мумии туда, палатки и... И этого, — палец Дениса Давидовича вновь указал на Матвея, — туда же! Экскаваторы потом заберём себе, там только бумажки нужно будет переделать! И всё, все довольны, все смеются. Тебе ничего расследовать не надо, в говне всяком копать не придётся и городу техника новая. Как думаешь, реально такое сделать?

— Нет. — Куницын вскинул голову. — Не советую даже думать о таком.

— Вот потому и не быть тебе прокурором! Вечный следак! Не советует он, — криво усмехнулся Гуревич. — И без тебя знаю, что нельзя, американцы уже всё под контроль взяли, они в Москву с утра звонили, шум-гам подняли. А так бы...

Денис Давидович мечтательно посмотрел на стоявшую поодаль технику.

— Слышь, москвич, а ты чем здесь занимался? — Гуревич повернулся к Матвею. — Вы чего здесь ищите?

— Я ничего здесь не ищу. Прилетел два дня назад ремонтировать вот этот радиолокатор. — Мальков показал на «Вирус». — Всё сделал, теперь должен вернуться в Москву.

— Так что получается, среди вас гавнюков, никто не знает, чем тут занимались? Это что за бордель? У меня за спиной, здесь на сраном плато какие-то клоуны какие-то опыты проводят, люди вот мрут, а мне никто ничего не скажет? — носок туфли ВРИО мэра катнул рыжеволосую голову, что принёс эксперт. Череп отделился от остатков кожи и покатился дальше

— Это сотрудник МОАЗ! — вылетело из Матвея то, что он и не собирался говорить. Он никак в душе не мог примириться с мыслью, что возможно такое вот мгновенное превращение живых, полных сил людей в высохшие мумии. — Я с ним позавчера говорил. Его звали Джеймс Бертон. Американец.

Услышав национальность владельца черепа, Гуревич, настороженно сощурился, посмотрел на Малькова.

— Джеймс, говоришь? — вздохнул он. — Да, надо похоронить людей, нехорошо, что они вот так валяются.

— Их в морг везти надо, — напомнил следователь, — экспертизу делать...

— Экспертизу? Ты серьёзно или прикалываешься? И что ты, умник, в этой вобле сушёной найти собираешься? Остолопы! Сталина на вас нет! Развелось тут глупцов, сил нет! Как же хочется перестрелять хотя бы половину! Сюда смотри! — большая голова Дениса Давидовича качнулась в сторону останков Бертона. — Эту хрень ты собираешься исследовать? Эта хрень... это даже не тарань, она даже к пиву не

пойдёт! Посмотри... или понюхай, если у тебя глаз нет — там же внутри всё высохло и высыпалось, а он экспертизу делать надумал! Экспертизу чего? Трухи? Костей? Для чего, чтобы узнать, отчего он умер? Ты своей башкой соображаешь? Этому черепу лет... тысяч десять, наверное, на кой ему твоя экспертиза? Собрались умники на мою голову, теперь вижу ваш уровень! Теперь понятно, отчего в городе такая преступность, почему горожанам жизни нет, вы же придурки конченные! Вроде тех, что толпами по улицам бродят, нормальных граждан пугают!

ВРИО мэра повертел головой, найдя Куницына, приказал: — Ты вот, ты лучше мне вот этого умника, — указательный палец коротышки показал на Малькова, — арестуй! Дураков из нас делает! Нашёл какие-то скелеты и нам за американцев выдает! Ну-ка быстро говори, куда их дел? И ты, следак, не стой, живо ищи, ты мне американцев найди, да желательно живых! Мне в Москву докладывать надо!

Не обращая внимания на выпрямившегося в негодовании Куницына, коротышка, заложив руки за спину, прошёлся между палатками и столом. Звероподобные телохранители следовали за ним, как привязанные.

— Так, а вот эта бандура здесь зачем? — Гуревич, продолжая осматривать свои владения, оказавшиеся под контролем иностранцев, показал пальцем на «Фестиваль».

Матвей снова промолчал. Этот псих чей мэр? Винерска? Вот винерскцам и отвечать, пусть сами со своим Наполеончиком кувыркаются.

Однако полицейские решили иначе — дружно развернувшись к Малькову, они посмотрели на него. Но москвича взглядами не прошьёшь — Матвей продолжал молчать, будто всё это не его касается.

— Это георадар, — не выдержал и пояснил подошедший Кормильцев.

— О, смотри, постовой самым умным из всех оказался! — засмеялся Денис Давидович, но в его смехе не слышалось веселья.

Сделав несколько шагов вдоль борта КАМАЗа, обернулся и посмотрел на Малькова.

— Георадар говоришь? — глаза ВРИО мэра с прищуром впились в единственного чужака. — А не гонишь? Георадары я и раньше видел, и не раз, да только те в разы меньше. Да что в разы, их в руках носить можно. И носят. Особенно придурки, что клады ищут. А здесь махина такая! Ну, чего молчишь, москвич?

Теперь, когда вопрос напрямую адресовался ему, Матвей уже не мог отмолчаться.

— Хотите, запросите в МОАЗ. — Мальков пожал плечами. — Телефон европейской штаб-квартиры МОАЗ дать?

Матвей блефовал — никакого телефона он не имел, да и о существовании штаб-квартиры МОАЗ он узнал лишь недавно.

— Сам туда и звони! — огрызнулся ВРИО мэра. — Это вы здесь такое устроили, вам и звонить... в Брюссель!

Он произнёс название столицы Бельгии именно так, демонстративно делая ударение на букву «у».

— Ладно, всё ясно! — ВРИО мэра презрительно скривился. — Куницын, наручники на этого специалиста! Из камеры пусть звонит! Пусть в Брюсселе ему адвоката ищут. Там много таких бездельников бродит.

— Мальков не упомянул об ещё одном важном событии. Накануне происшествия на лагерь напали, — вдруг вступил в разговор Кормильцев. — С его слов, накануне на лагерь было совершено нападение. Его удалось отбить, но теперь Мальков считает, что американцев похитили те, кто участвовал в этом нападении.

— Нападение? — кривая улыбка тронула губы градоначальника. — И где они сейчас? Кто их видел, кроме этого умника?

— Пока не успели, но обязательно всё проверим...

— Да нечего проверять, врёт он всё! — Гуревич быстро

повернулся к Малькову. — Ведь, так, врешь? Про нападавших.

— Не имею такой привычки. — Матвею страшно не хотелось отвечать этому хаму, но он понимал, — если он не найдёт контакт с этим самодуром, его пребывание в опротивевшем ему Краснодарском крае может очень неприлично затянуться. — Было нападение. Вон с той стороны пришло около сотни потеряшек. Они орали что-то несвязное, предъявляли претензии...

— Да что за чушь ты несёшь! Все знают, потеряшки возле кормушек трутся, они всё время жрать хотят. А здесь им что жрать? Тебя? Американцев? Умнее ничего не придумал?

— Я не знаю, что привело сюда сорвавшихся, но они действительно были здесь и могли быть причастны к исчезновению американцев. И местных тоже, их тут пятеро было.

ВРИО мэра, уже мысленно отправивший Малькова в камеру, насторожился. Его взгляд, колючий и пристальный, впился в заслоновца.

— Сорвавшиеся? Здесь так потеряшек никто не называет. Ты что, из наших? — Гуревич произнёс это слово медленно, как бы пробуя его на вкус. Затем сделал какое-то странное движение челюстью. — Нет... не похож. Откуда ты знаешь это слово?

— От американцев, — удивлённо ответил Мальков. Он не успевал следить за бесконечной сменой настроения корытшки. — Так их американцы называли.

— Американцы? — задумчиво повторил Гуревич. И впервые за всё время не закричал.

— Шон и Джон точно, а Джеймс больше молчал, он плохо знал русский и почти не общался с нами, — ответил Матвей. — Они же и прогнали потеряшек. — Мальков изобразил стойку, подсмотренную у моазовцев. — Встали вот так и закричали громко. И высоко, можно сказать, пронзительно.

— Так, все ищем американцев! — громко приказал Гуревич. — Куницын, звони своим, пусть они тоже подключаются к поискам! И в Сочи звони, тех тоже поднимай!

— Связи нет, — напомнил следователь. — И Сочи нам не подчиняется. Ими я командовать не могу.

— Да что вы здесь все можете? — взвился ВРИО мэра, и в его голосе тоже стали проявляться визгливые нотки. — Делай, что хочешь, но американцев найди! Иначе... Короче, мне нужны американцы! Я должен знать, что они здесь искали!

— И вправду, очень интересно, чем они здесь занимались, — вдруг вступила в разговор женщина в синем. — Есть же какое-то объяснение, зачем тут такая мощная техника?

Малькову смертельно надоело повторять одно и то же. Но не ответить женщине было бы невежливо.

— Сотрудники МОАЗ должны были убедиться в том, что под объектом не будет проседания почвы, а для этого нужно было изучить её структуру на большой глубине. Посмотреть, что там внизу.

— На большую? — быстро отреагировал Гуревич. — А на какую глубину может смотреть этот радар? На десять может?

— Вообще-то предельной глубины я не знаю, — признался Матвей. — Я сужу по тому, что мне показали. «Фестиваль» ведёт постоянную запись всех производимых работ, и у них здесь скопилась целая видеобиблиотека. Так вот на тех видео, что показывал Шон, была разная глубина. Кейси говорил, что им удавалось на двести метров заглянуть. Но можно и сразу вот тут под дёрном посмотреть. Всё зависит от настроек.

ВРИО мэра ещё раз, и в этот раз куда внимательней, посмотрел на КУНГ КАМАЗа.

— А нам посмотреть те видео, что вы говорили, можно? — продолжила допрос спутница Гуревича. — Вы нас заинтриговали.

Малькову безумно, до скрипа в зубах, хотелось сказать «нет». И, задай вопрос Денис Давидович, он бы так и ответил. Но женщине отказать не мог. Тем более спрашивала она вежливо.

— Вообще-то это собственность МОАЗ, — напомнил Матвей, пытаясь увильнуть от того, чтобы помогать в чём-либо этому огрызку мэра, но в последний момент в голове мелькнула мысль, а вдруг этим он поможет следствию? — Но как включить, знаю. Только разрешение бы запросить. У МОАЗ или...

— Под мою ответственность! — отрезал ВРИО мэра. —

Включай и показывай, что они на моей земле выискивают!

Глава 10.

Мальков огляделся — приказ коротышки услышали все. Легко взбежал по лестнице в георадар. Не успел опуститься в кресло оператора, как в аппаратную влетел Гуревич, занял второе рабочее место.

Следом в салон «Фестиваля» ввалилась вся свита ВРИО мэра, заполнив всё пространство за креслами. Последним вошёл Куницын. Тихо и незаметно ввинтившись между массивными бодигардами, следователь пристроился между кресел. Чуть позади него показалась женская голова с изрядно растрепанной причёской.

По памяти воспроизводя действия Шона, Мальков нажал кнопку дистанционного запуска дизель-генератора. Дождался, когда загорелись индикаторы готовности, ввёл команду перевода «Фестиваля» в режим «Готовность».

— Дверь закройте, — попросил он, не оборачиваясь. — Кондиционер запущу.

— Дверь закрой! — раздражённо продублировал ВРИО мэра.

Дверь захлопнули с такой силой, что у всех заложило уши.

— Димон, ты тише можешь? — возмутился Гуревич. — Попроси дурака...

Матвей, ткнув пальцем меню сенсорного дисплея, вывел на экран демонстрационный ролик, что показывал ему Шон.

Тот самый, что ему понравился — с кроликом.

— Вот видите, это кролик. В норке...

— Глубина какая? — не дал ему договорить Денис Давидович.

Мальков считал с дисплея.

— Это сразу подпочвенный слой. Это неглубоко, — ответил Мальков и, показывая на размытое пятно, пояснил. — Так вот этот кролик...

— К плевать на твоих кроликов! Дело показывай! Вы все как в интернете — везде свою рекламу впариваете! — возмутился ВРИО мэра. — Давай, проматывай свой спам, ты нам то, что я сказал, показывай!

— Какая ещё реклама? — возмутился Матвей. — Это реальная запись! Радар, когда работает, автоматически ведёт документирование, затем искин — бортовой искусственный интеллект, всё обрабатывает...

— А что такое документирование? — спросила пристроившаяся слева спутница ВРИО мэра.

— Лариса, не мешай, — оборвал её Гуревич. — Сама сообразить не можешь?

— Документирование, — принципиально игнорируя коротышку, Матвей повернулся к Ларисе, — это запись всего потока данных. Со всеми метками времени.

— Так может, там есть запись вчерашних действий? — подал голос Куницын. — Мне кажется, это может пролить свет на то, что здесь произошло.

— Действительно, — поддержал следователя ВРИО мэра.
— Они же вчера чем-то занимались? Давай посмотри, что они делали!

Мальков, удивившись, что эта простая мысль пришла не ему, а следователю, вывел на дисплей меню, просмотрел каталог записей.

А ведь точно, работали они вчера. И вчера, и позавчера, но позавчера совсем немного. Позавчерашний файл был очень мал... А так, это же демонстрация Шона. Отсюда и отметка в комментариях: «работа без излучения». Значит, позавчерашний файл можно не смотреть — там ничего нет.

— Последнюю запись выводите, — нетерпеливо попросил следователь, вглядываясь в датировку событий.

Матвей в очередной раз подивился, как быстро тот ориентируется в незнакомой аппаратуре.

— Это что? — коротышка-градоначальник непонимающе уставился на дисплей, затем повернулся к следователю. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Одну минутку, Денис Давидович. Мальков, а можно сделать всё это попонятнее? Точнее, понятнее для всех. — Куницын наклонился к заслоновцу, заглянул ему в лицо и тихо проговорил: — Мне кажется, это и в ваших интересах. Вы же меня понимаете?

— Да, спасибо, — заслоновец благодарно кивнул. — Я и так делаю всё, что могу. Станция не моя, я впервые её вклю-

чаю. Но постараюсь.

Матвей вывел меня, пробежался по опциям.

— Дайте время искину «Заслона» обработать данные. Моазовцы вчера этого не делали. — Матвей парой касаний адаптировал интерфейс. — Сейчас подгружу вчерашнюю базу. Вот... Смотрите.

Мальков несколькими движениями добился, чтобы вдоль правого края изображения появилась вертикальная шкала и таблица, по которой можно было определить основные параметры просматриваемых слоёв.

— Если честно, всё равно ничего не смыслю в этой каше. Да и, разумеется, здесь специалист нужен, — посетовал Куницын.

— Погодите, вы всё время спешите! Я же просил, дайте возможность «Фестивалю» поработать. Сейчас адаптируется искин, после этого начнёт функционировать режим имитации. — Мальков продолжал изучать выпадающие окна меню. — Я ещё к нему вчерашнюю базу подгружу. Те образы, что он распознал, но без разрешения оператора не внёс в библиотеку. Сейчас... сейчас... Ага, вот она. Нашёл. Смотрите, теперь как?

Изображение на дисплее исчезло, осталась только масштабная сетка.

— Это что ты сделал? — возмущённо спросил Гуревич. — Зачем вообще всё выключил?

— — Не выключил. Сейчас идёт очистка экрана от преж-

него изображения. Это сделано, чтобы прежняя сырая информация не маскировала и не искажала интерпретированную. — Мальков, видя, что ещё больше запутал неподготовленные мозги ВРИО мэра и полицейских, добавил: — Сейчас компьютер «переводит» сырые данные в картинку. Прежнее изображение мешает, поэтому экран очистили. Именно таким методом было получено изображение кролика из предыдущего фрагмента. Но в памяти компьютера есть и другие...

— На кой мне твои кролики, задолбал ты уже ими! — возмутился Денис Давидович, но вдруг осёкся и уставился на дисплей. — А это ещё что?

Матвей посмотрел на дисплей и обомлел. Экран заполнил рой мелких, фрактальных фигур. Несколько секунд искусственный интеллект демонстрировал им замысловатый танец геометрии. Треугольники, квадраты, трапеции объединялись в переливающиеся радугой многоугольники. Изображение пульсировало, маленькие объекты сливались, стремительно превращаясь в крупные, а те — в ещё более большие. Захватывая всё пространство экрана, фракталы трансформировались в причудливо окрашенные, но узнаваемые формы. И вдруг всё мигнуло. Движение прекратилось. На ошеломлённых зрителей смотрело большое серое пятно с неровными границами и едва заметным пятном в центре.

— И это всё, на что способен твой искусственный интеллект? — голос Гуревича завибрировал и перешёл на тон вы-

ше. — Хрень это, а не обработка!

Мальков не ответил. Он и сам мало что понимал, но машине нужно было время. Или же просто изменить режим отображения?

Видимо, накануне такие же мысли пришли в голову и моазовцам. Не успел Матвей протянуть руку к дисплею, как на записи вчерашний оператор изменил режим работы «Фестиваля». Дисплей запылило мелкой густой сеткой, сквозь которую просматривалось нечто большое и тёмное, но разглядеть детали не удавалось.

— Убери это! — потребовал ВРИО мэра. — Мешает рассмотреть!

— Всё, что можно, я сделал. Мы смотрим запись. Все изменения вносили моазовцы. Вчера. Сейчас мы только зрители. Понимаете? Это кино. Документальное. Мы можем только наблюдать то, что вчера видели они. Наберитесь терпения и смотрите, моазовцы лучше знают свою аппаратуру и наверняка что-то предпримут, им информация ещё нужнее, чем нам.

И действительно, изображение в очередной раз дёрнулось, видимо, Бертон тоже решил подробнее рассмотреть полученный видеопоток. Несколько секунд ушло на новую адаптацию бортового искина, и на дисплее появилось обработанное компьютером изображение. Мальков увидел, как на тёмно-сером фоне стало проступать что-то ещё более тёмное. Прошло ещё несколько томительных мгновений. Тем-

нота в центре начала разбавляться желтизной, миновало ещё две-три секунды работы искусственного интеллекта, после чего на изображении появилось вытянутое, грязно-жёлтое образование с размытыми границами. Затем это пятно стало увеличиваться, превращаться в овальную кляксу неправильной формы с двумя отростками на противоположных концах.

— Что за... хрень? — ВРИО мэра засопел прямо над ухом Матвея.

Мальков, замороженно наблюдавший метаморфозы, происходящие на экране, не ответил.

Отростки, справа и слева от основной «кляксы», между тем, сформировались в почти прямые линии, уходящие за границы дисплея. В середине пятна, ближе к его южной части, тоже наметились изменения, там стал проявляться ещё один объект с неясными очертаниями. Нейросеть, не имея указания оператора, почему-то присвоила этому новому объекту фиолетовый цвет, теперь, помимо него, на дисплее стал чётко виден песочно-жёлтый неправильной формы овал с диагональными прямыми отростками слева вверху и справа внизу.

— Это что? — голос Дениса Давидовича прозвучал негромко.

Гуревичу никто не ответил, и нетерпеливый коротышка подался вперёд.

— Вот это, это что? — требовательно повторил вопрос

ВРИО мэра. Перед носом Матвея мелькнул тянувшийся к дисплею маленький палец Гуревича. — Мне кто-нибудь может сказать, вот это, я спрашиваю, что?

Дать бы тебе... чтоб ручонки не тянул!

Матвей едва зубами не закрипел. Но если хочешь уехать отсюда, нужно терпеть.

Заслоновец остановил воспроизведение, увеличил изображение, навёл курсор на изучаемую область экрана. Справа от отметки курсора появился баннер с пояснением — «In this volume there is a delay in response, there is probably a cavity».

— О, как! — вырвалось у женщины, прочитавшей эту же надпись. — Денис Давидович, вы видите?

— Что вижу? — возмутился ВРИО мэра. — Тут на английском, вы на человеческий язык включите!

Мальков молча вывел сервисное меню, сменил язык интерфейса на русский.

«В этом объёме наблюдается задержка реакции, вероятно, имеется полость», — гласило сообщение.

— Вот это другое дело! — оживился Куницын. — Ведь можете, когда хотите!

Денис Давидович непонятливо огляделся, заглянул в непроницаемое лицо Малькова, поочерёдно посмотрел на следователя и Ларису, оглянулся на телохранителей. Поняв, что помощи не дожидаться, вновь повернулся к изображению. Несколько секунд изучал экран.

— В данном объёме наблюдается задержка реакции, —

начал читать он и снова спросил: — Что это значит?

— Перевод хромает, — сказал Мальков. — Имеется в виду задержка отклика. Сигнал сменил среду. — Понимаете, «Фестиваль» — экспериментальный комплекс. У него два канала: радиолокационный и акустический. Работает как сонар, только вместо звука — радиоволны и ультразвук одновременно. Поэтому он видит там, где обычный радар слепнет.

— Ты мне зачем этим голову морочишь? — Денис Давидович выкатил и без того огромные глаза. — Ты толком сказать можешь, что у вас там?

— Я считаю, там полость. Пустота. Обычный радар бы её не увидел, но этот — многопозиционный, он может такое.

— Пустота, говорите? — задумчиво произнёсследователь. — Это пещера, что ли?

— Вроде бы так, — согласился Матвей. — И, похоже, достаточно большая.

— Сколько? — отреагировал Денис Давидович. — Высота какая? Сколько до неё? А эти полоски, что, ходы?

Не отвечая на град вопросов, Мальков привычно — у него в «Вирусе» тоже был такой инструмент — в несколько касаний вывел на второй дисплей окно с таблицей измерений.

Матвей, приняв предложение программы расставить метки-маркеры, ткнул пальцем в самый центр, чуть левее фиолетового пятна — его он решил изучить позже. Затем несколько раз коснулся дисплея в точках между централь-

ной отметкой и краями «кляксы». Подумав, поставил ещё пометке в правом и левом продолжениях «пятна».

— Смотрите. — Матвей кивнул на правый дисплей. — Это действительно пещера. Видите, я расставил разноцветные точки? Это маркеры. Каждый из них имеет свой цвет и обозначает место, где мы хотим провести измерение. Вот эту метку я поместил в центр, эти три разметил на условном среднем диаметре, вот эти — в отростках пятна, которые все приняли за входы в пещеру. Теперь я даю компьютеру команду вывести разницу между максимальным и минимальным показанием в каждой точке. Что эквивалентно высоте пустот в предполагаемой пещере. Обратите внимание, у каждого маркера появилась табличка с двумя числами в соответствующей цветовой гамме. Числа отображают результаты вычислений верхней и нижней границы. Разница этих чисел и есть высота полости в данной точке.

В наступившей тишине Мальков ещё несколько раз коснулся дисплея, затем торжествующе констатировал:

— Пещера почти круглая, слегка вытянута с юго-востока на северо-запад.

— Это мы и без тебя видим! — буркнул Гуревич.

— Максимальная длина полости семьдесят два метра, ширина шестьдесят восемь, — продолжил Матвей, стараясь не поддаваться на провокации будущего мэра. — Высота в центре... Ну ничего себе! Шестьдесят метров!

Денис Давидович обернулся и подозрительно посмотрел на Малькова.

— Да сами посмотрите, цифры на дисплее, я только считываю! — заслоновец ткнул указательным пальцем в сторону таблички. — Это всё ориентировочно, естественно. В точках на условном среднем диаметре... высота колеблется, минимально она ближе к входам, там она от пяти до пятнадцати метров. В отростках она падает до шести. Скорее всего, это действительно коридоры. Ширина отводов... три метра. Какие-то узенькие для таких размеров всего остального!

— Ни хрена себе! — вырвалось у Дениса Давидовича. — Лариса, это же там, что, у нас там? Подземелье?

— Получается, что так. — Лариса обвела глазами аппаратную «Фестиваля». — Если эта штука не врёт.

— А там у нас что? Ну вверху... То есть в той стороне. — Палец мэра показал на северо-западный отросток. — Воронцовские пещеры? Ход туда к ним ведёт?

— Нет, Воронцовские пещеры сюда, ещё западней. — Куницын махнул левой рукой себе за спину. — Здесь, на локаторе, пещеры северней проходят.

— Они что, по линейке проложены? — скривился Гуревич. — Северней! Знаток нашёлся. Или ты хочешь сказать, у нас в горах десятки пещер? Если там есть подземелье и здесь оно есть, наверняка они сходятся! Где-то там... — Детская рука ВРИО мэра совершила неопределённое движение влево и вперёд.

— А Ахун у нас где? — спросила Лариса. — Если определим, где Ахун, станет проще!

— Ахун там! — подал голос один из охранников. Для убедительности он, открыв дверь, поискал вершину. — Ну да, где я и говорил, вон он там!

— Тогда Орлиная скала севернее, а за ней и пещеры, — вычислила Лариса.

— Орлиная скала, это где Прометей был прикован? — вспомнил Мальков.

— Враньё, никто там не был прикован, это чтобы туристов приманить придумали! — пробурчал второй телохранитель.

— Так, заткнулись все! Мне пофиг ваши скалы и Прометей, развелось тут знатоков! «Что? Где? Когда?» устроили! Меня интересует, что там, в пещере! Давай, парень, показывай, что там дальше! — ВРИО мэра наклонился к Матвею и ткнул пальцем влево от дисплея, в то место, где подземный коридор уходил за пределы изображения.

Мальков увеличил масштаб, «клякса» и отростки от неё стали меньше, но зато стало видно, что они почти прямолинейно продолжают уходить за пределы видимой области.

— Ещё! — потребовал Денис Давидович. — Ещё!

Ему не хватило слов, и он, показывая, что хочет ещё подвинуть изображение, несколько раз махнул обеими руками слева направо.

— Не получится, — разочаровал его Матвей. — Это предел.

— Как предел, какой предел? Я тебе говорю, вон туда, туда посмотри! — возмутился ВРИО мэра, тыча рукой влево. — Я хочу увидеть, куда они выходят! Я же... Там же вход, должен быть!

— Мы смотрим видео и пользуемся теми данными, что получены вчерашними исследованиями. Ещё раз повторяю, мы кино смотрим. Его до нас сняли. Моазовцы. Другого у нас нет, — терпеливо пояснил Мальков. — Что они посмотрели, то и мы видим. А куда они не смотрели, то мы никак не увидим.

— Но как же... Ну почему, — переполненный возмущением, маленький ВРИО мэра капризно притопнул ножкой. — Это же идиотизм! Они должны были показать! Посмотреть! А сюда, в эту сторону куда он идёт?

Матвей сдвинул изображение. Как он и ожидал, с тем же результатом светлая лента уперлась в правый край картинки.

— Всё, дальше они не смотрели, — констатировал Мальков очевидное.

— Нет, ну что за идиоты, они чем здесь занимались! — Гуревич затряс маленькими кулачками. — Безобразие, гнать их отсюда надо!

— А вот это что такое, можно хотя бы вот здесь посмотреть? — Куницын, не дотрагиваясь до дисплея, показал пальцем на фиолетовую блямбу, которую бортовой искин постепенно преобразовывал в вытянутый прямоугольник.

— Сам хотел бы знать. — Признался Мальков. — Мы как

уперлись в эту пещеру, так всё только одни его края ищем.

— Да-да, посмотри, что там в этом... Ну в этом, в синем!
— согласился Денис Давидович.

Мальков дал компьютеру команду продолжить воспроизведение. Теперь, после того как его глаза адаптировались к создаваемым машинным интеллектом образам, воспринимать видео стало легче.

Судя по тому, насколько картинка вначале сместилась вправо, а затем вернулась к синему квадрату, американцев он тоже заинтересовал. Курсор переместился на второй дисплей, после чего активировалось окно, где отображались режимы работы радара. Отметка на шкале мощности излучателя поползла вверх и замерла на отметке в 75 процентов.

Мальков усмехнулся, видать, пещера обеспокоила и мазовцев, раз они так усилитель передатчика разогнали! Впрочем, вот это как раз понятно — обнаружение каверны для них наверняка стало достаточно неприятным сюрпризом. Если расчеты покажут, что масса «Нибелунга» превысит расчётную прочность свода пещеры, МОАЗу придётся искать другое место под свою установку.

— Смотрите! Смотрите, Денис Давидович, там что-то есть! — воскликнула Лариса. — Вон там, в серединочке!

Мальков присмотрелся. Вроде действительно, насыщенность фиолетового пятна, стараниями искина, принявшего форму правильного прямоугольника, стала меняться. Теперь интенсивный фиолетовый был только по периметру пятна, в

центре цвет стал значительно бледнее.

Заслоновец подвёл курсор к фиолетовому прямоугольнику.

Вновь появился знакомый баннер, сообщающий о вероятной полости.

— Полость? Ещё одна? — быстро считал показания Куницын.

— Не может быть! Полость в полости? — впервые за долгое время подал голос второй телохранитель.

— Да это же... дольмен! — вслух высказал догадку следователь. — Ну точно, дольмен! Померять размеры можно?

Вопрос адресовался Малькову. Он согласно кивнул, остановил видео и провёл новые измерения.

— Длина — больше восьми метров, ширина — около четырёх. ... Уточняю: длина восемь метров десять сантиметров, ширина — три девяносто. Точнее сказать не могу, это предел.

— Не, тогда это не дольмен! — подал голос охранник. — Дольмены такими большими не бывают!

— Много ты знаешь про дольмены, умник! — тут же отозвался Гуревич. — Для тебя и собачья будка дольмен! Молчи уже, пока не выгнал отсюда!

— А какая высота этой штуки? — поинтересовался Куницын.

— Да-да, какая высота? — быстро подхватил кандидат в мэры и потыкал пальцем в изображение. — Вот этой штуки,

у этой, какая высота? И что там внутри?

— Что внутри, я точно не знаю, а высоту сейчас посмотрим! — Мальков переместил метку на угол прямоугольника.

— В этом месте у меня показывает... почти семь метров.

— Получается, там целый дом внутри? — удивилась Лариса.

Общее молчание показало, что она не одна в своём мнении.

Матвей молча переместил остальные метки. Две он поставил по стенам, две в центр, последнюю, тоже на угол, но по диагонали от первой.

— Да, похоже, вы правы. — Похоже на дом. Высота и толщина стен везде одинаковая — явно искусственное происхождение. А что внутри — загадка.

— Это почему именно это ты и не знаешь? — покосившись на Малькова, процедил Денис Давидович, подчёркивая второе слово «это».

— Да кто его знает, не даёт радар посмотреть, что внутри. Видимо, потолочное перекрытие слишком толстое и пробиться туда, чтобы измерить, не получается. Не знаю, почему, но я даже маркер там поставить не могу! Вот пробую, а он никак не ставится.

— Не ставится? — повторил Гуревич, не понимая, о чём говорит этот подозрительный парень.

— Я же говорю, силы сигнала не хватает. Воздух... точнее изменение среды распространения, его гасит. — Бурк-

нул Матвей, пальцем тыкая на иконку на продолжение воспроизведения. — Давайте дальше смотреть, выводы потом будем делать.

Возражений не последовало, все дружно уставились на мониторы. Прошла минута, вторая. Но картинка не менялась. Мальков покосился на участок дисплея, где отображалось время воспроизведения. Цифры отсчёта секунд исправно сменяли друг друга, значит, всё шло штатно.

— Эй, парень, ты чего сидишь? — Денис Давидович недовольно взмахнул рукой. — Включай свою шарманку!

— Всё включено. Ждём, пока нейросеть всё посчитает.

— Включено? — будущий мэр махнул рукой с вытянутым пальцем в сторону дисплея. — Отчего там всё стоит и не двигается?

— Это же подземелье, там всё статично! — огрызнулся Матвей и перевёл компьютер в режим ускоренного воспроизведения. — Это же не цирк, чтобы там... клоуны бегали.

Последние слова Мальков договаривал уже по инерции. Всё его внимание поглотило новое, тревожное явление. Кажется, он привезёт в «Заслон» коллегам-программистам неприятную новость — бортовой искин «Фестиваля» начал откровенно сбоить!

От центра изображения, чуть правее того места странного строения, что кто-то из охранников назвал дольменом, словно бы ниоткуда, можно сказать, из воздуха, появилась тоненькая белесая саблеобразная ниточка. Вначале была одна,

затем появилась другая, сейчас их уже четыре, нет, восемь!
Уже шестнадцать!

Твою мать, уже не сосчитать! К тому же они стали отрываться от центра и, отлетая по дуге, освобождать место новым ниточкам. Как и предшественницы, они, кружась вокруг общего центра, постоянно увеличивались и увеличивались, до той поры, пока не отрывались от точки генерации, чтобы продолжить самостоятельное движение по спиральной траектории. А на их место от центра вращения стали выползать следующие «ниточки».

Где-то я такое видел. Общая ось вращения, спиральная нить от нулевой отметки... Точно! Шустов и Вакин! Это в их старом учебнике «Основы радиопротиводействия» он видел иллюстрацию именно с такими помехами! Несинхронная помеха, вот, что он сейчас видит!

Но стоп, такое возможно только если имеется станция помех. Станция помех, мать её! Где? Под землей? Ты хоть сам себе веришь? Откуда здесь возьмется подземный постановщик помех? Или там резонатор, чья частота совпала с частотой «Фестиваля»? Да быть такого не может!

Так, а может всё наоборот? Может именно в этом и кроется причина появления такого количества помех? Несколько сенсоров, они принимают одну и ту же помеху, вот она и множится! А что вполне возможно, не зря говорят, что не всегда новое значит лучшее. А что если дольмен — это и есть резонатор?

— Что за хрень ты тут включил? — очередная грубость Гуревича отвлекла Малькова от размышлений. — Долго ты играть будешь? Крути запись дальше!

— Да пошёл ты! — вспыхнул Мальков. — Дай подумать! Мне нужно разобраться, откуда это лезет! Может, это...

Матвей не договорил, его заинтересовало происходящее на дисплее. Белёсые «ниточки» стали толще, ему даже показалось, что они приобрели объём! По крайней мере, плотность в середине каждой «нитки» возросла. Нитки? Да это уже канат настоящий! И скорость на периферии возросла!

Сформулировать сравнение Мальков не успел. Его внимание привлекло стремительное преобразование плоскости вращения помех в нечто похожее на гигантскую воронку с центром чуть правее дольмена. Похоже, что именно в этом месте и формировалась эта аномалия! Но как?

— Ты слышишь, что я говорю! — заорал Денис Давидович. — Убери это! Я не могу рассмотреть, что там внутри!

Да что же ты такое? Вот где столкнулась проблема реальной и виртуальной техники — не поймёшь, это реальная помеха, приходящая по приёмным каналам, или артефакт алгоритмов нейросети «Фестиваля»? Разделить бы, проверить отдельно аналоговый канал и цифровой...

Толчок в плечо вырвал его из размышлений.

— Чего сидишь, крути дальше! — потребовал Гуревич.

Мальков вскинулся. На дисплее — статика. Помехи исчезли, картинка застыла, будто мгновенный снимок.

Заслоновец бросил взгляд на счётчик.

— А всё, кончилось кино, — сообщил он, но, повернувшись, обнаружил три пары глаз, недоуменно глядевшие на него. В ответ он показал на обнулённый счётчик плеера. — Запись, я говорю, кончилась. Моазовцы её дальше не делали.

— Как это кончилась? Почему кончилась... Я же сказал, что хочу посмотреть, что там! — Гуревич, задыхаясь от нахлынувших чувств, затряс в воздухе маленькими кулачками. — Да что ты себе позволяешь, я тебя сейчас...

Денис Давидович осёкся, на дисплее появилось следующее сообщение.

«Воспроизведение текущего фрагмента завершено. Оператор совершил аварийное отключение питания станции. Новых фрагментов для воспроизведения нет. Начать воспроизведение демонстрируемого фрагмента сначала? Выберите «ДА» или «НЕТ»».

— Ой, и правда кончилась, — подтвердила очевидное Лариса. — Наверное, им тоже помеха помешала.

— Это... Что? Почему? — Денис Давидович, вскочив и подняв над головой побелевшие от напряжения кулачки, едва не бросился на Малькова. — Кто разрешил? Быстро включил! Включил, я сказал!

Матвей открыл рот, чтобы от всей души послать Дениса Давидовича, обматерить его... на неделю вперёд! У Малькова уже стала вырабатываться нетерпимость к дурасти Гуревича — но тут в плечо толкнуло что-то тяжёлое и твёрдое. Кулак телохранителя.

— Делай, что сказали, — посоветовал грубый голос охранника. — Целее будешь.

— Запись кончилась! — уже не сдерживая раздражения, бросил Мальков. — Это не мы выключили видео, это мозовцы прекратили работу «Фестиваля»! Ещё вчера! И достаточно аварийно, просто рубанули электропитание! Они что-то поняли и выключили радар. Видите, написано, оператор совершил аварийное отключение! Аварийное, значит, в это время что-то случилось! Мне самому интересно, что там дальше, но записи нет! Нет её! Вообще нет! Её не существует! Ясно одно, сотрудники МОАЗ чего-то испугались и выключили радар!

— Как это дальше нет? Как выключили? Почему? Кто разрешил? — не унимался Гуревич, его маленькие кулачки стали летать в опасной близости от лица Матвея. — Я спрашиваю, кто разрешил?

— Найдёте американцев, у них и спросите! — буркнул Мальков, но затем перешёл на более примирительный тон. — Денис Давидович, мы сейчас смотрели запись, сделанную сотрудниками МОАЗ. Это они включили «Фестиваль», они же его и выключили. Мы только наблюдаем результат их работы. Там что-то произошло, я думаю... мне говорил Шон, они опасались включать его на повышенную мощность, видимо, что-то такое произошло, что они испугались совсем вывести радар из строя и выключили. Это правило такое, появилась неисправность, не добивать аппаратуру, а вызвать специалиста. У вас вот если машина сообщает... бортовой компьютер сообщает, что пора в сервис, вы же не насилуете машину, а отправляетесь...

— Ты меня не учи, что мне с машинами делать! — колючие чёрные глаза ВРИО мэра превратились в щёлочки, верхняя губа задрожала и приподнялась, обнажив жёлтые кривые зубы. Тяжело, словно процеживая слова из-за сжатых зубов, выдавил: — Послушай ты, хватит юлить! Или ты даёшь мне, что я хочу, или тебя больше никто не найдёт!

— Денис Давидович, это уже слишком! — возмутился Куницын, пытаясь встать между ними. — Он же всё верно говорит!

— Заткнись! — зарычал ВРИО мэра. — Или завтра пойдёшь улицы мести! Это моя земля! Здесь я хозяин! Я! И я хочу знать, что тут творится! И на земле, и под ней! Можешь сказать? Нет? Тогда заткнись на хрен!

Коротышка повернулся к Малькову.

— Говори, что там?!

Его палец ткнул вниз. В землю. Под плато.

— Я не господь бог, не знаю! — Матвей уже не сдерживался.

— Ты меня не понял? — зло, разбрызгивая слюну, продолжил орать Денис Давидович. — Я! Хочу! Знать! Что! Там!! И ты мне сейчас покажешь!

— Как? — заорал в ответ Мальков. — Не слышишь? Запись кончилась!

— Денис Давидович, — неожиданно вмешалась Лариса, — но действительно, если запись кончилась, как мальчик её... ну, включит, что ли! Это же невозможно! Поймите, все хотят вам помочь, но нельзя же так...

Женщина от волнения не смогла закончить фразу, но до ВРИО мэра, кажется, её слова дошли и без слов. Он тяжело посмотрел на неё, на Малькова, на Куницына, повернулся к телохранителю. Перевёл взгляд на дисплей, затем, приняв решение, резко обернулся к Матвею.

— Включай свою балалайку! Немедленно включай! Весь включай! «Фестиваль» этот... траханый! И пусть он сгорит... совсем сгорит, синим пламенем сгорит, но покажет, что там,

внизу! — потребовал Денис Давидович, тыча пальцем в сторону дисплея. — Там может быть то, что мы ищем вот уже много лет! С того проклятого дня, как погиб... Включай, говорю!

— Что значит, включай? — брови Малькова полетели вверх. — Это же чужая техника! Американская. Я не имею права...

— Включай, я сказал! Я отвечаю за всё! Американцев боишься? Не тех боишься — я твой главный страх!

Мальков замотал головой.

— Да я права не имею! Это... Техусловия... не определены...

— Дима, — рывкнул вдруг ВРИО мэра. — Эдик, давайте быстро сюда!

Мальков не успел сообразить, зачем понадобились Дима и Эдик, как телохранители уже протолкались к нему.

— Значит, так, — сквозь сжатые зубы процедил Денис Давидович. — Или делаешь, что я говорю, или вот они... — он, не оборачиваясь, ткнул пальцем в сторону охранников. — ...тебя здесь закопают. Живым.

— Денис Давидович, не перебарщивайте! — возмутился Куницын. — Это уже беззаконие!

— Ты уволен! — не глядя на следователя, ВРИО мэра взмахнул рукой и показал в его сторону. — Ты уволен! Ты безработный, ты... ты пыль под ногами! А потому тебе здесь делать нечего, пош-шёл отсюда! И запомните все, я здесь за-

кон! Моё слово, закон! Я здесь решаю, что законно, что нет!
И суд тоже я! Понятно?!

— Но...

— Пшёл, я сказал! — Денис Давидович посмотрел на телохранителей, кивнул в сторону следователя. — Этого вон! Он уже никто! Я ещё не решил, вернётся он или останется здесь, но он уже точно никто! Ноль! Пустое место! Выбросить его!

— Ну, это мы ещё посмотрим! В Винерске, или лучше в Москве мы продолжим разговор о законности ваших действий! — Куницын сверкнул глазами, но, не допуская, чтобы его выбрасывали, сам вышел из аппаратной.

— Включай! — рыкнул Денис Давидович, поворачиваясь к Малькову. — Я хочу знать, что там, внизу! И меня никто не остановит. Нужно будет прострелить тебе колени, прострелю, нужно будет полбашки отломать, и это сделаем, не сомневайся! Зароем рядом с этими головешками, что ты тут организовал! Хочешь проверить?

Проверять Мальков не хотел. Пожав плечами, вызвал сервисное меню, включил радар в рабочий режим. Затем установил мощность излучателей в пятьдесят процентов. Меньше не было смысла, больше — Шон предупреждал — нельзя из опасения спалить усилитель. Он не знал причины вчерашнего аварийного отключения и решил не выходить за разрешённые режимы работы. Нагружать чужой передатчик сильнее не хотел.

— Так, это у нас что? — бешеный ВРИО мэра уставился на мельтешение фракталов, но тут самокалибровка интерпретатора завершилась, и на дисплее появилось уже знакомое изображение. — Ага, вот это другое дело. Так, а почему всё такое нечёткое? В прошлый же раз было лучше?

— В прошлый раз мощность была выше, а сейчас я не стал её поднимать, опасаясь вывести весь радар из строя, — пояснил Матвей свои действия. — Раз владельцы аппаратуры не включали станцию на полную мощность, значит, у них были свои резоны.

— Боишься? Ты... Зато я ничего не боюсь! Где там твоя мощность поднимается? — Денис Давидович наклонился к дисплею. — Здесь?

Матвей хотел возмутиться, но, увидев направленный на него ствол пистолета, подчинился. Хочет этот придурок угробить аппаратуру, пусть гробит!

— Да. Нужно вызывать вот это меню, а вот здесь задать цифрами.

— Ставь сто процентов! — потребовал Гуревич.

— Денис Давидович, нельзя сто, — взмолился Мальков, вопреки минутой ранее принятому решению, — станция экспериментальная, усилитель может не выдержать и сгореть. Тогда вообще ничего не увидим. Давайте хотя бы как они, установим семьдесят пять.

— Ладно, ставь семьдесят пять! — согласился ВРИО мэра, добавив: — Пока.

Матвей поднял мощность до разрешённой. Картинка вновь стала отчётливо знакомой.

— Вон туда мне свети! — потребовал Денис Давидович, показывая на фиолетовый прямоугольник.

— Так «Фестиваль» никуда не светит. Он всё сразу показывает. В объёме, — пояснил Мальков.

— Ты мне не умничай! Я хочу знать, что там в... внутри!

— В дольмене! — быстро подсказала Лариса.

— Да, в дольмене! Развелось тут знатоков, плюнуть некуда! — Гуревич раздражённо отмахнулся от помощницы, как от назойливой мухи. — Давай, москвич, показывай, что там в нём!

Мальков пожал плечами.

— Но это всё, что я могу.

— Добавляй мощность! — с трудом цедя слова, медленно произнёс ВРИО мэра. — Ставь сто процентов! Нет, даже двести процентов! Это моя...

— Да-да, это ваша земля, знаю уже! — буркнул Мальков и, уже плюнув на всё, вывел мощность на максимум.

Несколько секунд ничего не менялось. Затем явственнее проявился контур прямоугольника, стали видны толстые стены периметра. Но самое главное, внутри прямоугольника отчётливо показалось что-то тёмное, пока ещё не распознанное искусственным интеллектом «Фестиваля». А нет, вот он показал на одной из стен, что-то красное...

Живое? Там внизу... живое?!

Мальков замер. Пропустил вдох, второй... Опомнившись, с шумом втянул воздух. Несмотря на кондиционер, его пробил пот. Липкий и холодный.

От напряжения в глазах Матвею показалось, что он видит некоторое шевеление в дольмене, но тут его внимание отвлекла вновь замелькавшая карусель помех.

От тёмной точки правее дольмена, сразу у стены, разделяющей красную область пополам, вновь потянулось белёсое, похожее на саблю тело помехи. Затем помех стало две... и с каждым отсчётом их число удваивалось! Если так пойдёт, скоро весь экран будет забит этими... Мальков даже не знал. Как назвать то явление, что он сейчас наблюдал.

— Денис Давидович, а там что-то есть! — возбуждённо закричала Лариса. — Вон смотрите, вот под этой стеной! Оно... шевелится?

Как ни удивительно, обладательница пышной причёски оказалась права. Под короткой стеной на фиолетовом фоне внятно вырисовывалось тёмно-красное образование неизвестной искину радара природы. Что обозначил этим цветом бортовой «умник», неизвестно, на шкале такой оттенок присутствовал, но определялся как «Нераспознанный объект. Не исключается возможность биологического происхождения».

Что за чушь, какой ещё биологический объект? Под землёй, в дольмене? Причём с обеих сторон стены! Или в чём там ещё? Максимум, что там могло быть, так это оче-

редной трупак, но он не будет обозначаться синим, её цвет зелёный, как у безопасного камня. Нет, тут точно явная ошибка, нужно дождаться полного завершения распознания информации цифровым разумом, тогда и выводы делать.

Но убедиться в своей правоте, как и досмотреть работу системы распознавания, ему не дали.

— Так, всё, ну-ка быстро всё отсюда! Дима, выкидывай всех вон отсюда! — вдруг заорал Денис Давидович. — Всех вон, это я должен смотреть один! Может, там такое, что вам знать не положено!

Мальков почувствовал, как его тянут за плечо, но оторваться от зрелища не мог. Помех, слава богу, было ещё мало, и он ясно разобрал: размытое тёмно-синее пятно распространилось и на внешнюю часть стены дольмена. Но это оказалось последним, что он успел разглядеть, перед тем как вылететь из «Фестиваля».

— Педагог твою... мать! — вырвалось у Малькова, когда он больно приложился копчиком о землю.

Охваченный яростью, он рванулся было обратно к «Фестивалю», но мысль об оружии телохранителей мгновенно охладила пыл.

В этот момент он увидел Ларису. Женщина вышла из радары сама, но лицо у неё было пунцовым от ярости. Чуть дальше стоял такой же краснолицый Куницын.

Чумной край! — мысленно выругался Матвей. — *То потеряшки, то этот Скоро-мэр недоделанный! Да что с ними здесь происходит?!*

Матвей машинально полез в карман и наткнулся на шуршащий пакет...

Антенна GPS? Чёрт, он же совсем о ней забыл! Так бы и уехал, не восстановив станцию.

Вот и занятие нашлось! Прикрутить дело пары минут, а он всякой ерундой занимается!

Забрался на «Вирус», прикрутил фланец, закрепил всё в гнезде. Вот и весь ремонт. Теперь — последняя проверка, и можно в Москву. Командировочное удостоверение отметить некому, но в «Заслоне» нормальные люди, поймут.

Мальков зашёл в аппаратную, запустил генератор. Дождался привычного шума системы охлаждения. Станция бы-

ла готова.

Вызвав меню, запустил диагностику. На дисплее появились электронные линии охраняемых зон. Новые объекты — вертолёт Гуревича и полицейские машины — мигали, требуя присвоения признака. Мальков пометил их как «свои».

«Вирус» вошёл в режим, сменив картинку. Теперь между неподвижными «местниками» ярко горели красные метки людей. ИИ начал распознавать технику, выводить на дисплей почти фотографические изображения. С мотоциклом, полускрытым травой, были проблемы — искин с ним пока не справлялся.

Три отметки у «Фестиваля» — свита Гуревича. Двое телохранителей у заднего выхода КУНГа, одна — Лариса — у кабины.

Интересно, что сейчас видит этот неадекват Скоро-мэр? И что это за дольмен? И кто вырыл такие пещеры? Современной техникой — проблематично. Явная древность.

Красная отметка, скорее всего артефакт. Или гнездо крыс. Да, точно, наверняка там еще будет дыра, потому они с обеих сторон стены обитают. Конечно, он может ошибаться, радар чуждой, навыки распознавания у него еще не сформировались, но здравый смысл никуда не делся.

А вот странная помеха, это интересно. Она не свойственна такому радару, не тот класс. Всё равно что у реактивного двигателя найти проблему с подачей угля.

Внезапно его взгляд зацепился за рабочий монитор. Что-

то было не так. Он присмотрелся...

Чего?! Помехи! И здесь, на его «Вирус»?

Мальков не верил своим глазам — теперь уже на экране его радара бесновались белёсые нити! Они словно снегом быстро запорошили весь дисплей!

Помехи? На «Вирус»? Точнее... *они их видит, и они... во-круг радара! Как?*

Это физически невозможно! Разные принципы работы! У них общих проблем быть не могло. Это, как если бы подводная лодка вдруг начала тонуть из-за неурожая картошки.

Он поднял мощность до 75% — помехи не исчезли. Пере-вёл в «карандашный» режим — та же картина. И тут красные метки на дисплее стали бледнеть и исчезать одна за другой.

Что за хрень? У «Вируса» компьютерный вирус? Из «Фестиваля»? Передаться по воздуху, «по лучу»? Это бред. Так не бывает...

Дикий вопль разорвал тишину. За ним — второй, ещё страшнее. Такой, какого Матвей никогда в жизни не слышал. Казалось, с человека живьём сдирают кожу.

У Малькова свело пальцы от ужаса. Воздух застрял в горле.

Из ступора его вырвал жалобный визг овчарки. Не понимая, что делает, заслоновец рванулся из станции.

Лагерь опустел.

Совсем.

Только что здесь были люди и собака — и вдруг никого. Только ветер злобно хлопал полами палаток.

И тут вновь по ушам ударил жуткий вой, переходящий в визг! Мальков резко обернулся — и увидел Ларису, летящую спиной вперёд. В воздухе её тело на глазах сжалось, кожа на лице почернела. Но досмотреть он не успел — в следующее мгновение её с мерзким хрустом швырнуло в борт КАМАЗа.

В тот же миг Эдик дико заверещал и взлетел вверх. Его тело скручивало и сминало в воздухе. Пиджак на спине лопнул.

На месте его падения ещё дрожала трава, когда из-за КАМАЗа вылетел Дмитрий. С диким воплем он понёсся на запершего Малькова.

— А-аа-ак!! — крик телохранителя захлебнулся.

Его тело окутало облачко кровавого пара. Невидимая сила скрутила и сжала его так, что тело неестественно выгнуло и скрутило. С чавкающим хлопком вылетели глаза.

Малькова трясло от увиденного, не понимая зачем, шагнул вперёд — и сильнейший удар в грудь отшвырнул его в салон «Вируса».

Сейчас невидимки придут за ним и...

Лишь бы мама его таким не увидела!

И тут же мозг вернул в память сцену падающего Дмитрия и фонтан крови из его глазниц.

Пришло понимание: сейчас это произойдёт с ним.

Тело покрылось липким потом.

Нет! Нельзя лежать и ждать, когда они придут!

Мальков вжался в пол, ужом скользнул вглубь салона, отщёлкнул заднюю дверь и спустился на траву. Пополз прочь, но самообладания не хватало. Ему казалось, смерть уже за спиной.

Эта мысль лишила последних сил. В затылке песком бил пульс, всё вокруг стало монохромно серым и жутким. Трава уже не пахла чабрецом, она резала и колола руки...

Мальков не видел дороги, лишь чувствовал — ползёт слишком медленно. Ощущение близкой смерти не отпускало, и он не выдержал. Сорвался с места и побежал. Бежал без памяти, без мысли, ведомый одним инстинктом — прочь. И этот инстинкт погнал его к той самой стороне плато, по которой так и не смог спуститься сержант Чайка.

Глава 11.

— Эй, гражданин! Куда прёшь, бомжара?!

В Винерском отделении его встретили неласково.

Выглядел он как бомж — грязный, оборванный, пропахший потом и страхом. После ночи бегства по буеракам это было неудивительно. Ни одна машина не остановилась, чтобы подобрать это плетущееся по дороге существо с безумным взглядом.

— Эй, бомжара, ты слышал вопрос? — повторил дежурный с погонами старшего лейтенанта. — Ты кто такой и чего сюда припёрся? Вали отсюда, пока в камеру не закинул!

— Все мертвы, — голос Матвея сорвался на хрип. — Никто не выжил.

— Чего несёшь, убогий? — старлей Калинин брезгливо сморщился. — Громче говори!

Громче? У Малькова не было сил даже стоять.

— На плато... все погибли! — прохрипел он, привалившись к решётке. — Все.

— Погибли? — Калинин опешил. — Где? У меня нет сообщений!

— На плато! Все! Ваши ментовские, мэрские... — Мальков с силой стукнул ладонью по решётке. — Все, понимаешь?! Все!!

— Ты что употребил? Крышу снесло? — дежурный по-

крутил у виска и вдруг насторожился. — Стой... На плато Янгеля, говоришь? Куда наши поехали?

— А я о чём тебе говорю, — зарычал Мальков. — Чайка, Кормильцев, потом этот... Куницын. И да, Наон... Наон, отчество я его забыл. Весёлый такой, всё шутил! Пока мог.

— Семёныч, — растерянно проговорил Калинин.

— Да, точно, Наон Семёныч. — Мальков хотел сглотнуть, но слюны не было и у него ничего не получилось. — А ещё ваш эксперт, водитель и парень с собакой. Кинолог, молчаливый такой парень, имени его я не знаю.

— И что, где они? — впервые за это время полицейский настороженно оживился. Он внимательней посмотрел на Малькова. — Ты... А откуда вы знаете, наших коллег? Говорите же, что с ними? Их уже всю ночь все спрашивают, ещё вечером должны были вернуться.

Мальков, несмотря на крайнюю усталость, нашёл силы удивиться.

— Вы меня не слышите? Они погибли!

— Не пи... ври, придурок! — побелел Калинин. — Так не шутят, я тебе весь ливер отобью! Если... Будешь сидеть и молиться, чтобы в аптеке аспирин подешевел!

— Да проснись ты, моя фамилия Мальков. Посмотри в твоём журнале, должно быть записано! Или, где ещё вы там пишете! — Матвей махнул рукой в сторону стола, за которым сидел дежурный. — Вчера мы с Кормильцевым и Чайкой выехали на плато. Туда вызывали вашу группу. Или как

это у вас называется, не знаю. Куницын, следовательно...

— Да было такое, — кивнул дежурный. — И ты... вы говорите... Не может быть! Все? Все?!!

Старлей схватил телефон, нажал несколько кнопок, но затем остановился.

— Нет, парень, ты что-то путаешь! — дежурный пристально посмотрел на Матвея. — Такого просто не может быть! Мне Семёныч ещё бутылку должен, проспорил... Да не, не верю, врёшь ты всё! Чтобы вся группа разом и полегла?

— Сам не верю, — тихо сказал Матвей. — Но закрою глаза... столько крови. Они гибли на моих глазах.

Он судорожно сглотнул, замотал головой, сбрасывая видение.

— Кошмар... Я атеист, но это был ад. Настоящий ад! Они пришли из-под земли! Невидимые!

Мальков поднял голову и посмотрел в глаза дежурному. Тот так и стоял с трубкой пульта в руке.

— Они гибли у меня на глазах! Они так кричали... У меня голова взорвется от этих криков! — Матвей почувствовал комок в горле. Его начал душить спазм, голос дрогнул и изменился, но он был не в силах молчать. — Люди не могут так кричать. Люди не должны испытывать такую боль!

— Где это произошло? — спросил дежурный, но сразу спохватился. — Ах, да, вы же говорили, на Янгеля. И ты действительно уверен, всё наши погибли? Слушай, парень, пре-

крати, скажи, что ты шутишь, скажи, что врёшь!

Старший лейтенант Калинин нерешительно посмотрел на трубку. Нужно было докладывать о происшествии, но как поверить в то, что говорит этот странный человек? Сейчас развелось столько всяких сумасшедших, расскажут любые небылицы с такой убеждённостью, что поверит даже Фома Неверующий. И что теперь? Звонить, поднимать всех на ноги, чтобы потом над ним весь город смеялся? Да что город, весь Краснодарский край мигом узнает о таком казусе! Но, с другой стороны, сообщение настолько жуткое, что если оно подтвердится, а он на него не отреагировал, будет плохо.

— Не вру, все погибли. И не только полицейские. Моазовцы, строители, все! — Мальков печально помотал головой. — Там ещё ВРИО мэра был. Ваш, винерский. Лариса, телохранители. Ещё там с ним был вертолётчик. Не знаю, может ещё кто, но из вертолёта больше никто не выходил.

— Скоро-мэр тоже?... Гуревич? Маленький такой? — глаза полицейского округлились. — И... он тоже?

— И он, — голос Матвея стал совсем тихим. — Я же сказал... все.

Лицо Калинина посерело. Медленно, с обречённой решимостью, он потянулся к пульту. Палец замер над кнопкой.

— Парень... Если ты хоть в чём-то соврал... тебя всё отделение... отпинает!

Машина завертелась. Звонки в мэрию и аэропорт подтвердили слова Малькова: Гуревич и его группа на связь не выходили. В верхах уже шептались о нападении сектантов на МОАЗ, но официально все ждали возвращения ВРИО мэра к утреннему совещанию.

Вскоре в горотдел приехал встревоженный начальник горотдела подполковник Волков. Он тоже не хотел верить в полученную информацию, но проверив её по своим каналам, убедился, слова Малькова подтверждались — ни его собственные подчинённые, ни ВРИО мэра, как убыли на плато, больше нигде не объявлялись.

Вызвав к себе своего заместителя майора Лабунца, подполковник приказал доставить москвича. Знал бы он в каком состоянии заслоновец, для начала попросил бы привести того в порядок. Хотя бы водой из шланга окатить.

— Задержанный доставлен! — доложил сопровождавший Матвея сержант.

— Свободен, — подполковник, стоявший у отодвинутого от стола кресла, кивнул сержанту на дверь. — Здравствуйте, Мальков.

— Здравствуйте, — ответил Матвей, разглядывая руководителя полиции наукограда.

Подполковник Волков был франтоват и подтянут. Педан-

тичный порядок на столе и холодный, оценивающий взгляд выдавали в нём системного человека. Его заместитель, майор Лабунец, был его полной противоположностью — широкоплечий крепыш с тяжелой челюстью и колючими голубыми глазами, которые мгновенно впились в Малькова.

— Майор Лабунец Павел Петрович, мой заместитель. — представил сидящего Волков. — Павлу Петровичу поручено детально ознакомиться с вашими показаниями и разобраться, что произошло на самом деле.

Мальков готов был поклясться, что подполковник хотел вместо слова «показания» сказать что-то другое и наверняка не слишком приятное.

— Мне уже доложили... что с ваших слов с вами произошло. В Москве тоже об этом деле знают. — продолжил подполковник. — Мне приказали отнестись к вашим... к вашему рассказу со всей серьёзностью. К сожалению, дело приняло международный характер. Происшествием на плато Янгеля, если оно было, интересуются в Америке и Европе. МОАЗ обещает вскоре прислать свою группу дознавателей, но это если мы им разрешим. Что там действительно всё так плохо?

— Даже хуже, чем вы себе можете представить! — Матвей, не дождавшись приглашения присесть, сам отодвинул стул и сел напротив Лабунца. — Там... там нужно срочно всё оцепить, там смертельно опасно!

— Возьмите себя в руки, Мальков, — баритон Лабунца был обволакивающе спокоен, но в глазах стоял лёд. — Не

нужно драматизировать. Вы же живы. А если там и впрямь такой ад, вас надо срочно обследовать. Основательно. С психиатром.

— Ничего у меня не разыгралось! — возмутился Мальков. — Там... я даже не знаю, что там такое! Такое...

Не зная, как передать весь пережитый ужас, Матвей, посмотрев в холодные голубые глаза Лабунца, запнулся.

— Не знаю, мне вот не верится, что здоровые крепкие мужики, а я лично знаю каждого нашего сотрудника, вот так взяли, и как вы тут нам рассказываете, вдруг мгновенно превратились в мумии! Вооруженные, заметьте. Я проверял, часть сотрудников выехало на место происшествий получив табельное оружие. — жёстко произнёс майор, вбивая каждое слово как гвоздь. — А вот криминал, там вполне мог быть. Со слов участкового обстановка у вас там на плато, нездоровая. Пьянство, драки... признайтесь, было же такое, а Матвей Сергеевич?

— Не знаю, может, и было что-то, вашему участковому виднее. Я там всего один вечер провёл, но ничего подобного не увидел. — Мальков посмотрел прямо в глаза Лабунца, но не переиграв его в гляделки, перевёл взгляд на Волкова. — Правда, в этот вечер с нами мозовцы были, иностранцы. Может из-за них всё было в рамках, не готов комментировать.

— Но пьянку не отрицаете? — Волков поднял правую бровь.

— Выпили всего две бутылки водки на восьмерых... на девятерых, да и те бутылки американцы выставили.

Волков молча кивнул, давая понять, что эта тема исчерпана.

— А потом вы уехали? — произнёс подполковник, давая знать, что хочет услышать продолжение.

— Это уже утром.

Матвей вкратце, тщательно фильтруя информацию, рассказал о прошедших событиях. Говорить было сложно, но упоминать о действиях Гуревича в «Фестивале» или рассказать об имеющихся записях с георадара и о том, что там обнаружилось, значило отправить на плато следующих идиотов.

Только не слово о пещере и дольмене. — Матвей мысленно повторял эти слова, как мантру. — И о «Фестивале» тоже. Стоит кому-то узнать — найдутся новые идиоты, которые захотят его включить. Нет. Этой рулетке конец. Пусть лучше будут считать его трусом, но он не позволит этой бойне повториться. Лучше быть живым трусом, чем мёртвым героем для этих неугомонных.

Офицеры переглянулись. Они были опытными полицейскими и то, что сидящий перед ними оборванец, что-то недоговаривает, читалось в легкую. Если бы информация, что дело получило международную огласку и контроль, они бы живо выколотили бы всё, что знал этот щенок, но сейчас они вынуждены были действовать иначе.

— Значит, вы настаиваете, будто видели, как на ваших глазах погибли мэр Винерска Гуревич Денис Давидович, глава горкомимущества Лариса Игоревна Кузнецова и оба телохранителя Гуревича? — уточнил Лабунец. — Вы это сами видели?

Матвей устало кивнул. Отвечать не было ни сил, ни желания. Говори, не говори, всё равно никто ни во что не верит. Правда, положи руку на сердце, он бы и сам, расскажи кто такое, не поверил.

На столе Волкова запиликал селектор и загорелась кнопка линии вызова.

Подполковник нажал клавишу среднего.

— Прибыл ОМОН, — голос из трубки был настолько громким, что Мальков отчётливо услышал доклад дежурного.

— Хорошо, пусть ждут, скоро поедут, — Волков, отпустив клавишу, посмотрел на Лабунца.

— Понял, выдвигаюсь, — Лабунец встал. — Пойдёмте, Мальков. Покажете нам ваши мумии.

Матвея бросило в жар.

— Я... я туда не поеду, — его голос сорвался. — Вы с ума сошли?

— Дорога неблизкая, — Лабунец криво усмехнулся. — Светового дня в обрез.

— Нет! — отрезал Мальков, отступая к двери. — Вы не понимаете!

— Мальков, вы поедете, — холодно заключил Волков. — Добровольно или прикованным к поручню — решайте сами. С вами едет взвод ОМОНа. Вы под надёжной защитой. И присмотром.

Матвею оставалось только скрипеть зубами.

— Стойте здесь, — голос Малькова был хриплым. Он проспал всю дорогу, но проснулся разбитым. Голова раскалывалась, однако мысль о муках погибших заставляла его собственную боль отступить. — Дальше ехать нельзя. Тут повсюду тела.

Лабунец спорить не стал. Кивнув водителю, произнёс: — Здесь, так здесь.

Полицейский автобус в традиционной бело-синей ливрее мгновенно замер.

Первым на плато вышел прапорщик Симаков, за ним омовцы, в полной выкладке. Бронежилеты повышенной защиты, шлемы-сферы и новенькие АК-4112 под усиленный патрон калибра 7,62. Вся эта мощь не вселяла в него уверенности, а лишь навевала дурацкую аналогию с фильмом «Чужие» — там тоже верили, что взвод космической пехоты справится с любой угрозой. Наивные идиоты.

Мальков иллюзий не питал.

— Выходите, Мальков! — приказал присматривающий за ним майор Лабунец. — Показывайте и рассказывайте, что здесь, по вашему мнению, произошло.

Заслоновец, поёжившись, вышел. Знал бы кто, как ему не хотелось этого делать? Но что теперь, упираться и позориться? Наденут наручники и всё равно начнут изучать плато.

И что они нароят, трудно предсказать. Нет, раз приехали, нужно работать, может и хорошо, что он вернулся, так хоть проследит, чтобы «Фестиваль» не включали.

— Пойдёмте, — кивнул Матвей. — Тут всё рядом.

Водитель, слышавший о гибели коллег, тоже не усидел в полицейском бело-синем ПАЗе и присоединился к ним.

— Начинайте прямо отсюда! — приказал Павел Петрович.

Измученный и голодный Мальков кочевряжиться не стал. Выйдя вперёд, показал на бело-голубую полицейскую «Газель» и внедорожник Куницына.

— Ну, это ваши, это и так ясно. Там ещё мотоцикл стоит, трава загораживает и отсюда его не видно, — начал Мальков. — Когда всё началось, почти все ваши стояли возле автомобилей, видите, вон там. А там, где палатки стоят, это лагерь строителей. Вон стол, видите? Его отсюда видно, край его. Заметили?

— Да.

— В палатках, в одной палатке и за ними, там дальше, находятся тела... первой волны погибших. Строители и американцы, я вам рассказывал...

— Да, помню, продолжайте.

— Вон там, почти в самом центре плато КАМАЗ видите? Это автомобиль МОАЗ. Впрочем, здесь всё принадлежит МОАЗ, но эту машину пригнали непосредственно американцы, всё остальное было здесь раньше. На КАМАЗе установ-

лен геолокатор нового типа. Он оснащён искусственным интеллектом. Это и есть тот самый «Фестиваль», о котором я вам рассказывал. Думаю, что рядом с ним вы найдёте ещё несколько тел. Но это уже вчерашние. Ваш мэр, как я подозреваю, остался там, внутри аппаратной. А вон там, на краю плато, его вертолёт. В нём ещё пилот сидел. Или пилоты, не знаю.

— Понятно. А ваш локатор, как я понял, вон та «Газель»? — Лабунец показал рукой в сторону стоявшей дальше всех «Газели» с наростом «Вируса» на крыше.

— Вы правы, это мой... наш «Вирус». Его купила МОАЗ для охраны объекта.

— Не охранил, — негромко констатировал стоявший рядом командир омовцев, прапорщик Симаков. — Ну, что Петрович, может пойдём, посмотрим, что там с ребятами?

— Да, действуйте, — кивнул Лабунец. — Только аккуратней, следы не затопчите.

Мальков, полагавший, что все погибшие вчера сотрудники горотдела собрались у машин, оказался прав. Они там и лежали, кто в форме, кто в гражданском. Рядом иссушенный труп овчарки.

— Мать моя женщина... — прошептал один из омовцев, глядя на мумию овчарки. — Рыба и та сохнет дольше.

— Тихо, — резко оборвал его Симаков. — Люди не рыба! Думай, что говоришь!

— Андрей, смотри, вот ключи от машины. От «Форда». —

Водитель омовского автобуса подобрал лежащую на прямой траве связку и показал командиру взвода на мумию в костюме. — Догадываешься, кто это?

— Это Куницын, вон его удостоверение выпало, — сокрушённо кивнул прапорщик.

— Да, это Куницын. Возможно, москвич прав, и это наши ребята. — Лабунец тяжёлым взглядом обвёл плато, кулаки майора побелели.

— Павел Петрович, — закричал молоденький омовец, — смотрите, вот очки, такие майор Отальянц носил!

— Где? — живо отозвался Лабунец, быстро подходя к склонившемуся над мумией бойцу. — Да, точно, это его! Твою же мать, не соврал Мальков! Да что же здесь произошло? Охренеть можно! Как нам теперь семьям сообщать? Что им говорить? Как ЭТО им отдавать?

Симаков в ответ только вздохнул.

— Жаль ребят, — выдавил он, чтобы не молчать. Трупы друзей угнетали, но больше давила тягостная тишина, даже назойливые сверчки притихли. — А может... Может всё же это не они?

Лабунец растерянно поднял очки, сложил, положил в карман.

— Это я его сюда послал, — глухо проговорил Лабунец, не отрывая взгляда от мумии. — Думал, в горы, свежим воздухом подышит... Он мне как отец был. Умел по-человечески договориться, не прессовал, а подсказывал, как выкрутить-

ся. Считал важнее не посадить, а терпиле ущерб вернуть. Хороший человек был.

Он тяжело поднялся.

— Жаль ребят, — Симаков вздохнул. Давящая тишина была хуже любых слов. Прапорщик вздохнул. — Но как? Как такое могло случиться?

Симаков вопросительно посмотрел на Матвея.

— Да, действительно, Мальков, вы здесь знаете больше всех нас, что можете сказать? — не глядя на Матвея, глухим голосом попросил майор. — Поделитесь идеями, у вас же много их? Я же вижу, вы умный человек, не может быть, чтобы у вас не было своей версии.

Слова Лабунца тронули Малькова. Он чуть не сорвался, не рассказал всё. Но в памяти всплыло летящее тело Ларисы, трясущаяся трава над телом Эдика...

Нет. Ничего нельзя рассказывать. Где гарантия, что Лабунец не захочет повторить глупость Гуревича? Включить «Фестиваль». И снова смерти? Эти твари не пощадят никого. И в этот раз ему точно не выкрутится.

— Мы ходили, смотрели, — начал он. — В «Фестивале» нашли труп, ну как труп, вот такую же мумию, как вы видели. С остатками рыжих волос, такие только у Джеймса были. Ваш эксперт сказал, что... у этого трупа была не полная... фрагментарная, да точно, фрагментарная мумификация.

— Как это? — не понял Лабунец.

— Я тоже вначале не понял. Но эксперт показал на корен-

ной зуб скелета и сказал, что тот не подвергся иссушению.

— Иссушению? Фрагментарному? Ерунда какая-то, ладно, с этим наш эксперт разберётся. — Лабунец вдруг скривился, затем сплюнул. — Бел-л-ляшь гор-рельй, какой эксперт, Виталий же вчера сюда поехал! Он же у нас всего один был! Пипец, последнего лишились!

— Павел Петрович, нашим бы сообщить! — мрачно напомнил водитель. — День быстро пройдёт, а здесь вон поле какое! Пока всё осмотришь, пока всех найдёшь! Машину ещё нужно, наших вывозить надо. И в мэрию бы сообщить, тоже стоит, может транспортом помогут.

Лабунец кивнул.

— Ладно, делаем так. Ашотович, ты езжай, ищи связь, докладывай. А мы...

Голос майора утонул в нарастающем реве вертолётного двигателя.

Малькова передернуло: *Настоящее дежавю. Плато, вертолет... А потом, что? «Фестиваль» и кровавая жуть?! Эти бараны не понимают, ни полиция, ни стволы им не помогут! И его везение не бесконечно....*

Пилот приземлил свою машину рядом с первой. В отличие от неугомонного Дениса Давидовича, новый экипаж не спешил, терпеливо дождавшись остановки лопастей.

Наконец пассажирский люк все же ушел в сторону и из салона шагнул грузноватый седой мужчина лет пятидесяти в легком светлом костюме, белой рубашке и светлых туфлях.

— Бел-ляш горелый, — заместитель главы администрации края по безопасности собственной персоной! — Темпераментно отреагировал Павел Петрович на появление краевого руководства. — Ну пипец, теперь такой дурдом начнется!

— Оно бы Петрович и так началось, — негромко проговорил командир омовцев. — Сами видите, тут такое случилось, что скоро министры прилетать начнут. Шестаков, это только начало.

Следом за главой СБ выбрались два его спутника, оба подтянутые, спортивные, лет тридцать — тридцать пять, не больше. Первым вышел высокий, длинноногий и длиннорукый коротко стриженный голубоглазый шатен, второй казал-

ся чуть ниже, но за счет широких плеч и мощной грудной клетки, выглядел внушительнее и казался профессиональным борцом. Это впечатление подчеркивали грубые, будто тесаные из камня черты лица, маленькие темные глазки, поломанное правое ухо и бритый наголо круглый череп. В отличие от него, голубоглазый казался интеллигентом. Узкий подбородок, небольшой рот с тонким носом над ним и высокие скулы делали телохранителя больше схожим с работником сферы искусств, разве что скупые выверенные движения выдавали специалисту реальную подготовку и тренированность бодигарда.

— Картина Репина – главный безопасник и его команда. — Пробурчал майор Лабунец. — Сейчас начнут учить жизни и спрашивать, как мы до такого докатились.

— Не-е, вначале они должны заглянуть в кабину вертолета мэра и увидеть, что осталось от пилота. — Тихо констатировал Мальков. — Вот тогда все и начнется!

Как в воду глядел. Один из спутников главы СБ, тот, что повыше, скользнув взглядом по остекленной части черно-красного геликоптера, насторожился. Сделав знак напарнику, легко скользнул к кабине, заглянул внутрь и тут же отпрыгнул назад метра на полтора, не меньше! Матвей даже не успел понять, как у длинного в руке оказался ППФ-2009. Мгновение назад руки были пусты, а теперь — прыжок назад, и ствол готов к работе. Выучка.

— Накаркал! — буркнул Лабунец, бросив на Матвея

недовольный взгляд. — Ладно, пошли, поприветствуем руководство. Вы, Мальков, со мной.

— Вы идите, а я лучше здесь, пешком постою, — негромко сказал командир омовцев и пошёл к своим людям.

— Владимир Павлович, всё в порядке! Пусть ваши ребята уберут оружие, мы контролируем ситуацию! — прокричал Лабунец. — Тут много таких... артефактов, не нужно так реагировать!

Замглавы администрации края по безопасности непонимающе огляделся, посмотрел на стоящего с ППФ-2009 в руках охранника, что-то сказал ему, подошёл к вертолёту Гуревича.

Заглянув в кабину, Владимир Павлович заметно вздрогнул, но прыгать не стал, только резко отпрянул. Обернулся на виновато разведшего руки майора, затем вновь посмотрел в кабину. На этот раз взгляд Шестакова был дольше. Отвернулся только тогда, когда Лабунец с Мальковым замерли от него в трёх шагах. Покачал головой и пошёл навстречу майору.

— Здравствуйте, Владимир Павлович, — поздоровался Павел Петрович, приближаясь к краевому начальству. — Вам уже доложили?

— Здравствуй, Паша. Докружили, не то слово! Москва в истерике, скандал намечается до небес! Сам, понимаешь, — Шестаков показал пальцем вверх, — взял дело под контроль.

Замглавы администрации края по безопасности пожал ру-

ку Лабунцу, затем посмотрел на Матвея.

— Вы здесь старший?

— Старший погиб. — Мальков ни за что не собирался быть здесь старшим. Тогда он точно надолго застрянет на проклятом плато. — Я здесь случайный человек. Был здесь в однодневной командировке, завершил, теперь собираюсь в Москву.

— Подождёт ваша Москва, — отмахнулся Шестаков. — Показывайте, что здесь у вас.

Мальков с надеждой посмотрел на Лабунца, но опытный сочинец только усмехнулся и мотнул головой в сторону замглавы. Вон ему все претензии, он теперь здесь командует.

Делать было нечего, Мальков, в который раз, начал излагать свою версию событий двух последних суток.

Но замглавы оказался мужиком въедливым. Едва Матвей заговорил о том, зачем здесь КАМАЗ с будкой, сразу последовал вопрос о возможностях «Фестиваля». После чего Шестаков стал задавать массу вопросов, его тоже заинтересовала умная машина.

— Ай молодцы, ты смотри, какую замечательную вещь придумали! Не знал, не знал, что у нас в стране такие делают! Умницы, что и говорить! Я куплю такой... «Фестиваль», вы говорите? Да-да, обязательно куплю. Это ж какие возможности он дает! Никто от него не спрячется. В каждое управление такой нужен. Можно его посмотреть?

Мальков, всё более погружающийся в состояние дежавю,

растерянно завертел головой, в поисках поддержки оглянулся на майора. Ему до жути, до слабости в коленях не хотелось вести Шестакова в георадар, вдруг он как вчерашний ВРИО мэра захочет включить устройство и увидит проклятуший дольмен. И что потом? Наверняка же потребует показать, что внутри...

— Что случилось? — почувствовал смущение москвича опытный Владимир Павлович. — В чём проблема?

Лабунец тоже посмотрел на Малькова. Но тот только пожал плечами. Сам выкручивайся.

— Там... Там...

— Ну говори, что там? — не выдержал замглавы.

— Там труп мэра. В станции. Он там был, когда всё началось. Мэр. ВРИО. А его люди здесь. — Мальков показал на синее платье, прикрывающее останки под колесом. — Вон там, видите? Это Лариса лежит.

— Лариса? Какая Лариса? Председатель винерского горкомимущества? — брови Шестакова полезли на лоб. Он быстрым шагом приблизился к КАМАЗу, задержался, увидев кажущуюся брошенной на траву одежду одного из телохранителей Гуревича, затем подошёл к мумии в синем платье.

— Вы хотите сказать, это наша Лариска? Да вы смеётесь надо мной? — Шестаков возмущённо развернулся к Малькову. — Что за глупый розыгрыш?

Матвей промолчал, усталому, голодному, с раскалываю-

щейся от всего пережитого и от недосыпа головой, ему совсем не хотелось что-то доказывать и объяснять.

Вместо него к тому, что осталось от бодигарда Гуревича, склонился высокий спутник замглавы. Внимательно осмотрел голову мумии, труп лежал ничком, кожа на когда-то мощном загривке лопнула, её клочки трепыхались на ветру так, что казалось, будто на несчастного села небольшая колония мотыльков.

— А это, по-вашему, кто? — резко спросил Владимир Павлович и посмотрел на Малькова.

— Насколько я успел узнать, Эдуард, — Матвей, вспомнив картину гибели сопровождающих ВРИО мэра, поёжился. — Но я не уверен, Денис Давидович мне своих телохранителей не представлял.

— Лёха, глянь, у Эдика была цепура толстая с крестом, — сообщил второй бодигард. — И татуха на груди с кентавром и телкой.

— Ну и жаргон у тебя, Николай! — недовольно мотнул головой Шестаков и поморщился. — Татуха, телки. Ты ещё портачки скажи! Сколько уже говорю, научись нормальному языку! Следи за тем, что и когда говоришь!

Высокий телохранитель, которого напарник назвал Лёхой, потянул пиджак мумии так, чтобы опрокинуть её на спину. Но вместо этого мумия выскользнула из одежды, рухнув на траву, у неё отделился череп и откатился к ногам майора Лабунца. В руке растерянного Алексея остался только

пиджак.

— Вот же б... гадство! — вырвалось у телохранителя. Стараюсь не показывать растерянность, он уже решительнее наклонился и потащил за предплечье.

— Твою же мать! — зарычал он, когда в руке оказалась оторванная конечность.

— Лёш, ты его разбираешь или переворачиваешь? — поинтересовался Николай.

— Да пошёл ты, — Алексей бережно положил кости руки на траву, взял скелет обеими руками за плечи, перевернул. При этом у мумии отвалился таз и вместе с ногами в брюках упал на траву. — На сам смотри!

Разозлённый неудачей телохранитель сунул останки Эдуарда Малькову, но тот испуганно отпрыгнул назад и отрицательно замахал руками.

— Не-не, мне это не нужно! — почти завизжал москвич. — Это вы хотели убедиться, вот и убеждайтесь.

Алексей повернулся к Шестакову, удивлённо-настороженный вид которого свидетельствовал — замглавы тоже не горит желанием брать останки в руки. Стоящий рядом Лабунец на всякий случай сцепил руки за спиной.

— Да положи ты его, — посоветовал Николай, — а то до вечера будешь искать, кому отдать. И да, вон на ремень посмотри, похоже точно его.

— Значит... это Эдуард? — недоверчиво спросил Шестаков.

— Выходит так, — Николай подошёл ближе. — Вроде вот на том на клочке кожи что-то наколото, но не разобрать. Прозрачное всё стало.

— А вот и крест, — Алексей подхватил из травы блестящую золотом толстую цепь с большим тяжёлым крестом. Подкинул на руке и сунул в руки оторопевшего майора. Видя, что тот колеблется, добавил: — Доказательства.

Павел Петрович наверняка пожалел, что не взял с собой прапорщика, не передавать же вещественные доказательства Малькову? Делать нечего, пришлось брать. Крест был помещён в карман брюк Лабунца.

Шестаков внимательно посмотрел на останки, задумчиво кивнул. Тяжело вздохнув, медленно повернулся к лежащим останкам под синей тряпкой.

— Получается, всё же Лариса, — нехотя согласился он, вопросительно глянув на Лабунца.

— Не знаю, — майор развёл руками. — Экспертиза покажет. Но по всему выглядит всё так.

— Вот уж не думал её здесь встретить! Да ещё в таком виде. Жаль, очень жаль! Яркая женщина была! Красивая. И умная, потому этот ваш Скоро-мэр и таскал её всюду за собой, чтобы она его от ошибок удерживала. Без неё наш Дениска столько бы дров наломал, что хрен бы так поднялся! Паша, а может, всё же это не она? Эксперт что говорит?

— А нет у нас теперь эксперта. Он тоже здесь вчера был. Но если верить очевидцу, — майор кивнул на Малькова, —

это Лариса Евгеньевна.

Шестаков перевёл взгляд на заслоновца, тот утвердительно кивнул.

— Понятно, — лицо Владимира Павловича потемнело. — Но зачем Гуревич её сюда потащил? Что председателю горкомимущества в горах делать?

— Следствие определит, — Лабунец пожал плечами. — Правда, не знаю, кто будет вести его, следственный комитет или ФСБ. Тут в пору район закрывать.

— Безумие какое-то! — не обращая внимания на последние слова майора, задумчиво повторил Шестаков. — Сколько же здесь людей погибло! Что же здесь произошло? Такое и на эпидемию не спишешь, не слышал я о таких болезнях, чтобы так вот враз и столько людей в скелеты обратились!

— Вон там лежит Дмитрий. — Матвей вздохнул. Ему хотелось поскорее всё закончить, а потом пусть увезут его отсюда куда угодно, хоть в камеру, но лишь бы быстрее и дальше отсюда. — Вон там, видите? Там трава высокая, туда он упал! Я видел... видел, как вылетают его глаза! Он ещё падал, а они летели!

Майор и замглавы одновременно посмотрели на Малькова.

— А мэр в это время в аппаратной был, его тоже станция заинтересовала, — глухим голосом продолжил Матвей. — Но не думаю, что он спасся. В прошлый раз там Джеймс пытался спрятаться, — Матвей посмотрел на Павла Петровича.

— Это его труп вчера ваш эксперт изучал.

— Если там труп, то туда нельзя! — наконец майор сказал те слова, что Малькову так хотел услышать. Но тут сам Лабунец же всё испортил! — Я сейчас гляну.

Не поднимаясь по лесенке, майор приоткрыл дверь, заглянул.

— Да, есть. Там в кресле торчит что-то. И ботинки под креслом валяются. — Лабунец повернулся к Шестакову. — Похоже, парень не врёт.

— Я хочу глянуть там, — Владимир Павлович кивнул в сторону «Фестиваля».

Заместитель начальника РОВД виновато развёл руками.

— Место следственных действий, — пояснил он свой отказ.

— И что, никак? — замглавы недовольно нахмурился. — Мне посмотреть нужно, что это такое, не прилетать же мне сюда во второй раз из-за такой ерунды? У вас этих мертвяков... Простите, не подумал, ваших погибших товарищей я не хотел задеть. Но мумий здесь и без них полно. Что с того, если мы подвинем или даже вынесем на свет тело Дениса Давидовича? Ничего от этого не изменится, всё равно у вас даже версий нет. Их ни у кого нет. Я не представляю, как вообще такое могло произойти, вы тоже. А в особенности, чем и как всё это было сделано! Привези сюда Шерлока Холмса и тот застрелится. Ну, Павел Петрович?

Лабунец посмотрел на Матвея.

— Включить сможете?

Мальков, решивший про себя, что ни за какие ковриги включать не будет, вдруг неожиданно для себя самого принял другое решение.

— Да, но мне нужно будет в свою станцию за ключом сбежать.

— Так открыто же всё! — не понял замглавы.

— Вы не поняли. У каждого локатора имеется свой компьютер, своя система документирования. Для ограничения допуска к материалам имеется USB-ключ, без которого аппаратуру не включить. Вам повезло, что программы на наших станциях одинаковые, я смогу включить этот радар своим ключом, но он остался в «Вирусе». «Вирус», это тот радар, — Мальков показал на заслоновскую «Газель». — Если что, там трупов нет, я вчера один там был.

— Ладно, бегите, — мрачно вздохнув, махнул рукой Шестаков. — Паша, дай команду, пускай Дениса Давидовича вынесут. Там пакет какой-нибудь подберите, пусть туда положат. Он маленький был, поместится.

Глава 12.

Матвей пулей влетел в аппаратную, благо станция оказалась включенной. Вчера он с такой скоростью бежал с плато, что выключить станцию даже не подумал, теперь это помогало задуманному. Хорошо ещё в дежурном режиме «Вирус» мало энергии потреблял, судя по показаниям приборов, топлива в основном баке хватит ещё на полдня.

Сунул флешку в гнездо. Выведя на дисплей меню, дал команду переписать все файлы последних дней.

Теперь ту же операцию предстояло провернуть с «Фестивалем», но в отличие от «Вируса», георадар придётся вывести из строя. Матвей твердо решил, больше на плато Янгеля эту станцию никто не включит. Можно было просто уничтожить носитель информации «Фестиваля», но лишать МОАЗ законной информации он не мог, потому вначале нужно её сохранить, но сделать это так, чтобы не привлечь внимания полицейских. Тем только дай возможность, всё себе заберут, получить её назад вряд ли получится.

Последний файл оказался ожидаемо большим, станция работала почти сутки, пришлось подождать. Ничего, пока они вынесут останки ВРИО, время есть.

Наконец копирование на флешку завершилось, дав команду на выключение радара, Матвей вышел. Захлопнул дверь и, мысленно пожелав себе никогда больше сюда не воз-

вращаться, потрусил к «Фестивалю».

Как он и надеялся, тело Гуревича ещё не вынесли. Даже пришлось немного подождать, ни у кого не нашлось тары, достойной останков ВРИО мэра. Этим воспользовался Матвей, он уже стал привыкать к виду мумий, потому не став дожидаться, пока освободят салон, поднялся в аппаратную через боковой вход.

«Фестиваль» в отличие от заслоновского радара был выключен. Но как раз в этом мистики Мальков не видел. «Фестиваль» потреблял значительно больше энергии, когда в основном баке дизель-генератора топливо стало заканчиваться, бортовой компьютер запросил команду на переключение. Не получив её, корректно выключил радар, а вместе с ним и дизель.

Малькову такая ситуация была на руку. Включив дежурное питание, он вывел меню на дисплей. Судя по показателям, его предположения оказались верны, топливо осталось только в малом аварийном баке. Дал команду на переключение. Резервная ёмкость была заправлена под завязку, судя по датчикам, этого должно хватить надолго. На сколько — Матвей не знал, для его целей пяти минут хватит. Вставил флешку, запустил копирование.

— Работает? — за спиной послышался голос Лабунца. Мальков даже не заметил, как тот вошёл в станцию. А тот, бросив короткий взгляд на кресло, с которого только что убрали останки Гуревича, кивнул на флешку. — Как завер-

шим работу, этот, как вы утверждаете, ключ, передадите нашим специалистам. Нужно убедиться, что там нет ничего, что может пролить свет на преступление.

— Это имущество МОАЗ. И очень дорогое, — покачал головой Матвей. Врать, так врать, сейчас только блеф может ему помочь. — Эти ключи изготовлены в ЦРУ, там у них специализирующаяся на изготовлении систем идентификации. На флешке часть программы защиты шифрования и включения, вторая часть на компьютере, без друг друга они не работают. Программа стоит огромных денег, десятки, если не сотни миллионов долларов! Если ЦРУ или МОАЗ узнают, что ключами занимались наши спецслужбы, будет большой скандал.

— А почему они должны узнать? — пожал плечами майор. — Я верно говорю, Матвей Сергеевич? Им совсем не нужно знать об этом. А нам не нужны их секреты, нам гибель наших друзей и коллег надо расследовать. И думается мне, эта флешка...

— Петрович, на минутку! — позвал с улицы голос Симанова.

— Никуда не уходи! — многозначительно усмехнувшись, Лабунец хлопнул Малькова по плечу. — Я сейчас вернусь.

— Твою мать, — Матвей зло посмотрел на индикатор записи. Осталось копировать ещё минуты три, от силы пять. В этой станции последний файл тоже оказался слишком большим. Это и понятно, выключить было некому, писалось всё,

пока не произошло отключение из-за опустевшего основного бака.

Хорошо ещё флешка была большой ёмкости, там ещё столько же поместится, хотя бы об этом думать не приходится. Но как же сделать так, чтобы не отдавать её Лабунцу? Может, Шону позвонить? Позвонить? Как? И связи здесь нет, и смартфон вчера потерял. Наверное, когда с плато убегал. Смартфон жаль, конечно, там все контакты, все адреса, все фото и видео остались! Считаю, вместе с ним всей прежней жизни лишился!

— Смотрите, смотрите, вон они! — через открытую дверь аппаратной до Матвея долетел чей-то крик. — Я же говорил, это розыгрыш! Вот же они! Да вон, вон идут! Вон там! Да не там, вот туда смотри!

Матвей было рванулся к выходу, но мгновенно мелькнувшая в голове мысль о флешке остановила. Бросил быстрый взгляд на дисплей — лента индикатора прогресса записи была заполнена полностью. Значит, остались считанные секунды.

Матвей застыл.

Розыгрыш? Серьёзно? Они что, совсем охренели? Мумии, оружие, документы — и это всё шутка? Или они сами себя так утешают, лишь бы не верить в кошмар, который здесь творится?

Запись файла наконец завершилась. Мальков выдернул флешку и сунул в карман. Хрен он её кому отдаст. Пусть вна-

чале вывезут его с плато, а там... Там такая специфическая информация, что без него и его комментариев они ничего не поймут. Чтобы получить ответ, нужно задать правильный вопрос. А его, кроме Малькова, никто не сформулирует.

А раз так, все любопытные могут хоть до дыр смотреть, один чёрт ничего не разберут!

Тогда, получается, остаётся одна опасность — «Фестиваль». Если его не включать, беды не случится. Впрочем, кто его теперь включит? Кроме моазовцев и Матвея, больше никому. А он точно больше в георадар не войдёт! Никогда и ни за что!

— Мальков! — услышал он за спиной голос Лабунца. —

Чем вы здесь занимаетесь?

— Заземление откручиваю, — с ходу придумал Матвей, откручивая фидер передатчика. — Готовлю объект к консервации! Чужая техника, не бросать же здесь всё под напряжением.

Павел Петрович с иронией посмотрел Матвею в глаза.

— Похвальная предусмотрительность, — криво улыбнулся майор. — Там все кричат о розыгрыше, о том, что ваши рассказы об ужасах плато — это откровенное враньё, а вы тут трудитесь не покладая рук. И все ваши дела — одно подозрительнее другого!

— Вы настолько хороший специалист, что можете дать оценку моим действиям? А давайте я вами поруковожу? Например, скажу, кому и куда идти?

— Хамишь? Это...

— Паша! Паша, куда вы все пропали? — раздался голос замглавы администрации края по безопасности. — Где там этот ваш москвич? Идите сюда! Тут толпа идёт, хрен поймёшь, кто они, свои, чужие? Мне докладывали, что здесь отдалённый объект, а тут проходной двор какой-то!

— Идём, Владимир Павлович, уже идём. — Лабунец дернул головой в сторону. — Давай к Шестакову, но мы с тобой

ещё не закончили.

— Да мы ещё и не начинали! — ответил Мальков, проходя мимо майора. — Вот вызовем представителей МОАЗ, адвокатов, экспертов, тогда и продолжим. А иначе незаконно попахивает!

— Умник, значит? — бросил ему в спину Лабунец. — А ничего, если ты здесь главный подозреваемый?

— А орудие преступления предъявите? — Мальков от захлестнувшего гнева остановился. — И метод убийства обоснуете? А свежие, не прошлых тысячелетий, а подчёркиваю, свежие трупы предъявите? Нет? А без этого все ваши слова... не хочу, как вы говорите, хамить, скажу одно, пока ваши слова только слова. И поверьте, Павел Петрович, в моих действиях ничего преступного нет, только техника безопасности. В том числе и лично вашей!

Лабунец, усмехнувшись, покачал головой.

— Ну прям МЧС у нас завелось. Какой заботливый! Мать Тереза доморощенная! Может посадить тебя в камеру, где таких «мамок» любят, может тогда быстрее соображать начнёшь?

— Майор, я долго ждать буду? — заревел Шестаков. — Они уже к технике полезли! Нам москвич нужен!

— Ещё поговорим, — пообещал Лабунец.

Как же задолбали эти царьки местные! Пора с вас короны сшибать!

— Майор, — Мальков посмотрел в глаза Лабунца. — По-

ка еще майор. Мы обязательно продолжим! Только не здесь, в Москве! Можешь не сомневаться!

Огибая Павла Петровича, Матвей рванулся на голос. Лабунец, хмуро щурясь, пошёл следом.

Замглавы администрации края по безопасности, охранники, омовцы, а чуть поодаль и пилот вертолѐта, стояли между КАМАЗом «Фестиваля» и палаточным лагерем.р

Независимо от того, кто в каком месте оказался, все смотрели на приближающуюся с северной части плато разномастную толпу.

Матвей, увидев «гостей», едва сдержал стон.

Опять! Снова это проклятое плато собирает их, как мух на мѐд? Ну что вам здесь нужно? Здесь нет еды!

Безумное дежавю: опять день, опять толпа безумцев и опять вокруг почти незнакомые люди! Ко всему прочему, сорвавшиеся шли оттуда же — с севера и северо-востока. Ему даже показалось, что видит знакомые рожи. Но на этот раз потеряшек было намного больше. Как сказал бы погибший Карпентер, на очень и очень много! Причѐм в толпу сбивались не все. Часть мужчин, человек десять или чуть больше — из-за многочисленного скопища сорвавшихся толком не разглядеть — отделились от основной массы и направились к дорожным машинам, что стояли как раз на северной части плато, чуть восточнее того места, откуда выбирались наверх все новые и новые орды безумцев.

Мальков перевѐл взгляд на замглавы администрации края

по безопасности.

— Говорите розыгрыш? Разочарую, это не наши. Это те, кто напал на нас в первый день. Если точнее, в день нашего с американцами приезда. Охранники лагеря, те, что там лежат, — Матвей кивнул в сторону палаток, — говорили, что и до этого бесноватые забредали сюда, хотя вели себя не так агрессивно, как в прошлый раз. Но я даже предположить не мог, что их будет столько!

Шестаков хмуро посмотрел на Лабунца.

Тот пожал плечами.

— Майор, что у вас здесь творится? Бродяги объединяются в банды, нападают на международную стройку, а вы только сейчас об этом узнаете! Вы вообще контролируете ситуацию в городе, в районе? Откуда в курортной зоне столько бродяг, вы мне что, курортный сезон сорвать хотите?

— Владимир Павлович, мы отвечаем за Винерск, за весь Сочи...

— Ну и как ответили? Плато ваша территория? И что вы здесь устроили?

— Владимир Павлович, — перебил замглавы администрации края по безопасности подошедший Алексей, — простите, что вмешиваюсь, но думаю, вам нужно улетать отсюда! Агрессивно настроенных людей слишком много, мы не сможем всех сдержать. Простите, но так сложилось...

— Лёша, тебя пугают эти крикуны? — скривился Шестаков. — Вас двое, плюс куча омовцев с автоматами, а там

оборванцы безмозглые? Да ты с ума сошёл?

— Владимир Павлович, Алексей прав! — неожиданно для самого себя вмешался в разговор Мальков. — Это не просто толпа, они не будут митинговать, это очень опасные безумцы! Нас в прошлый раз мозовцы спасли, я считаю, чудом всё без беды кончилось.

— И что их остановило? — Шестаков, будто впервые видит, пристально с ног до головы осмотрел Матвея.

— Не знаю. Там получилось, как в кино. Мозовцы...

— Внимание, — перебивая Малькова, закричал прапорщик Симаков, — они трактора заводят! Нужно быстрее принимать решение, боюсь, упустим момент, потом без крови не обойдёмся.

— Матвей, извини, потом закончишь, не время сейчас! — вновь поторопил телохранитель. — Валентин...

— Не мешай! — рыкнул Шестаков. — Нечем заняться, иди омовцами руководи! Продолжай, Матвей.

— Их Карпентер прогнал! — Матвей махнул в сторону палатки мозовцев. Мальков сам не мог сказать, почему он решил отдать основную заслугу в разгоне сорвавшихся Джо-ну. Матвей прекрасно помнил, что вперёд, на беснующуюся толпу выходили все трое американцев, но назвал почему-то одного Карпентера.

— Это как? — недоверчиво спросил молчавший всё это время майор Лабунец. — Взял и разогнал? Чем?

— Криком. Я же рассказывал, но меня никто не слышит!

— Я услышу, говори! — поторопил москвича замглавы администрации края по безопасности. — Мне расскажи!

— Он вышел вперёд, расставил руки и заорал. Но это был не крик, а... визг. Металлический, пронзительный. Уши заложило, в глазах круги, всё стало черно-белым. Точнее красно-черным. В груди... стало пусто,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.